Ежемесячный научный и общественно-политический журнал Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Nº 1, 2022

Журнал основан в июне 1974 года

Содержание

з к читателю

НОВЫЕ ИДЕИ И ЯВЛЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

- 5 КЛЮЧАРЕВ Г.А. Онтологическая проблематика в социологической интерпретации: к постановке вопроса
- 17 БЕССОНОВА О.Э. Идеология в общественном развитии России: новый ракурс

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 30 НИКОЛАЕВ В.Г. Социологическая теория в России: на распутьях фрагментации и плюрализма
- 41 АМБАРОВА П.А. Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

52 БАБИЧ Н.С., ЮРЬЕВА В.И. Методика измерения когнитивного диссонанса в массовых опросах

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

- 63 МУКОМЕЛЬ В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии
- 76 АВДАШКИН А.А. Мигрантские кластеры в российском городе (на примере Челябинска)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

- 84 ГОЛОВИН Н.А. Между Миннесотой и Гарвардом: комментарий к трем немецким журнальным статьям П.А. Сорокина 1928 и 1930 годов
- 93 СОРОКИН П.А. Эксперименты в социологии. О степени выраженности некоторых проявлений товарищества (альтруизма) на деле и на словах в зависимости от социальной дистанции
- 99 СОРОКИН П.А. Производительность и поощрение труда (экспериментальные исследования на детях 3–4 и 13–14 лет)
- 108 СОРОКИН П.А. Социология как специальная наука

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

114 ТРУБИЦЫН Д.В. Капитализм и вебериана в России: к вопросу о возможностях понимающей социологии. Часть 1: Критика веберианы

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 125 ДЕМЬЯНЕНКО А.Н., КЛИЦЕНКО М.В. Хабаровский протест: опыт социологического анализа
- 134 ВАН СЯО, ЛИ ЦЗЫХАНЬ. Вакцинация от дезинформации

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 143 РОМАНОВСКИЙ Н.В., БИЙЖАНОВА Э.К. Теоретическая социология в России: состояние, проблемы, перспективы (О XXIII Харчевских чтениях)
- 146 ЯРСКАЯ-СМИРНОВА В.Н., ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Е.Р. Связь времен в исследованиях социальной заботы
- 150 КОЛОСОВА Е.А., ЦАПКО М.С., ЦЫБИКОВА Д.Г. Интеллигенция в новой реальности
- 154 ХРАМОВА М.Н., ПОПОВА С.М. О миграционных процессах в странах АТР

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

156 ДОКТОРОВ Б.З. Обсуждая открытый (в)опрос

ЮБИЛЕЙ

- 161 Образцову И.В. 60 лет!
- 162 Щербине В.В. 75 лет!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- 163 ФАЙНБУРГ Г.З., ЛЕВЧЕНКО В.В. К 100-летию со дня рождения 3.И. Файнбурга (1922–1990)
- 165 КОРОТКО О КНИГАХ
- 167 К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

IN MEMORIAM

- 173 Памяти Н.И. Лапина
- 175 **CONTENTS**

СОЦИС: ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

[©] Российская академия наук, 2022

[©] Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2022

[©] Редколлегия журнала «Социологические исследования» (составитель), 2022

НОВОГОДНИЙ ПОРТФЕЛЬ

В редакции СОЦИСа есть специальное место, где мы собираем и храним положенный срок все приходящие материалы и рукописи. Это – пухлый редакционный портфель. Его содержимое, когда потребуется, перемещается в компьютеры ответственного секретаря и научных редакторов. Некоторые рукописи уже опубликованы в недавних номерах нашего журнала, другие – находятся на рассмотрении рецензентов и членов редакционной коллегии. Третьи – придется существенно дорабатывать, а может быть, и совсем отклонять. Конечно, за каждым текстом мы видим автора – как правило, профессионального социолога, преподавателя или исследователя. Но авторы хорошо знают, как только поставлена последняя точка в тексте и материал отправлен в редакцию, текст начинает жить своей самостоятельной жизнью. Его будут читать, интерпретировать, возможно, домысливать такое, о чем автор и не догадывался.

И вот в канун Нового года мы решили посмотреть на содержимое нашего портфеля свежим взглядом – на те материалы, которые поступили к нам на редакционную почту за последнее время, и лишь 30–40% из них попадут на страницы СОЦИСа.

Итак, значительную часть портфеля составляют исследования, выполненные в жанре количественной социологии. Это массовые опросы на самые различные темы – от рынка труда до миграций, от образования до права. Много материалов приходит о молодежи и семье, социальной структуре, по экономической социологии. Все они размещаются в соответствующих рубриках, с которыми вы, конечно, хорошо знакомы. Качественные и экспертные исследования встречаются значительно реже. К экспертам сложнее «подступиться», это понятно, а вот то, что культура качественных исследований у нас на недостаточном уровне, – это, на наш взгляд, результат позитивистского тренда, когда цифры и точные значения идут впереди субъектных подходов и ценностных интерпретаций. То же самое можно сказать и о сравнительных исследованиях. Старшее поколение помнит, что за термин «модель социализма», который подразумевал наличие других моделей социализма, отличных от СССР, следовала жесткая критика сверху. Сравнение могло оказаться не в пользу.

Определенную часть материалов в редакционной почте составляют конкретные исследования (не хотелось бы употреблять термин «прикладные»). Повседневная жизнь многообразна и нет таких сфер, где социологический подход был бы табуирован и неэффективен. Пример из классики – это фактор голода в наследии Питирима Сорокина. У нас же, на редакторском столе, сейчас материалы исследований (правда, различного качества) общественных протестов, полигамных браков, культуры татуировок, беременностей несовершеннолетних, «профессиональных» безбилетников, памятных знаков на местах ДТП, одиноких стариков в отдаленных и умирающих деревнях. Кое-кто из коллег называет это «мелкотемьем». Но мы так не думаем.

Особое значение для развития самостоятельной академической науки имеет теоретическая социология. Круг авторов, успешно работающих на этом поле, очень «узок» – 10–20 человек. Понятно, что теоретизировать у нас в университетах не учат, и передавать такой опыт и мастерство можно только индивидуально, как это делают некоторые наши видные социологи, основатели своих научных школ. Да и проблематика непростая, требует многолетнего опыта и высокой научной культуры. Но стоит помнить, что без этой отрасли науки мы рискуем «редукционировать» к маркетингу, политтехнологиям, полстерингу.

В портфеле журнала богато, хотя и неравномерно, представлена география страны. Здесь обе столицы, крупнейшие города-миллионники, областные центры. Но интересная вещь – далеко не во всех национальных исследовательских и федеральных университетах, которые по замыслу их создателей должны концентрировать исследования по самым разным направлениям наук, в том числе социально-гуманитарным, социология представлена на достойном уровне. Это при том, что социология как специальность имеется повсеместно. С чем связано, что среди наших авторов практически нет представителей Архангельска (Арктический университет), Владивостока (Дальневосточный университет), Нижнего Новгорода (НИУ им. Лобачевского), Хабаровска, Иркутска, Красноярска, Челябинска, Воронежа и ряда других крупных университетских центров?

Может быть, сказывается традиция заниматься только региональными исследованиями и не выходить на федеральный уровень? Но ведь добротные региональные исследования, еще и презентируемые в сравнительном исполнении (сопоставления данных по схожим или, наоборот, принципиально различным регионам из так называемых «крайних децилей» распределения), представляют интерес для всего научного сообщества. А может быть, дело здесь не в институциях и географии, а в личностях исследователей, вне зависимости от места жительства и институциональной аффилированности? Или авторы из этих регионов выбирают другие социологические журналы?

Наконец, небольшая часть материалов – это не академические, спорные, провокативные или дискуссионные материалы, к которым мы стараемся относиться очень внимательно. Именно среди них могут встретиться те «пороки, которые станут нравами» (quid vitiis factus mores, Сенека). Для таких материалов есть специальные рубрики, которые обычно читаются с интересом и вызывают множество откликов, а иногда стимулируют новые хорошие, добротные статьи в развитие этих сюжетов.

Одним словом, в редакционном портфеле на начало нового 2022 года «подарки» на все вкусы. Мы их будем дарить вам в наступающем году на страницах нашего журнала.

Дорогие авторы и читатели! От души поздравляю с Новым 2022 годом! Пусть сбудутся все добрые пожелания и, главное, конечно, здоровья вам!

Г.А. КЛЮЧАРЕВ, главный редактор

Новые идеи и явления в социологии и социальной практике

© 2022 г.

Г.А. КЛЮЧАРЕВ

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

КЛЮЧАРЕВ Григорий Артурович – доктор философских наук, руководитель Центра социологии образования и науки Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор кафедры философии, политологии, социологии имени Г.С. Арефьевой Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт», Москва, Россия (Kliucharev@mail.ru).

Аннотация. Признается ли в современной социологии онтологическая проблематика? Если она отрицается и оставляется «на откуп» социальным философам, то такое положение дает серьезный аргумент позитивистам и сторонникам «ненаучности» социологии. При этом в лучшем случае социология понижает свой статус до описательно-феноменологического, вненаучного и, возможно, повседневного (обыденного) знания. В худшем – речь пойдет о специализированных техниках и приемах, которыми пользуются в конъюнктурных целях полстеры, маркетологи и политтехнологи. Если же проблема онтологии интерпретируется как признание особенного и самостоятельного существования изучаемой реальности, то на передний план выходит вопрос о соотношении эпистемологии с релятивистской (множественной) онтологией. Реальность становится независимой от исследователя и представлена совокупным консенсусным (профессиональным) дискурсом, в который «погружен» социолог. Таким образом, социология подтверждает статус современного научного знания об обществе и о социальных процессах в нем. В статье показано, что в теоретической социологии онтологическая проблематика с необходимостью плавно переходит в эпистемологию и начинает «растворяться» в ценностно-исторических системах координат. Со своей стороны, эпистемология конструирует новую реальность, которая приобретает онтологические основания. Во взаимных переходах эпистемологии и онтологии возникает размытая граница «нечеловеческой фактичности» (П. Бергер, Т. Лукман). Сформулирована гипотеза, что именно в этих непрерывных переходах активно взаимодействуют разные языковые реальности множественная повседневность и многообразия научно-специализированных (профессиональных) социологических дискурсов.

Ключевые слова: социология • наука • онтология • эпистемология • социальное познание • социальные науки

DOI: 10.31857/S013216250017230-6

Введение. Методологам науки хорошо известно, что критерии научности того или иного систематизированного знания складывались на материале наук о природе, во многом под влиянием позитивизма [Балакирев, Семенова, 2018; Магомедов, Качабеков, 2003; Онипко, 2012]. Между тем, насколько применимы эти критерии к социогуманитарному знанию – остается открытым вопросом. Научная эстетика (привлекательность) большинства естественнонаучных теорий (таких, например, как единая теория поля в физике) состоит

в том, что она позволяет методом дедукции получить объективно-истинное знание, применимое (в идеале) ко всем феноменам. Создание подобных теорий и сегодня остается идеалом физики и других естественных наук. Напротив, в социологии, да и у большинства иных социогуманитарных наук, теория строится индуктивно, и получаемое знание становится вероятностным, в лучшем случае статистически значимым и верифицируемым (как, впрочем, и в медицине, которая в этом смысле занимает двойственное положение). Результатом индуктивного метода становится правдоподобная истинность, которая в эстетическом и позитивистском смысле существенно менее привлекательна.

В позитивистской логико-гносеологической парадигме научного познания со свойственной ей теорией отражения (спецификой субъект-объектных отношений, включающей предельно абстрактного трансцендентального субъекта познания, проблематикой абсолютной и относительной истин) научный статус социального знания на протяжении многих десятилетий оставался половинчатым, неопределенным. Напротив, в современной качественно-эпистемологической парадигме, которая с необходимостью включает в себя нарративы, интервью, case studies, феноменологию, герменевтику, «общественные науки» обретают новый полноценный статус. «Основной вопрос» эпистемологии звучит следующим образом – существует ли изучаемый мир (социальные процессы, факты и институты) вне нас или то, что мы изучаем, есть наш коллективный опыт, интерпретации и предыдущие (в том числе имплицитные) знания? Рассуждая таким образом, мы с необходимостью приходим к проблеме онтологии в социальном и, прежде всего, социологическом знании, поскольку социология наиболее феноменальна и феноменологична в своих основаниях. В отличие от онтологии естественных наук, которую связывают с теоретическим знанием (идеал, как уже отмечалось, - это построение единой теории, из которой можно вывести и объяснить все частные случаи), онтология социально-гуманитарных наук взаимодействует с повседневностью и обыденным языком [Шютц, 2003]. Поэтому без внятной и убедительной интерпретации (объяснения) онтологии социального знания социология не сможет подтвердить свой научный статус.

От эпистемологии к онтологии. Вопрос об онтологии социальных наук, и в частности социологии, принимает особую значимость, когда признается особенность их типа познания, отличия от естественнонаучных и инженерно-технических наук. Как известно, в познании социальной реальности исторически существует два подхода. Один, традиционно называемый материалистическим (реализм), признает мир таким, как он есть, и не зависит от познающего человека (исследователя). Противоположный, идеалистический подход также признает существование внешнего мира, но различные люди видят его по-разному [Otoo, 2020: 81-82]. С увеличением роли субъектности в научном познании – что является одним из основных принципов современной эпистемологии [Современные тенденции развития..., 2018] – возникает необходимость преодоления последствий позитивистского материалистического подхода, основанного на теории отражения [Коптелов, 2008]. Этот подход несколько десятилетий господствовал в социальном познании и показал свою ограниченность, что продемонстрировал П. Бурдье известным примером «классы на бумаге». По его мнению, «классы» и, прежде всего, гегемон-рабочий класс – это понятийная конструкция, возникшая на основе изучения К. Марксом огромного эмпирического массива правительственных отчетов и официальной статистики относительно реалий и условий (капиталистического) труда. В итоге «класс» оказался артефактом, применяемым к изучению социальной структуры общества только с того момента, когда происходит реальная социальная (точнее, политическая) деятельность – создаются бюро, комитеты, секретариаты, знамена, демонстрации, стачки, субботники.

Для современной эпистемологии характерно активное проникновение в ткань знания ценностных, эстетических и культурологических подходов. Все изучаемые объекты – универсумы и легитимации – рассматриваются как человеческие творения, их существование обусловлено жизнями конкретных индивидов и вне этих жизней не имеет никакого эмпирического статуса [Микешина, 2020: 52]. Вопрос в том, насколько серьезно эти подходы

изменяют сложившуюся последние полвека и более парадигму социального знания. Есть авторитетные мнения о том, что радикальных изменений не произойдет. «Мы считаем, что для эпистемологии социальных наук результаты культурного поворота более комплексны и не бросают серьезного вызова амбициям социальной науки» [Александер, 2013: 10]. Но при этом, конечно, «амбиции», т.е. идеалы позитивистского понимания социальных явлений в виде, к примеру, «материалистического понимания истории», значительно трансформируются. В социальном познании, «отягощенном», обремененном нормами, обычаями, интересами людей – как изучаемых, так и изучающих, – складывается феномен «релятивистской онтологии», которая предполагает множество изучаемых реальностей. Они подобны эйнштейновскому множеству вселенных, в каждой из которых находится свой наблюдатель. Релятивизм здесь проявляется в том, что за пределами процессов изучения, объяснения, интерпретации не имеет смысла выяснять природу объектов конкретной социальной теории [Игнатов, 2006].

Хорошо известен естественнонаучный принцип наблюдаемости, который вполне применим к современной эпистемологии. Согласно этому принципу, процесс изучения может трансформировать объект наблюдения, а точнее – знания о нем. Так, после интервью или участия в фокус-группе респондент может изменить некоторые свои представления или оценки. В онтологической интерпретации это напоминает наблюдение за звездами и галактиками, свет от которых идет десятки и сотни миллионов лет. Действительно, нет никакой уверенности, что мы наблюдаем в данный момент именно этот объект. Он давно мог перестать существовать, но мы воспринимаем лишь свет от него и можем только строить гипотезы о существовании объекта.

Реальность, которую мы изучаем, не является объективной с точки зрения качественной эпистемологии. Особенно это значимо для социальных наук, включая социологию. Реальность в нашем познании – а для социолога она представлена общественным и массовым сознанием, динамикой развития социальных институтов, особенностями социальных процессов – становится искусственной конструкцией. Этот артефакт создается с помощью ценностных и культурно-исторических строительных лесов, которые в итоге имплицируются в знание и о которых потом не вспоминают [Otoo, 2020].

Язык и гипостазирование социальной предметности. Роль языка в научном познании исключительно велика. Для эмпирической (феноменологической) социологии особое значение имеют работы А. Шюца и одного из его последователей Т. Лукмана, который вместе с П. Бергером стали авторами научного «бестселлера» о методологии изучения социальной реальности [Berger, Luckmann, 1966]. Хорошо известно, что в основе социологического познания лежит повседневность (обыденность) и связанные с ней атрибуты – прежде всего язык, который используется для коммуникации и консолидации большого «массовидного» общества. Язык повседневности формируется спонтанно и пребывает на уровне «обычной» жизнедеятельности. Эта «обычная обыденность» часто используется социологами в лонгитюдных исследованиях, например, для изучения динамики потребления и благосостояния населения. Но дело в том, что на достаточно длинном временном отрезке содержание и восприятие таких «важных повседневных» понятий-индикаторов, как, например, «телевизор», «холодильник», «автомобиль», маркирующие уровень потребления населения, существенно изменяются. Это обстоятельство, разумеется, не прибавляет научной строгости исследованию и в лучшем случае позволяет рассуждать о некоторых вероятностных трендах.

В гуманитарном познании язык испытывает определенное влияние со стороны социальных групп и, прежде всего, легитимированных властных структур, которые «продвигают» свой языковой дискурс. В результате эти группы и структуры постепенно наполняют референтным содержанием такие социально значимые понятия повседневного языка, как, например, выборы, демократия, справедливость, потребление, деньги, спекуляция, частная собственность, налоги, браки, войны и многие другие. Таким образом, для социолога, придерживающегося феноменологической теории происхождения знания, существует

как минимум две повседневности (реальности) – личностно-коммуникативная (которая обуславливает ежедневное существование индивида) и массовидная, проявляющаяся в феноменологии массового (общественного) сознания. Такой подход успешно примиряет «качественников» и «количественников» в социологии. Первая реальность изучается преимущественно качественными методами, вторая – количественными [Kamal, 2018; Khan, 2014].

Но далее, в процессе познания, формируется специализированный язык науки, который гипостазирует социальную предметность, и в этот момент для социолога лингвистический компонент становится частью социального факта. Социальные факты обязательно проявляются в языке исследователя в виде выражаемой им мысли. На этом этапе происходит наиболее интересная интерпретация онтологической проблематики. Можно (и нужно) разделять сущности и свойства, присущие объекту изучения, и сущности, «объективно» зависящие от наблюдателя, к которым в первую очередь относится язык исследования [Searl, 1995: 14]. Онтологически эти сущности субъективны, а с точки зрения эпистемологии они становятся объективны, поскольку входят в оборот всего научного сообщества. И в этой связи выясняется, что в социальном познании сущности (функции, свойства) никогда не являются присущими объекту, а всегда зависят от наблюдателя.

Пример сказанному – социология науки. В качестве социального факта здесь выступает не столько сама научная деятельность (исследования можно проводить достаточно автономно силами самих ученых и их коллективами), сколько управление наукой и легитимация деятельности ученых. Здесь уместен пример Дж. Александера о статусе теоретической социологии, социальная легитимация которой происходит только тогда, если «на это дают деньги». Понятно, финансирование науки – очень важная (если не важнейшая) форма управления, которое осуществляется не самими учеными (как известно, даже фундаментальное положение В. Гумбольдта об академических свободах и университетской автономии имеет весьма относительный характер), а специализированной группой бюрократов, с которыми научное сообщество пытается установить диалог (коммуникацию) посредством сближения двух совершенно различных языковых реальностей. Как показал Е.В. Семенов, если такое сближение и возможно, то крайне маловероятно [Семенов, 2013]. Результативность взаимодействия участников этого дискурса остается весьма низкой, а социологи науки наблюдают и стараются понять феноменологию широко распространенных в России методов «ручного управления» социально-политическими процессами, в том числе наукой. Как видим, здесь исследователь имеет дело с двумя существенно отличными друг от друга социальными реальностями, которые не могут перейти в состояние эффективного взаимодействия.

На стыке этих языковых реальностей (множественная повседневность, многообразие научно-специализированных языковых дискурсов) находится, если использовать термин П. Бергера и Т. Лукмана, граница «нечеловеческой фактичности». По их мнению, следует понять, в какой степени (или на каком этапе) институциональный порядок наделяется онтологическим статусом и сливается с миром природы. По сути, это важный для нас вопрос – овеществления (гипостазирования) социальной реальности и восприятия человеческих феноменов в качестве природных явлений. Этот процесс объективации человеком человеческого мира, по нашему мнению, происходит посредством развития языка. Семантически-понятийная реконструкция событий (фактов) социальной реальности, основанная на изучении истории (эволюции) базовых понятий и концептов, позволяет приблизиться к границе «нечеловеческого». В процессе определения содержания базовых понятий различные социальные группы формулируют программы своей идентичности (самоидентификации). Такие понятия, как, к примеру, «патриотизм», «национализм», «социализм», «коммунизм», «героизм», постепенно приобретают онтологический статус и полностью утрачивают человекоразмерность. Они становятся природным фактом и существуют сами по себе [Козеллек, 2010].

Или возьмем другой пример – важное и нагруженное понятие «образование». Оно, конечно, предельно институализировано, прежде всего, в виде «системы образования». По крайней мере, таким его считают государство, политические партии, церковь и другие

институции в отношении, прежде всего, общего школьного образования (о профессиональном образовании – отдельная речь). Для другой социальной группы – учащихся и их родителей – институализация (и практическая польза от нее) определяется валидностью выдаваемого диплома, аттестата, сертификата об образовании. Именно поэтому частные уроки, услуги репетиторов, самообразование – не институализированы и поэтому человекоразмерны, они опредмечены и существуют в действительности как конкретные формы учебных практик. Для третьей социальной группы – работодателей и работников – институализация образования, как правило, совсем не имеет значения. Здесь на передний план выходят опыт, компетенции, человеческий капитал конкретного работника.

Итак, социальные факты обязательно существуют в языке: «Эмпирические объекты, даже если существуют онтологически вне нас, текстуальны, они находятся внутри социального текста» [Reed, Alexander, 2009: 11–12].

Высокая степень институализации не оставляет места повседневному (обыденному) языку. Формируется «язык природы», который непонятен глубинному человеку и на котором он не умеет разговаривать. Эти бюрократические, юридическо-правовые, медицинские и другие специализированные языки относятся к иным объективированным реальностям. Но, тем не менее, даже такие специфические реальности лучше изучать в терминах культуры и ценностей, чем в терминах природы. Именно поэтому эмпирическое изучение общества означает комплексное последовательное двое-чтение. Социальные акторы «читают» реальность, двигаясь прагматически в своих смысловых и ценностных системах, а социолог исследует этих акторов, используя свои смыслы и установки. Так появляются социологические объяснения и теории.

Три истории социального конструирования – гипостазирования. Социологическая интерпретация онтологической проблематики неразрывно связана с опредмечиванием знания – гипостазированием [Лекторский, 1980]. Чтобы показать на примерах технику и эффективность современного эпистемологического конструирования социальных объектов, обратимся к трем кейсам, которые недавно проходили обсуждение на редколлегии и в редакции журнала «Социологические исследования» и были опубликованы в соответствующих статьях. Эти три истории показывают, что опредмечиванию сущностей предшествует гипостазирование – социологические концепты и понятия могут и, как правило, возникают до того, как эти сущности (объекты) выявлены в действительности.

Первая история – это изучение латентного группообразования по оси отношения к федеральной и региональной властям [Тихонов и др., 2021]. Участники проекта, который возглавлял известный социолог, построили математическую модель с использованием нескольких эмпирических индикаторов – интересы, уровень доходов, социально-демографические показатели и др. С использованием этой модели при помощи факторного анализа эмпирических данных (N=4000) был предложен новый тип социального пространства, структурированный латентными (т.е. пока не выявленными в действительности) группами граждан от полностью поддерживающих власть до находящихся в жесткой оппозиции к ней. Исследователи связали полученные результаты с показателем социокультурной модернизации регионов (по Н.И. Лапину), в результате чего определились (пока в теории) группы населения – акторы социально-экономического развития регионов, обеспечивающие уровень социальной напряженности вплоть до протестного и насильственного поведения. Данный кейс методологически похож на описанный выше пример П. Бурдье («классы на бумаге»), потому что пока идентифицировать эти латентные группы (на то они и латентные) затруднительно. Но если институты, заинтересованные в использовании полученных результатов на практике, станут осуществлять целевую административно-управленческую деятельность, то такие группы могут быть идентифицированы и, следовательно, получат онтологический статус. Кстати, на этом примере хорошо просматривается, как власть (иерархические и жестко субординированные структуры) онтологизирует объекты своего управления (избиратели, целевые группы и др.), определяет (приписывает, наделяет свойствами) расу, пол и т.д.

Другой пример – это историческая реконструкция социального пространства российской социологии методом выделения когорт исследователей [Докторов, 2021]. По сути, это деонтологизация как включение в современное социологическое знание человеческой (субъектной, персонифицированной) компоненты при помощи биографического метода. Опираясь на собственные эмпирические исследования (более 100 углубленных персонифицированных интервью с российскими социологами разных поколений), Б.З. Докторов выявляет динамику их ценностных установок, которая неизбежно проявляется в исследованиях различных лет, способах объяснения и интерпретации данных. Этот метод очень похож на историософский подход, когда развитие (генезис) науки изучается через историю (эволюцию) ее основных (базовых) понятий и ценностей. Лонгитюдный (более 20 лет) проект Б.З. Докторова уникален тем, что генеральная совокупность – исключительно профессиональные социологи. При этом последовательное чередование когорт исследователей и ученых образует историческую длительность, переходящую в особенное социальное пространство (поле), опредмеченное самим реальным существованием данного профессионального сообщества.

Третий кейс – реконструкция (развитие) понятийного аппарата путем «восхождения» от феноменологических (социологических) данных к наиболее общим и абстрактным социологическим понятиям [Тощенко, 2019]. Данный прием в принципе противоположен кантовскому «нисхождению» чистого разума через предикабилии к ноуменам [Калинников, 1990]. Ж.Т. Тощенко обосновывает, что результаты традиционного социологического познания предстают как феномены (явления), воспринимаемые в опыте, как объекты чувственного созерцания и продукты эмпирического познания. Однако такой подход серьезно ограничивает возможности социологии. Требуется переход к иным методологии и методам, к использованию категории «ноумен», позволяющей выявить умопостигаемую, латентную сущность действительных явлений и процессов, становящуюся очевидной в результате изучения и осмысления, умозрительного созерцания. И в этом смысле социологический конструкт «ноумена» выступает конкретной формой опредмечивания.

Об истинности и правдоподобии социологических знаний. В развитие онтологической проблематики актуализируется вопрос о соотношении количественных и качественных методов познания. Понятно, что с увеличением роли субъектности как одной из важнейших особенностей современной эпистемологии возрастает значение качественных методов и связанных с ними таких методологических процедур, как интерпретация, репрезентация, категоризация, конвенция [Микешина, 2016: 75–116]. С другой стороны, нельзя не отрицать, что серьезные возможности перед социологами открывают современные количественные методы больших данных. Эти методы вполне подходят для изучения массовых социальных процессов, где реальность (онтология) над-индивидуальна, а познавательная стратегия нацелена на установление социальных закономерностей (повторяемостей) в смысле М. Вебера [Одинцов, 2018; Ильясов, 2014]. Общество – это системная целостность, совокупность множества объектов (людей), поэтому количественные методы (математической обработки данных) обеспечивают достаточно строгую формализацию получаемых результатов. Казалось бы, количественные методы в силу этого могут еще больше претендовать на истинность получаемого при их помощи знания. Однако это не так. Истина – идеал классической науки, и она не может быть онтологизирована (опредмечена), потому что это логико-гносеологическое понятие. Напротив, при эпистемологическом подходе знание об обществе, полученное количественными методами, может обладать лишь той или иной степенью правдоподобия, это – вероятностное знание, получаемое индуктивным путем. То же самое можно сказать и о знании, полученном качест-

Степень правдоподобия социально-гуманитарного знания в конечном счете определяется создаваемым субъектом конструктом, а полученные результаты затем институализируются коммуницирующим внутри себя научным сообществом. Правдоподобие (или степень истинности, если все-таки по привычке продолжать использовать это понятие), особенно

в качественных исследованиях, приобретает очень заметные конвенциальные, исторические, социокультурные оттенки. Здесь стоит опять-таки сослаться на М. Вебера, который полагал, что интерпретация или толкование может идти в двух направлениях: одно – это ценностная интерпретация, другое – историческое, каузальное (причинное) истолкование. Человек обязательно является носителем каких-то ценностей, и они с необходимостью присутствуют в любом исследовании [Вебер, 1990]. По этому же поводу приведем современное высказывание академика Лекторского, который многократно отмечал, что истина всегда тесно связана с той или иной системой ценностей, принятой на разных уровнях социального познания. «Неравенство доходов, безработица будут считаться или не считаться социальными проблемами в зависимости от принимаемой системы ценностей и мировоззренческих установок» [Лекторский, 2001].

Релятивистская социология предполагает онтологическую множественность, обусловленную, с одной стороны, различными системами ценностей, в которых интерпретируются полученные результаты, с другой – исключительно высокой степенью метафоричности научного языка. Возьмем пример из социологии образования. Здесь исследователь имеет дело с несколькими реальностями. Основная (в статусе всеобщего) – это образовательная политика государства, которое определяет, как будут организованы основные процессы социализации и тем самым властвование над конструированием реальности. Государство легитимирует деятельность тех акторов, которых допускает (с различной степенью свободы) к институализации внешних (по отношению к общим и профессиональным знаниям) условий, требующихся для выполнения тех или иных социальных ролей. При этом представляет интерес конкуренция между этими институтами, ответственными за определение «своей» реальности в образовании. Так, мы наблюдаем состязательность федеральных и региональных интересов (например, наличие региональной компоненты в учебных планах средней школы), коллизию светскости и религиозности (степень участия церкви в учебном процессе), несовпадение целей образования, с точки зрения учащихся и их родителей, с реальными потребностями работодателей. Если же допустить абстрактную возможность революционного воспитания, то социализация индивида будет происходить в терминах контропределения реальности, которая находится в оппозиции к определениям реальности «официальными» легитиматорами общества.

Посредством концепта «множественность реальностей» социология отказывается от позитивистского единого научного метода и признает свои критерии истинности (правдоподобия), основанные преимущественно на качественной методологии, хотя иногда (и довольно успешно) использует количественные методы [Antwi, 2015; Tuli, 2010; Vasilachis de Gialdino, 2011].

Классическая (абстрактно-гносеологическая, логико-центричная) концепция истины, связанная с естественнонаучным познанием, его объективностью и фактуальностью, перестает работать, поскольку в социологии эмпирический научный факт получает совершенно иную интерпретацию и понимание. Естественно-научный позитивистский факт открытия и познания здесь заменяется актом индивидуального или сетевого конструирования реальности сообществом исследователей. При этом предельно «заостренный» главный эпистемологический вопрос звучит следующим образом: как соотносятся мои знания с теми знаниями, которые возникли ранее и продолжают появляться? Ответ на него заключается в интерпретации собственного опыта, а отсюда – множественность объяснений и релятивистская онтология, которая может дать ответ на «онтологический» вопрос: что и почему мы изучаем (исследуем)?

Таким образом, в социальном познании мы имеем фактически различные практики конструирования реальности, обусловленные исторически разными формами институализации (онтология) и личностями исследователей (эпистемология). В результате всякий раз создается свой конструкт, который может быть принят научным сообществом как вклад в совокупное социально-гуманитарное знание. Соответственно, варьируется степень правдоподобия или истинности каждого такого конструкта. Здесь же следует искать ответ на

вопрос о природе социальных законов. Критерий повторяемости (идентичности) событий, которую М. Вебер называл социальной закономерностью – прообразом социальных законов, становится очень условным. Более тщательный анализ обнаружит множество несовпадающих факторов (признаков, обстоятельств, условий), которые не позволят интерпретировать события как повторяющиеся. Их идентичность не может быть доказана.

Отсюда, собственно, следует онтологическое понимание широко используемого в социологии критерия репрезентативности выборки. Репрезентативность будет определяться степенью правдоподобия социального конструкта, который используется в исследовании.

Выводы. В настоящей статье мы хотели показать, что онтологическая проблематика (существование внешнего, объективного, нечеловеческого мира) в современных эпистемологических, а по сути – неклассических подходах если и сохраняется, то существенно трансформируется. Особенно это заметно в социально-гуманитарном познании, которое отрицает многие идеалы классической науки (единая истина, общая над-теория, субъектобъектная дихотомия, возможность доказательства и верификации) и предлагает свои специфические формы существования научного знания. Такие, как, например, степень правдоподобия, вероятностное знание, статистические закономерности. Даже такая строгая, ориентированная на формально-логические методы область гуманитарного знания, как право и юриспруденция, своими процессуальными методами познания (расследование, дознание, доказательство) отдельной группы социальных фактов (нарушения закона и определяемые их посредством нелегитимных практик – преступлений) оперирует исключительно вероятностным определением (установлением) истины. Это подтверждается неустранимыми фактами судебных и следственных ошибок.

В других социально-гуманитарных науках, и прежде всего в социологии (поскольку она в наибольшей степени ориентирована на изучение социальной действительности), онтологическая проблематика с необходимостью плавно переходит в эпистемологию и начинает «растворяться» в ценностно-исторических системах координат. Со своей стороны, эпистемология конструирует новую реальность, которая приобретает онтологические основания. Во взаимных переходах эпистемологии и онтологии возникает размытая граница «нечеловеческой фактичности» (П. Бергер, Т. Лукман). Именно здесь наиболее активно взаимодействуют самые разные языковые реальности – множественная повседневность, многообразия научно-специализированных языковых дискурсов... Где-то здесь институциональный порядок наделяется онтологическим статусом и сливается с внешним миром природы.

Еще одно важное замечание. Дихотомическое «противостояние» эпистемологии и онтологии заканчивается в социологическом понимании с появлением, стремительным и необратимым расширением возможностей искусственного интеллекта. Благодаря ему граница собственно человеческого и объективно социального постепенно исчезает.

При всем этом эпистемологическая социология демонстрирует ряд признаков, которые позволяют говорить о ней как о «сертифицированной» области научного знания. Укажем основные из них.

- 1. Широко используемая практика опредмечивания социологического знания содействует решению онтологического вопроса и обеспечивает тем самым статус научности.
- 2. В процессе опредмечивания и гипостазирования на протяжении более столетия в социологии сложился и продолжает развиваться специфический понятийный аппарат, который позволяет развиваться научному систематизированному и экспертному знанию, принципиально отличающемуся от обыденного (повседневного).
- 3. Социология имеет собственную и во многом уникальную систему методов получения и обработки знания, которая постоянно развивается (например, из недавних акторно-сетевая теория, работа с Big Data).
- 4. Наблюдается существенная демаркация между собственно социологическим и иным, вненаучным, конкретным (прикладным) знанием и практиками, такими как, например, маркетинг, полстеринг, политтехнологии.

- 5. Социология демонстрирует необходимую для науки прогностическую функцию, однако в силу специфики индуктивного (вероятностного) знания она обеспечивает лишь статистически значимые результаты и закономерности и не может делать однозначных (детерминированных) прогнозов.
- 6. Налицо *академичность*, которая проявляется, прежде всего, в развитии теоретической социологии, обеспечивается значительным количеством специализированной научной литературы, а также сохраняющимися иерархическими (субординированными) отношениями исследователей в научной среде.
- 7. Процесс создания теорий «среднего уровня», о которых говорил Р. Мертон, это действующая модель развития современной социологии. Она признается большинством исследователей, хорошо сочетается с эпистемологическим релятивизмом в каждой теории своя интерпретация онтологической проблематики, свое вероятностное с различной степенью правдоподобия научное знание.
- 8. Несмотря на существование независимых друг от друга теорий среднего уровня, можно говорить об относительной преемственности и релевантности появляющегося нового знания к существующему и предыдущему, что проявляется, в частности, в высоких показателях уровня цитирования коллег и широком использовании всей совокупности социологических публикаций.
- 9. Наконец, особенно важный признак (критерий) научности для социально-гуманитарного знания это, по Дж. Александеру, степень его социальной легитимации. Она выражается в наличии запроса на исследования и их результаты со стороны различных социальных акторов и (иногда) проявляется в форме материального вознаграждения и создания условий для работы.

Благодарность. Автор весьма признателен *Людмиле Александровне Микешиной* за одобрение и советы в работе над этой статьей, а также за искреннюю поддержку и дружбу на протяжении многих лет, начиная с момента моей работы над докторской диссертацией в начале 1990-х годов. Также моя особая благодарность *Францу Эдмундовичу Шереги*, признанному мэтру конкретных (прикладных) социологических исследований, результаты которых, включая, конечно, методологию их проведения, использованы при написании данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александер Дж. Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2004. № 19. С. 167–204.
- Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / Пер. с англ. Γ .К. Ольховикова; под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013.
- *Балакирев А.А., Семенова Э.Р.* Критерии научности знания // Уральский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1. С. 30–32.
- Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
- Докторов Б.З., Козлова Л.А. Биографический анализ в историко-социологическом исследовании. Итоги двадцатилетнего опыта // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 126–145. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8090.
- Игнатов О.Д. Онтология и эпистемология онтологии в философии науки У. Куайна. М.: МГУ, 2006.
- Ильясов Ф.Н. Шкалы и специфика социологического измерения // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 1. С. 3–16.
- Калинников Л.А. Категории и предикабилии: Кант и современность. Калининград: БФУ им. И. Канта, 1990. Кантовский сборник. № 1. С. 11–26.
- Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: КАНОН+, 2004.
- Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2006. С. 33–53.

- Коптелов А.О. Гримасы эмпириокритицизма в зеркале ленинской теории отражения // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 11. С. 165–176.
- Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980.
- Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- *Магомедов Н.Г., Качабеков А.Г.* Критерии научности социального знания. Махачкала: Народы Дагестана, 2003.
- Микешина Л.А. Проблема ценностей в социологической науке: эпистемологический анализ // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 44–53. DOI: 10.31857/S013216250011917-1.
- Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М.: Полит. энциклопедия, 2016.
- Одинцов А.В. Опыт объединения баз данных исследований общественного мнения // Социодинамика. 2018. № 1. С. 15–20.
- Онипко А.А. Специфика социального познания: к вопросу о критериях научности в социологии // Дискуссия. 2012. №7. С. 71–74.
- Пукшанский Б.Я. Обыденное знание. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987.
- Семенов Е.В. Опыты с ручным управлением научно-технологическим комплексом в постсоветской России // Инновации. Наука. Образование. 2013. № 13. С. 7–32.
- Современные тенденции развития эпистемологии (материалы «круглого стола») / Ред. *В.А. Лекторский и др.* // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 31–66. DOI: 10.31857/S004287440001151-1.
- Тихонов А.В., Мерзляков А.А., Почестнев А.А. Феномен латентного группообразования в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 139–148. DOI: 10.31857/S013216250012270-0.
- Тощенко Ж.Т. От феномена к ноумену: опыт методологического и методического поиска // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3.
- Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Общественное мнение, 2003.
- Antwi S.K., Hamza K. Qualitative and Quantitative Research Paradigms in Business Research: A Philosophical Reflection // European Journal of Business and Management. 2015. Vol. 7. No. 3. P. 217–226.
- Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. London: New York: Penguin Books. 1966.
- Certeau M. The Practice of Everyday Life. Berkley e.a.: University of California Press, 2011.
- Kamal S.S.L.A. Research Paradigm and the Philosophical Foundations of a Qualitative Study People // International Journal of Social Sciences. 2019. Vol. 4. No. 3. P. 1386–1394. DOI: 10.20319/pijss.2019.43.13861394.
- Khan S.N. Qualitative Research Method Phenomenology // Asian Social Science. 2014. Vol. 10. No. 21. P. 298. DOI: 10.5539/ass.v10n21p298.
- Koselleck R. The Practice of Conceptual History: Timing, History, Spacing Concepts. Stanford: Stanford University Press, 2002.
- Otoo B.K. Declaring My Ontological and Epistemological Stance: A Reflective Paper // Journal of Educational Thought. University of Calgary. 2020. Vol. 53. No. 1. P. 67–88. DOI: 10.11575/jet.v53i1.71097.
- Reed I., Alexander J. Social Science as Reading and Performance // European Journal of Social Theory. 2009. Vol. 12. No. 1. P. 21–41. DOI: 10.1177/1368431008099648.
- Searl J.R. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995.
- *Tuli F.* The Basis of Distinction between Qualitative and Quantitative Research in Social Science: Reflection on Ontological, Epistemological and Methodological Perspectives // Ethiopian Journal of Education and Sciences. 2010. Vol. 6. No. 1. P. 97–108. DOI: 10.4314/ejesc.v6i1.65384.
- Vasiliachis de Gialdino I. Ontological and Epistemological Foundations of Qualitative Research // Qualitative Social Research. Vol. 10. No. 2. Article no. 30. DOI: 10.17169/fqs-10.2.1299.

Статья поступила: 21.10.21. Принята к публикации: 01.12.21.

ONTOLOGICAL PROBLEMATICS IN SOCIOLOGICAL INTERPRETATION: TO THE QUESTION STATEMENT

KLIUCHAREV G.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; National Research University "Moscow Power Engineering Institute". Russia

Grigory A. KLIUCHAREV, Dr. Sci. (Philos.), Head of the Center for Sociology of Education and Science, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof., Department of Philosophy, Sociology, Political Science named after G.S. Arefieva, National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia (Kliucharev@mail.ru).

Acknowledgements. The author is highly grateful to Liudmila A. Mikeshina for supporting and advising me in the course of the work on this paper, as well as for sincere support and friendship during many years, from my work on doctoral dissertation in early 1990s. Also, I am especially thankful to Franz E. Shereghi, a recognized master of applied (concrete) sociological research, the results of which including, of course, the methodology of their implementation are used in writing this article.

Abstract. Is the ontological issue recognized in contemporary sociology? If it is denied and left "at the mercy" of social philosophers, then this state of affairs provides a serious argument for positivists and supporters of the "unscientific" sociology. At the same time, at best, sociology lowers its status to descriptive-phenomenological, extra-scientific and, possibly, everyday (routine) knowledge. In the worst case, we will talk about specialized techniques and technologies that are used for their specific purposes by pollsters, market experts and political strategists. If the problem of ontology is interpreted as the recognition of the special and independent existence of the studied reality, then the question of the relationship between epistemology and relativistic (multiple) ontology comes to the fore. At the same time, the reality becomes independent of the researcher and is represented by the aggregate consensus (professional) discourse in which the sociologist is "immersed". Thus, sociology confirms the status of modern scientific knowledge about society and about social processes in it. The article shows that in theoretical sociology, ontological problems necessarily smoothly pass into epistemology, and begin to "dissolve" in value-historical coordinate systems. For its part, epistemology constructs a new reality that acquires ontological foundations. In the mutual transitions of epistemology and ontology, a blurred border of "inhuman factuality" arises (P. Berger, T. Luckmann). A hypothesis is formulated that within these continuous transitions a variety of linguistic realities actively interacts among multiple phenomena of everyday life and a diversity of scientific – specialized (professional) sociological discourses.

Keywords: sociology, science, ontology, epistemology, social cognition, social sciences.

REFERENCES

Alexander J. (2004) General Theory in a State of Postpositivism: The "Epistemological Dilemma" and the Search for the Present Mind. Sociologiya: metodologiya, metody, matematichsheskoye modelirovaniye [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. 2004. No. 19: 167–204. (In Russ.)

Alexander J. (2013) *The Meanings of Social Life: Cultural Sociology.* Transl. from Eng. by G.K. Ol'khovikov. Ed. by D.Yu. Kurakin. Moscow: Praksis. (In Russ.).

Antwi S.K., Hamza K. (2015) Qualitative and Quantitative Research Paradigms in Business Research:

A Philosophical Reflection. European Journal of Business and Management. Vol. 7. No. 3: 217–226.

Balakirev A.A., Semenova E.R. (2018) Criteria of Scientific Knowledge. *Ural'skiy nauchnyy vestnik* [Ural Scientific Bulletin]. Vol. 7. No. 1: 30–32. (In Russ.)

Berger P., Luckmann T. (1996) The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. London; New York: Penguin Books.

Certeau M. (2011) The Practice of Everyday Life. Berkley: University of California Press.

Doktorov B.Z., Kozlova L.A. (2021) Biographical Analysis in Historical-Sociological Research: Summing up 20 Years of Experience. Interview prepared by Kozlova L.A. *Sotsiologitcheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. 2021. Vol. 27. No. 2: 126–145. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8090. (In Russ.)

Ighnatov O.D. (2006) Ontology and Epistemology of Ontology in the Philosophy of Science by W. Quine. Moscow: MGU. (In Russ.)

Il'yasov F.N. (2014) Scales and Specific Sociological Measurement. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion]. No. 1: 3–16. (In Russ.)

Kalinnikov L.A. (1990) Categories and Predicates: Kant and Modernity. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta. Kant Collection No. 1: 11–26. (In Russ.)

- Kamal S.S.L.A. (2019) Research Paradigm and the Philosophical Foundations of a Qualitative Study People. *International Journal of Social Sciences*. Vol. 4. No. 3: 1386–1394. DOI: 10.20319/piiss.2019.43.13861394.
- Kasavin I.T., Chevelev S.P. (2004) Analysis of Everyday Life. Moscow: KANON+. (In Russ.)
- Khan S.N. (2014) Qualitative Research Method Phenomenology. *Asian Social Science*. Vol. 10. No. 21: 298. DOI: 10.5539/ass.v10n21p298.
- Koptelov A.O. (2008) Grimaces of Empiriocriticism in the Mirror of Lenin's Theory of Reflection. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 11: 165–176. (In Russ.)
- Koselleck R. (2002) The Practice of Conceptual History: Timing, History, Spacing Concepts. Stanford: Stanford Univ. Press.
- Koselleck R. (2006) Social History and the History of Concepts. In: Historical Concepts and Political Ideas in Russia of the 16th 20th Centuries. Iss. 5. St. Petersburg: Aletheia: 33–53. (In Russ.)
- Lektorskiy V.A. (1980) Subject. Object. Cognition. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Lektorskiy V.A. (2001) Epistemology Classical and Non-classical. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Lektorskiy V.A. et al. (eds) (2018) Contemporary Tendencies of Epistemology's Development (Round Table Discussion). *Voprosy Filosofii*. No. 10: 31–66. DOI: 10.31857/S004287440001151-1. (In Russ.)
- Magomedov N.G., Kachabekov A.G. (2003) Criteria for the Scientific Nature of Social Knowledge. Makhachkala: Narody Dagestana. (In Russ.)
- Mikeshina L.A. (2016) Modern Epistemology of Humanitarian Knowledge: Interdisciplinary Syntheses. Moscow: Polit. encyklopedia. (In Russ.)
- Mikeshina L.A. (2020) Problem of Values in the Sociological Science: Epistemological Analysis. Sotsiologicheskiye issledovanya [Sociological Studies]. No. 12: 44–53. DOI: 10.31857/S013216250011917-1. (In Russ.)
- Odintsov A.V. (2018) A Case in Combining Databases of Public Opinion Research. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. No. 1: 15–20. (In Russ.)
- Onipko A.A. (2012) The Specifics of Social Cognition: On the Criteria of Scientific Knowledge in Sociology. *Diskussiya* [Discussion]. No. 7: 71–74. (In Russ.)
- Otoo B.K. (2020) Declaring my Ontological and Epistemological Stance: A Reflective Paper. Journal of Educational Thought. University of Calgary. Vol. 53. No. 1: 67–88.
- Pukshanskiy B.Ya. (1987) Everyday Knowledge, Leningradskij un-t. (In Russ.)
- Reed I., Alexander J. (2009) Social Science as Reading and Performance. European Journal of Social Theory. Vol. 12. No. 1: 21–41. DOI: 10.1177/1368431008099648.
- Schutz A. (2003) The Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology. Comp. by A.Ya. Alkhasov; tr. from. Eng. by A.Ya. Alkhasov, N.Ya. Mazluniyanova; ed. of transl. G.S. Batyghin. Moscow: Obshchestvennoye mneniye. (In Russ.)
- Searl J.R. (1995) The Construction of Social Reality. New York: Free Press.
- Semenov E.V. (2013) Experiments with Manual Control of a Scientific and Technological Complex in post-Soviet Russia. *Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye* [Innovation. Science. Education]. No. 13: 7–32. (In Russ.)
- Tikhonov A.V., Merzliakov A.A., Poshchestnev A.A. (2021) The Latent Group Formation Phenomen in Regions with Different Sociocultural Modernization Levels. *Sotsiologitcheskiye issledovanya* [Sociological Studies]. No. 10: 139–148. DOI: 10.31857/S013216250012270-0. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2019) From Phenomenon to Noumenon: a Methodological and Methodic Search. Sotsiologitcheskiye issledovanya [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3. (In Russ.)
- Tuli F. (2010) The Basis of Distinction between Qualitative and Quantitative Research in Social Science: Reflection on Ontological, Epistemological and Methodological Perspectives. *Ethiopian Journal of Education and Sciences*. Vol. 6. No. 1: 97–108. DOI: 10.4314/ejesc.v6i1.65384.
- Vasiliachis de Gialdino I. (2011) Ontological and Epistemological Foundations of Qualitative Research. Qualitative Social Research. Vol. 10. No. 2. Article no. 30. DOI: 10.17169/fqs-10.2.1299.
- Weber M. (1990) Science as a Vocation. In: Weber M. Selected Works. Moscow: Progress: 707–735. (In Russ.)

Received: 21.10.21. Accepted: 01.12.21.

О.Э. БЕССОНОВА

ИДЕОЛОГИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ: НОВЫЙ РАКУРС

БЕССОНОВА Ольга Эрнестовна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия (beol@ngs.ru).

Аннотация. Автором обосновывается высокое значение идеологии для общественного развития России как в исторической динамике, так и на современном этапе. Именно новая идеология запускает механизм перехода от одного институционального цикла к другому, поскольку образ будущего в ней связан с отрицанием существующего порядка. В начале XX в. идеология социализма, отрицающая капиталистическую частную собственность, способствовала вторичному укоренению раздаточной экономики, сформировавшейся с момента возникновения российского государства. В конце XX в. идеология российского либерализма привела к подмене классического рынка квазирынком, в основе которого в значительной степени продолжали оставаться устаревшие раздаточные механизмы. Такая модель являлась как на рубеже XIX—XX вв., так и в настоящее время причиной экономической стагнации и острой социальной поляризации. Предполагается, что идеология «нового солидаризма» может стать следующей ступенью в мировоззрении российского общества, поскольку в ней интегрируются идеи либерализма и социализма через симбиоз их практической базы — рынка и раздатка.

Ключевые слова: идеология • либерализм • социализм • солидаризм • образ будущего

DOI: 10.31857/S013216250017233-9

Запрос на новую идеологию. Развитые страны находятся в поиске новой идеологии, о чем свидетельствуют распространение идей левого спектра, практика выборов несистемных политиков (см., напр.: [Ореховский, 2020]) и современные теоретические конструкции, вводящие новые категории для описания нового формата справедливого и свободного общества. В частности, Т. Пикетти в работе «Капитал и идеология» исследует историю как борьбу за идеологии и поиск справедливости, при этом идеология рассматривается им как необходимый элемент выстраивания социальных институтов. Однако «только идеи не могут изменить мир. Без серьезных сдвигов баланса сил и материальной мощи влияние идеологии невелико. Но без конкретных идей и идеологий о преобразовании мира материальные и социальные силы сами не знают, в каком направлении двигаться» [Пикетти, 2021: 142]. Российское общество на современном этапе также выдвигает запрос на социальную справедливость. Ему нужен новый общественный проект, в котором сохранялись бы результативные механизмы прошлого, но и были бы разработаны новые установки и структуры эффективного экономического роста. Задача общественных наук – предложить такой проект, базирующийся на фундаментальных закономерностях глобальной эволюции в целом и институционального развития России в частности.

Идеология, нацеленная на развитие общества, включает как обязательные компоненты новую парадигму развития общества, на основе которой дается объяснение

Статья подготовлена в рамках Базового проекта Института экономики и организации промышленного производства СО РАН 5.2.1.3 (0260-2021-0001). Регистрационный номер НИОКТР № 121040100280-1.

закономерностей исторического развития, и идеальный образ будущего. Идеология в России тоже являлась основой механизма перехода от одного этапа эволюции к другому, поскольку предлагала образ идеального будущего, построенного на отрицании существовавшей реальности (марксизм на рубеже XIX—XX вв., либерализм в 1980–1990-е гг.). Но в современном российском обществе отношение к идеологии двойственное. С одной стороны, исторический опыт государств с коммунистической идеологией показал жесткие ограничения, связанные с идеологизацией власти. С другой стороны, когда ради снятия этих ограничений в России 1990-х гг. ввели запрет на государственную идеологию, то получили идейную дезориентацию населения. С 2000-х гг. стала выстраиваться консервативная идеология, в которой есть мотивация сохранения современного рентоориентированного режима, но отсутствует образ будущего развития.

Современная попытка построения национальной идеологии, основанной на идеализации успехов прошлого [Малинова, 2015], блокирует конструктивный проект перехода к новому этапу развития. «После неудавшихся экспериментов с построением "либеральной демократии" в 1990-е гг. и "госкапитализма с корейским лицом" в 2000-е гг. высшая российская элита утратила какое-либо четкое видение будущего и строит свою политику на апелляциях к великой истории России. Однако развитие страны невозможно без согласованного желаемого образа будущего, который разделялся бы основными группами в российском обществе. В свою очередь для формирования такого образа необходимо понимание того, куда движется мир и как меняется глобальная система координат, в которой России нужно будет найти адекватное место» [Яковлев, 2021: 45].

Новая парадигма выявления закономерностей прошлого и формирования образа будущего. В поисках новой идеологии обратим внимание на развитие экономической теории в XVIII-XXI вв., которое правомерно рассматривать как циклический процесс конкуренции этатистской и либеральной метапарадигм, которые в маятниковом ритме сменяли друг друга [Латов, 2018]. Все научные парадигмы, анализирующие в течение трех веков развитие рыночного хозяйства, группируются в две метапарадигмы – это этатистские (дирижистские) теории регулирования, согласно которым для оптимизации хозяйственной жизни необходимо ее сознательно централизованно регулировать, и либеральные теории саморазвития, согласно которым лучше «предоставить делам идти своим ходом», поскольку «невидимая рука» вполне способна оптимизировать экономику, а сознательное регулирование будет «невидимой руке» только мешать. Сравнивая эти циклы, нетрудно заметить долгосрочную тенденцию к сближению метапарадигм, в результате чего в либеральные теории включается признание определенных видов централизованного регулирования, а в этатистские теории – признание ограниченной эффективности государственного регулирования. В итоге доминирующей среди экономистов идеей становится мысль, что «выбор общественно-экономического устройства – это не выбор между государством и рынком. Государство и рынок являются взаимодополняющими, а не взаимоисключающими. Рынку необходимо регулирование, государство, конкуренция и стимулы» [Тироль, 2020: 20].

Аналогичные идеи о дуализме «правил игры» легко найти и во многих других социально-экономических теориях. Предпосылки формирования предлагаемой новой парадигмы содержатся, в частности, в идеях К. Поланьи [2002] о сосуществовании двух типов экономик – рыночной и редистрибутивной, С. Хедлунда [2015] о двух невидимых «руках порядка», А. Хиршмана [2009] о двух моделях экономической саморегуляции, Д. Норта [Норт и др., 2011] о двух порядках доступа к общественным ресурсам – ограниченном и открытом, Д. Аджимоглу [Аджимоглу, Робинсон, 2015] о двух типах институционального регулирования – инклюзивных и эксклюзивных институтах.

В предлагаемой автором новой «интегрально-институциональной» парадигме, синтезирующей ранее накопленный теоретический потенциал, рынок и раздаток рассматриваются как два универсальных и взаимно необходимых способа координации. Категория «раздаток» описывает нерыночные экономики как объективные и саморегулирующиеся,

в которых базовыми институтами являются общественно-служебная собственность, сдаточно-раздаточные отношения и «административные жалобы» в качестве сигналов обратной связи, при этом встроенные рыночные отношения играют вспомогательную роль. Древние общества с раздаточной системой изучал К. Поланьи, называя их редистрибутивными. При этом рыночные и раздаточные экономики распределяют дефицитные ресурсы разными способами – через механизмы купли-продажи в случае рынка и через механизмы сдач-раздач в случае раздатка.

Центральная идея предлагаемой новой парадигмы состоит в том, что рынок и раздаток – две базовые модели развития человечества, которые взаимодействуют друг с другом по принципу доминантности – компенсаторности. Главное отличие новой парадигмы от устоявшихся представлений состоит в том, что рынку противопоставляется не государство (план), а раздаток как однотипный рынку объективный механизм координации, в то время как государство – только субъект использования этих отношений (как рыночных, так и раздаточных). Рыночные и раздаточные способы координации зародились в древности, прошли циклический путь развития, в рамках которого вырабатывались их формы, соотнесенные с технологическими укладами и характером окружающей среды. Изложим далее тезисно два базовых постулата новой парадигмы.

1. Рынок и раздаток – универсальные механизмы глобальной эволюции.

В докапиталистическую эпоху выживания экономика раздатка проявлялась в двух видах – сначала на базе отдельных общин, а затем в рамках государств/империй, соединяющих общины для реализации масштабных работ под руководством централизованной власти. В кризисные периоды развивались рыночные институты, которые ранее существовали продолжительное время только в недрах вертикально-интегрированного раздатка древних империй. Таким образом, уже в древнем мире выделились два типа экономических систем, в которых доминантой выступала либо частная, либо служебная собственность.

В новое время разделение на рыночную и раздаточную экономику закрепилось в связи с различиями в устойчивости территориально-служебных империй Востока и колониальных империй Запада. Государства Востока раздавали завоеванные территории в служебную собственность и включали их в свой состав. Государства Запада формировали колонии вдали от своих границ и закрепляли захваченные земли в частную собственность. В эпоху интеграции с середины XX в. происходит синтез (симбиоз) рынка и раздатка на базе их новых организационных форм.

2. Рынок и раздаток – равноценные «руки» современного государства.

Социально-экономическая эволюция Запада – циклическое развитие рыночных институтов, которые на каждом цикле принимали формы, соответствующие историческому этапу. В начале XX в. саморегулирующийся рынок охватил системный кризис. Выход был найден в достраивании рыночных отношений раздаточными, а концепция социального государства оформила такой синтез институтов идеологически. Раздаточные отношения в западной рыночной экономике – это прямые раздачи для малообеспеченных в разных видах и формах, как пассивных (посредством пособий и соцзащиты), так и активных (через субсидии малому и среднему бизнесу). Посредством раздаточных отношений значительная доля населения получила от государства либо пособия, либо дешевую ипотеку, а значит, право собственности на недвижимость или на свой мелкий бизнес. Такая «экономика не находится ни на службе у частной собственности или индивидуальных интересов, ни на службе у тех, кто хотел бы использовать государство для навязывания собственных интересов другим. Она отвергает как стопроцентный рынок, так и стопроцентное присутствие государства в экономической системе. Экономика находится на службе общего блага» [Тироль, 2020: 14].

Активное интегрирование институтов раздатка происходило с целью минимизации «провалов» рынка и создания социальных государств за счет системы общественных благ, перераспределяющих выгоды от рыночной экономики между разными социальными

слоями. Институты и механизмы раздатка, имплантированные в рыночную среду, снижали возможный уровень агрессии и насилия со стороны малоимущих групп. Это привело к формированию порядка открытого доступа через отмену цензов и введение всеобщих прав на участие в выборах, а также к коррекции либеральной идеологии, которая теперь ориентировала не только на «личный успех», но и на обеспечение равных шансов развития для всех социальных групп. За последние полвека формы социального государства неоднократно изменялись, при этом каждая страна выработала свой механизм сочетания институтов рынка и раздатка.

Таким образом, современный «Запад» стал эффективным и динамичным за счет симбиоза (синтеза) институтов рынка и раздатка, заменив либеральный рынок с периодическими кризисами экономической моделью, которая в предлагаемой автором новой парадигме называется «контрактным раздатком». Именно через контракты с фирмами всех форм собственности формируются государственные заказы в стратегические отрасли, направляются инвестиции в инфраструктурные проекты и реализуются социальные программы.

Идеология в России как триггер перехода между институциональными циклами: православие и социализм – идеологии укоренения раздаточной экономики. В рамках предложенной автором новой парадигмы установлено [Бессонова, 2015], что фундаментом эволюционного развития России является экономика раздаточного типа, в которой потоки сдач-раздач в рамках общественно-служебной собственности регулируются с использованием механизма обратной связи через институт жалоб. Развитие общественной системы России проявлялось в циклическом усовершенствовании институтов раздатка и происходило через трансформационные фазы, в которых заимствовались рыночные формы (рис. 1).

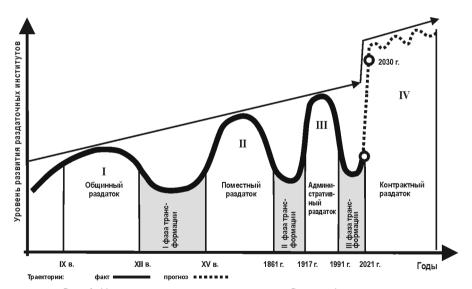

Рис. 1. Циклы институционального развития России: факт и прогноз

В IX–XII вв. первоначальной социально-экономической моделью был общинный раздаток. В рамках общин всегда использовались раздаточные механизмы: старейшины распоряжались ресурсами, распределяя занятия и средства для жизни с учетом жалоб членов общин. Структурирование институциональной среды в рамках всего государства пришлось на правление первых Рюриковичей. Идеологической основой этого процесса стало православие в форме божественной заповеди служения государству, в которой

интегрировались христианские постулаты, языческие верования и обязательный служебный труд. Одним из его главных результатов стало формирование урочного хозяйственного механизма, в котором институты раздатка стали использоваться на уровне государства: сбор ресурсов в государственную казну происходил на основе установленных «уроков» для сельских и городских общин. Сами общины сохранили раздаточные способы функционирования, но уже не только по обычаю, но и по установленным формальным правилам.

В XV–XIX вв. функционировал поместный раздаток, при котором вся земля и средства производства распределялись ступенчато: государство наделяло помещиков, а они в свою очередь – крестьян. Потоки сдач также были двойными: один шел в государственную казну в виде тягла, т.е. податей и повинностей, а другой – в виде оброка и барщины направлялся помещику. При этом помещики были обязаны служить государству по военным и хозяйственным делам. В этот период сложилась система управления, когда функции закреплялись за ведомствами, принимавшими решения с учетом жалоб-челобитных от населения. Модернизация, осуществленная Петром I, сформировала «тягловый» хозяйственный механизм на основе такой формы собственности, как «служебная вотчина», в которой произошел симбиоз частных и государственных интересов. Сформировавшаяся при Николае I идеологическая триада «самодержавие, православие, народность» обеспечивала устойчивость этого механизма.

В XX в. советская экономика базировалась на административном раздатке, при котором вся произведенная продукция сдавалась, а все ресурсы раздавались на плановой основе. Общественно-служебная собственность находилась полностью под контролем государства. Иерархическая модель управления строилась по территориально-отраслевому принципу, а многоканальная система приема жалоб обеспечивала обнаружение проблемных зон. Идеология, обосновывающая обязательный служебный труд, была переведена из религиозной плоскости в государственный проект «построения социализма» на базе планово-раздаточного механизма.

Таким образом, на протяжении всего исторического развития России служебный труд являлся интегрирующей основой, поскольку увязывал через свои механизмы разно-калиберные по численности и наличию ресурсов регионы, а также большое количество наций и народностей. Именно такой характер труда для своей реализации требовал не только эквивалентности «сдач-раздач» на разных иерархических уровнях, но и идеологическую платформу. Западные идеи – христианство и социализм – в России существенно трансформировались и приобрели особый смысл, освящая государственное служение. Православие обосновывало путь к творцу только через ратный и хозяйственный труд на государство, тогда как протестантизм, который критерием соединения с творцом считал достижение личного успеха, распространения не получил. Социализм в России XX века стал государственной идеологией построения нового «светлого будущего» также через служение социалистическому государству во главе с коммунистической партией.

Идеология в России как триггер перехода между институциональными циклами: российский либерализм – идеология квазирынка. Либерализм в России дважды выполнял роль идеологии перехода от раздаточной экономики к рыночным отношениям, что формировало периоды «капитализмов» – на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв. В эти периоды либеральная трансформация экономики раздатка приводила к построению квазирынка ¹. Квазирынок отличается от классического рынка тем, что использует механизмы куплипродажи для присвоения уже созданных производственных систем и инфраструктуры. При квазирынке под внешними рыночными механизмами (конкурсы, тендеры, аукционы) скрываются искаженные отношения сдач-раздач, которые ранее в структурированных фазах были подчинены реализации государственных задач, а в трансформационных фазах

¹Соответственно период XII–XV вв. в истории России можно назвать квазифеодализмом (на основе работ Н.П. Павлова-Сильванского). «Либеральность» в тот период выражалась в развитии неслужебной собственности частных лиц и наемного труда.

действуют в плоскости неформальных связей, нацеленных на получение личной прибыли от использования государственных ресурсов.

Трансформационные периоды характеризуются двойственной ролью государства, совмещающего функции регулирования и предпринимательства; обширным госсектором монопольного характера; финансовой связью чиновничества и высшего слоя предпринимателей; распределением госзаказов по компаниям, принадлежащим узкому кругу правящего слоя. В этом – одна из причин того, почему фазы трансформации на основе квазирынка имеют внутренние причины торможения и порождают длительную стагнацию.

Исходя из глобальных закономерностей, выявленных в предлагаемой автором новой парадигме, эффективной моделью дальнейшего развития России, может стать только контрактный раздаток, в модели которого синтезируются институты рынка и раздатка. В результате этого синтеза раздача (распределение) бюджетных ресурсов предпринимательским и государственным структурам осуществляется на контрактной и конкурсной основе под условия выполнения ими госзаказа, сформированного на базе госпрограмм стратегического развития отраслей и территорий (рис. 2).

В современной России, по оценкам экспертов, уже сложилась экономическая модель, где «государственные программы преобразуются в государственные задания, которые в форме государственных заказов выполняют предприятия, сгруппированные в государственные концерны» [Цедилин, 2021: 149]. На первый взгляд эта институциональная модель по нормативным положениям соответствует принципам контрактного раздатка, однако значительный объем оппортунизма приводит к существенной трансформации ее сути.

На примере современной практики распределения госзаказа в сравнении с его нормативными правилами можно понять разницу моделей квазирынка и контрактного раздатка. По правилам госзаказа конкурс должен быть конкурентным и прозрачным; при нарушении сроков и расходов должно происходить расторжение контракта со штрафами; выплаты менеджерам и собственникам – после завершения и сдачи проекта с удовлетворительной оценкой; победитель конкурса должен самостоятельно осуществлять задание в контрактные сроки, привлекая фирмы, доказавшие свою надежность; необходим регулярный контроль за ходом и качеством работ, в случае нарушений контракт расторгается с лишением права работать по госзаказу. В реальной же практике квазирынка – это закрытое мероприятие с заранее известным результатом; происходит регулярное увеличение сроков и сумм без каких-либо штрафов; доходная часть извлекается до реализации проекта, практикуются нарушение сметы и необоснованное увеличение менеджерских бонусов; распространен непредусмотренный наем субподрядчика за средства, не соответствующие масштабам проекта, и закладывается изначальное снижение качества работ; происходит привлечение аффилированных компаний (родственников и друзей) с многократным завышением цены на их услуги; контроль отсутствует, штрафные санкции не применяются; получатели госзаказа осуществляют максимальное изъятие госсредств в целях личного обогащения и вывоза в офшор.

Таким образом, объективная обусловленность существования трансформационных фаз на базе либеральной идеологии в общей логике институционального развития России связана с необходимостью создать условия спонтанного поиска новых форм раздаточных институтов для перехода к следующему циклу. Как только эти формы находятся и собираются в единую институциональную матрицу, подкрепленную новой идеологией, квазирынок отторгается (революционным путем «снизу» или сменой власти «сверху») и осуществляется переход к следующему циклу развития.

Старый солидаризм как предвосхищение будущего. Ключевым вопросом развития цивилизации всегда был вопрос, как согласовать индивидуальную свободу с коллективной ответственностью, налагаемой взаимозависимостью людей. Решение этой дилеммы происходило через понятие солидарности, с помощью которой обосновывалось представление, что свобода индивида приходит с признанием необходимости соблюдения прав и свобод других членов общества. «Индивид не утрачивает свободы из-за

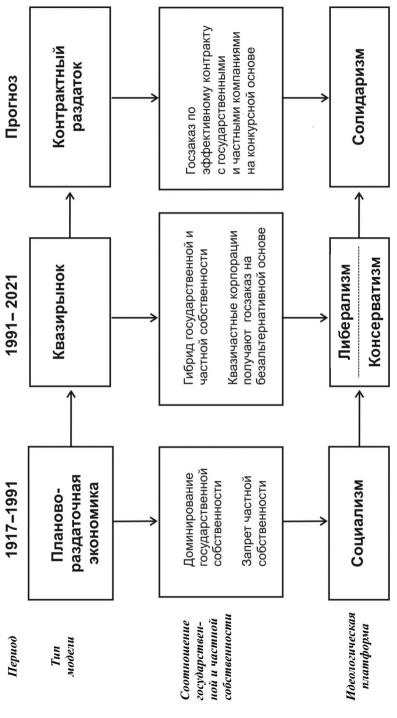

Рис. 2. Эволюция модели российской экономики в XX–XXI вв.

солидарности, он обретает в ней осознание своей ответственности; он, подчеркивал О. Конт, вынужден видеть себя как "звено в цепи поколений". Свобода и солидарность вовсе не антиномии, они соучаствуют в генезисе справедливого строя» [Блэ, 2018: 14]. Другими словами, каждый человек должен понимать, что вокруг него существуют и другие люди, от которых зависит он сам и которые зависят от него. Именно поэтому для сторонников идей солидаризма целью является не борьба с другим человеком, группой или классом, а поиск оптимального способа сосуществования с ними.

Истоки идей солидаризма можно увидеть в работах Э. Дюркгейма при анализе характера связей, соединяющих членов общества в процессе эволюции, в древности – с помощью «механической солидарности», а затем в современности – через договорную «органическую солидарность» [Дюркгейм, 1991]. В концепции П.А. Кропоткина также высказана идея о взаимопомощи и солидарности как факторе эволюции. «С самых древнейших зачатков эволюции главную роль в этическом прогрессе человека играла взаимная помощь, а не взаимная борьба... Социальная борьба плодотворна и прогрессивна только тогда, когда она помогает возникновению новых форм, основанных на принципах справедливости и солидарности» [Кропоткин, 2007: 4, 9].

Разработка концепции солидаризма продолжилась среди мыслителей начала XX в. тех стран, которые впоследствии стали социальными государствами [Окара, 2010]. В ней подчеркивается, что с тех пор как существует мир, борются между собой «дух индивидуализма» и «дух общественности». Для блага человека необходимо существование общества, но как только общество слишком ограничивает личность, последняя ищет освобождения, и индивидуалистическое начало вступает в борьбу с началом коллективистическим. Индивидуализм и социальные (коллективные) тенденции наиболее гармонично примиряются в солидаризме, который рассматривает каждого индивида как часть целого, исходя из принципа, что индивид многим обязан тому обществу, в котором живет. Но солидаризм считает в то же время, что общество, которое не обеспечивает индивиду возможности развить его творческие силы, неизбежно идет к упадку. Солидаризм означает наибольшую гармонию индивидуального и социального начал, развитие частной активности, укрепление начал государственности, наряду с обеспечением независимости и самодеятельности личности [Гинс, 1930].

Однако в тот период солидаризм опередил время, поскольку человечество еще не прошло через период полного отрицания частной собственности и не получило неопровержимые доказательства губительности такой практики. К тому же солидаризм в то время не был наполнен современными интеллектуальными смыслами, теоретической парадигмой и практическими решениями, а восходил к философским и религиозным конструкциям типа «соборности», что сближало его с сектантством и вызывало отторжение [Щупленков, Щупленков, 2013].

Во второй половине XX в. идея солидарности обрела новое экономическое измерение и стала представлять новую концептуализацию функций государства. «Она позволяла ослабить власть государства, одновременно расширяя его полномочия. Но государство должно гарантировать выполнение социального договора и соблюдение принципов справедливости и равенства в договорах оказания услуг во имя общего интереса. Такое государство соответствует сущности общества, которому надлежит быть солидарным» [Блэ, 2018: 15].

Новый солидаризм как образ будущего. Мировоззрение современного солидаризма признает равноценность институтов рынка и раздатка. Современная западная мысль создала понятия, в которых практически воплощается это мировоззрение: порядок открытого доступа, инклюзивные институты и экономика общего блага – в противовес порядку ограниченного доступа, экстрактивным институтам и спонтанной рыночной экономике. «В порядке открытого доступа граждане разделяют системы убеждений, которые акцентируют равенство, совместный доступ и всеобщее включение. Чтобы поддержать эти убеждения, все порядки открытого доступа используют институты и проводят политику, позволяющие распределить выгоды и понизить индивидуальные риски участия в рыночной деятельности, которые включают всеобщее образование, набор программ

социального страхования, а также обширную инфраструктуру и общественные блага» [Норт и др., 2011: 204].

Идеология солидаризма должна базироваться на той роли рынка и раздатка, которую они играют в цементировании институциональных основ мировой цивилизации. В самом общем смысле все совершаемые действия можно классифицировать как «получение» – направленные на себя, и как «отдачу» – направленные от себя на поддержание общества. Баланс «получений» и «отдач» представляет латентный, эмпирически не верифицируемый, механизм воспроизводства жизни на Земле. Для его поддержания социально-экономические отношения между людьми организованы одновременно по типу рынка и по типу раздатка. В рынке стремление «получать» превалирует над «отдачей», а личная мотивация прибыли обеспечивает реализацию общественных потребностей. В раздатке – мотивация служения определяет доминирование отношений «отдач» над «получениями».

Гармоничное соотношение рыночных и раздаточных отношений на глобальном уровне приводит к балансу «отдач» и «получений», а следовательно, способствует выживанию и развитию глобального сообщества. Если соотношение неравновесное, то возникает либо дефицит экономической свободы и частной инициативы, порождаемой рынком, либо отсутствие необходимого уровня социальной справедливости, обеспечиваемой раздатком. В случаях резкого нарушения баланса «отдач-получений» в странах происходят революции либо рыночного (буржуазного), либо раздаточного (социалистического) типа. Накануне революций, стимулируя их, возникают новые религии и идеологии с ориентацией на индивидуальность (протестантизм, либерализм) или на коллективность (православие, социализм).

Вместе институты рынка и раздатка представляют то противоречивое единство, которое позволяет человечеству двигаться вперед. Движение это циклическое, и за ним скрыта логика эволюционного развития, которая базируется на регулярной переоценке и преобразовании устаревших форм рынка и раздатка. «Чтобы сохранить способность сопротивляться упадку, организации, полагающиеся преимущественно на один из двух механизмов реакций, нуждаются в том, чтобы время от времени им предъявляли и другой механизм. Им необходимо проходить через регулярные циклы, в которых поочередно будет доминировать один из этих двух механизмов» [Хиршман, 2009: 119].

Несмотря на объективные ограничения, роль личности в институциональном развитии является определяющей, поскольку в ней заложен механизм познания и совершенствования: бытие определяет сознание, но осознание изменяет бытие. «Пассионарные» личности улавливают раньше других дисбалансы между экономической свободой и социальной справедливостью, угрожающие выживанию, и возглавляют общественные движения по коррекции социального механизма. Потому поиск равновесия между рынком и раздатком в постоянной борьбе их сторонников является механизмом перехода от одной эволюционной ступени к другой с целью построения солидарного общества. «Солидарное общество – это общество, непрестанно балансирующее между индивидуальным и коллективным и основывающееся на стремлении к взаимности и на обмене» [Блэ, 2018: 21].

Социологом П. Сорокиным в XX в. была выдвинута гипотеза о том, что «доминирующим типом возникающего общества и культуры не будет, вероятно, ни капиталистический, ни коммунистический, а тип, который мы обозначим как интегральный. Он должен включать в себя большинство позитивных ценностей и быть свободным от серьезных дефектов каждого типа» [Сорокин, 1997: 115]. Современный американский философ К. Уилбер также постулирует наступление интегральной стадии развития, в которой происходит симбиоз противоположностей [Уилбер, 2017]. В результате частная и государственная формы собственности, социальная справедливость и экономическая свобода, индивидуальное стремление к успеху и коллективное творческое развитие, демократический порядок открытого доступа и управленческая иерархия станут дополнять друг друга, гармонизируя общество в целом (табл.).

Таблица Сравнение нового солидаризма с социализмом и либерализмом

Идеология	Новый солидаризм	Социализм	Либерализм
Экономическая модель	Синтез раздатка и рынка на основе всех форм собственности	Плановый раздаток на базе государственной собственности	Свободный рынок на базе частной собственности
Роль государства	Целевое социальное государство	Тотальное господство государства	Минимальная роль государства – «ночной сторож»
Политическая модель	Порядок открытого доступа с инклюзив- ными институтами	Авторитаризм на основе порядка ограниченного доступа	Демократия в порядке ограниченного доступа
Концептуальная основа	Субъектность в рамках общественного консенсуса	Организованный слу- жебный коллективизм	Индивидуализм
Мотивация	Стремление к успеху и творческое развитие личности в контексте добровольного общественного служения	Обязательное обще- ственное служение	Личный финансовый и творческий успех
Власть и общество	Равноправный диалог власти и гражданского общества	Огосударствленное общество как базис государственного аппарата	Гражданское общество как противовес власти
Обратная связь	Гражданская жалоба между конкурентными выборами, включающая общественные протесты	Институт администра- тивных жалоб	Выборы, гражданские протесты
Целевой ориентир	Свободное общество равных возможностей для всех граждан	Общество равных воз- можностей получения социальных благ	Свободное общество с рыночными контрастами и неравенствами

По мнению Т. Пикетти, борьба за равенство и образование, а не сакрализация собственности привела к экономическому прогрессу. Как он полагает, опираясь на уроки мировой истории, можно представить себе «социализм участия» (партисипативный социализм) в XXI в. – новый эгалитарный горизонт с универсальной целью, новую идеологию равенства через социальную собственность, образование и обмен знаниями и властью [Пикетти, 2021]. В этой связи широкое обсуждение вызвала идея безусловного базового дохода [Ореховский, 2020: 36–40], которая еще не нашла практической реализации, но ведет к новому институциональному формату общества. Ведь пока молодежь обретает свою профессиональную специализацию, ей нужна поддержка общества в виде гарантированного дохода.

Таким образом, солидаризм в новом формате – это основанный на балансе индивидуальных и общих интересов принцип построения социальной системы, в которой ее граждане обладают реальной субъектностью, равными возможностями, правом на выборы и гражданские протесты в рамках сильного социального государства. Теоретическими концептами, раскрывающими различные стороны такого образа будущего, служат «социальный порядок открытого доступа», «инклюзивные институты», «социализм участия», «экономика общего блага» и «интегральное общество». Они обосновывают, что одновременное использование институтов раздатка и рынка в контексте социального государства и солидарного общества становится необходимым условием гармоничного развития

и экономического роста. Социально-экономический курс на основе модели контрактного раздатка, базирующегося на идеологии нового солидаризма, станет эффективным двигателем преодоления системного кризиса в России, вызванного моделью квазирынка, с одной стороны, а с другой – создаст условия для возрождения справедливости как равных шансов в реализации своих способностей для всех социальных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджимоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные: Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.

Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: РОССПЭН, 2015.

Блэ М.К. Солидарность // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 12–21. DOI: 10.31857/ S013216250000757-5.

Гинс Г.К. На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму. Харбин, 1930.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.

Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007.

Латов Ю. Развитие экономической теории как отражение конкуренции этатистской и либеральной идеологий // Экономическая теория: триумф или кризис? XVII Ежегодная междунар. конф. из цикла «Леонтьевские чтения» / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: АНО МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2018. С. 132–148.

Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Ин-т Гайдара, 2011.

Окара А.Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного проекта» // Идеология и философия солидаризма. Мат. науч. семинара. Вып. № 9. М.: Научный эксперт, 2010. С. 7–41.

Ореховский П.А. Социализм и левая утопия в XXI веке (К. Крауч, Т. Пикетти, Н. Срничек, А. Уильямс и др.). Науч. доклад. Препринт. М.: ИЭ РАН, 2020.

Пикетти Т. Капитал и идеология: глобальный взгляд на режимы неравенства // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 140–153. DOI: 10.31857/S013216250015273-3.

Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. М.: Алетейя, 2002.

Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.

Тироль Ж. Экономика для общего блага. М.: Ин-т Гайдара, 2020.

Уилбер К. Теория всего: Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности. М.: Постум, 2017. Хедлунд С.П. Невидимые руки, опыт России и общественная наука: Способы объяснения системного провала. М.: ВШЭ, 2015.

Хиршман А.О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009.

Цедилин Л.И. [Рец.:] Рыночная экономика vs Капитализм // Вопросы экономики. 2021. № 11. С. 139–150. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-11-139-150.

Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Идеи солидаризма в концепции построения гражданского общества в России // Социодинамика. 2013. № 8. С. 72–137. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.8.8750.

Яковлев А.А. Куда идет глобальный капитализм? // Мир России. 2021. Т. 30. № 3. С. 29–50. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-29-50.

Статья поступила: 13.10.21. Принята к публикации: 03.12.21.

IDEOLOGY IN SOCIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA: NEW VIEW

BESSONOVA O.E.

Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAS, Russia

Olga E. BESSONOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAS, Novosibirsk, Russia (beol@ngs.ru).

Abstract. The article substantiates the inherent importance of ideology for the social development of Russia both in historical dynamics and at the present stage. It is argued that ideology triggers the mechanism of transition from one institutional cycle to another, as its image of the future is associated with the rejection of the existing order. The ideology of socialism, which denies private property, has contributed to the entrenchment of 'razdatok' economy that has taken shape since the emergence of the Russian state. The ideology of Russian liberalism led to the replacement of the classical market by a quasi-market, the core of which preserved outdated distribution mechanisms. This model was as at the turn of the 19th – 20th centuries, and now, the cause of economic stagnation and acute social polarization. It is assumed that the ideology of new solidarism may become the next step in the worldview of Russian society, as it integrates the ideas of liberalism and socialism through the symbiosis of their practical base – the market and distribution. Solidarity in the new format is the principle of building a social system based on a balance of individual and common interests, in which its citizens have real subjectivity, equal opportunities, the right to elections and civil protests within the framework of a strong social state. The course based on the contractual 'razdatok' model, based on the ideology of new solidarity, will be an effective engine for overcoming the systemic crisis in Russia.

Keywords: ideology, socialism, liberalism, solidarism, quasi-market, contractual 'razdatok'.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2015) Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Moscow: AST. (In Russ.)
- Bessonova O.E. (2015) The Market and 'Razdatok' in Russia Matrix: From Confrontation to Integration. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Blais M.C. (2018) Solidarity. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 8: 12–21. DOI: 10.31857/S013216250000757-5. (In Russ.)
- Durkheim E. (1991) The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Gins G.K. (1930) On the Way to the State of the Future: From Liberalism to Solidarism. Harbin. (In Russ.) Hedlund S. (2015) Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Hirschman A. (2009) Exit, Voice, and Loyalty Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Kropotkin P.A. (2007) Mutual Assistance as a Factor in Evolution. Moscow: Samoobrazovaniye. (In Russ.) Latov Yu. (2018) The Development of Economic Theory as a Reflection of the Competition of Statistic and Liberal Ideologies. In: Zaostrovtsev A.P. (ed.) Economic Theory: Triumph or Crisis? The 17th Annual International Conference from the Series "Leontief Readings". St. Petersburg: ANO MTSSEI "Leont'evsky centr": 132–148. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. (2015) Current Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011) Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Okara A.N. (2010) Social Solidarity as the Basis for a New "Peacebuilding Project". In: *Ideology and Philosophy of Solidarity: Materials of the Scientific Seminar*. Iss. 9. Moscow: Nauchnyj ekspert: 7–41. (In Russ.)
- Orekhovsky P.A. (2020) Socialism and the Left Utopia in the 21st Century (C. Crouch, T. Picketty, N. Srnichek, A. Williams et al.). Scientific report. Preprint. Moscow: IE RAN. (In Russ.)
- Piketty T. (2021) Capital and Ideology: A Global View of Regimes. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 8: 140–153. DOI: 10.31857/S013216250015273-3. (In Russ.)
- Polanyi K. (2002). The Great Transformation: The Political and Economic Origins of our Time. Moscow: Aletheia. (In Russ.)
- Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. (2013) The Ideas of Solidarity in the Concept of Building a Civil Society in Russia. *Sociodinamika* [Sociodynamics]. No. 8: 72–137. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.8.8750. (In Russ.)

Sorokin P.A. (1997) The Basic Trends of our Times. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Tirole J. (2020) Economy of the Common Good. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)

Tsedilin L.I. (2021) [Review:] Market Economy vs Capitalism. *Voprosy Ekonomiki*. No. 11: 139–150. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-11-139-150. (In Russ.)

Wilber K. (2017) A Theory of Everything: An Integral Vision for Business, Politics, Science, and Spirituality. Moscow: Postum. (In Russ.)

Yakovlev A.A. (2021) Where Is Global Capitalism Headed? *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 3: 29–50. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-29-50. (In Russ.)

Received: 13.10.21. Accepted: 03.12.21.

Теория. Методология

© 2022 г.

В.Г. НИКОЛАЕВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В РОССИИ: НА РАСПУТЬЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ И ПЛЮРАЛИЗМА

НИКОЛАЕВ Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия (vnik1968@yandex.ru).

Аннотация. Обсуждения состояния и перспектив теоретической социологии в России до сих пор не формируют связной картины. В статье показано, что расходящиеся оценки зависят от того, видятся ли наличие и развитие «теории» в ее производстве или воспроизводстве, оригинальных авторских достижениях или коллективном воспроизводстве фона, простом накоплении текстов или живой трансляции, специальной разработке теории или пользовании теорией, а также от того, видится ли «теория» в образе единой теории или множественных теорий, общей теории или специальных теорий, формальной или содержательной теории, метатеории, пропозициональных схем, аналитических схем или моделей. Ввиду этих расхождений предлагается сосредоточить усилия на прояснении того, что мы имеем в виду под теорией, чего мы от нее хотим и какого развития от нее ждем.

Ключевые слова: российская социология • социологическая теория • теоретический плюрализм • общая теория • специальные теории • формальная и содержательная теория • научная коммуникация • фрагментация

DOI: 10.31857/S013216250017450-8

Тема состояния и перспектив теоретической социологии в России за три постсоветских десятилетия поднималась и обсуждалась неоднократно (см., напр.: [Бекарев и др., 2018; Бороноев и др., 2020; Гофман, 2009; Гудков, 2010; Здравомыслов, 2003; Николаев, 2003; 2004; Соколов, 2010; Соколов, Титаев, 2013; Тлостанова, 2015; Тощенко, 2009; Филиппов, 1997; 1999; 2008]). Внятной и согласованной картины на этом пути не получено, ясности не прибавилось. Разница мнений, проявившаяся с самого начала этих обсуждений, в 1990-е гг., в ответ на публикации А.Ф. Филиппова, никуда не делась. Мнения эти, как показывает одно из последних обсуждений [Бекарев и др., 2018], варьируют во всем диапазоне от «теоретической социологии в России не существует и перспектив у нее нет» до «с социологической теорией в России всё хорошо, цветет и развивается».

В настоящей статье задача разрешить этот долгий спор и предложить правильный и окончательный (в отличие от предыдущих) ответ не ставится. Вместо этого внимание будет сосредоточено на дефектах, заключенных в обсуждении этого вопроса, и на том, как они играют в институциональном контексте российской социологии. Предполагается, что прояснение этих дефектов перенаправит внимание на другие вопросы: а что собственно мы имеем в виду под «теорией» и чего мы от нее ждем?

Такое переключение акцента выглядит тем более желательным, что разные мнения о состоянии социологической теории в России, выраженные в ходе предыдущих обсуждений, порой противоречат друг другу, вплоть до несовместимости: то, что с одних точек зрения входит в перечень отечественных теоретических достижений, с других – дисквалифицируется нередко не только в качестве теории, но и в качестве научной продукции в собственном смысле слова – как всего лишь доморощенные спекуляции, симуляции, моды, локальные конвенции, пересказы, подделки под западные оригиналы, колониальные подражания, туземная и провинциальная наука, идеологические построения, «философия» (в уничтожительно-пейоративном смысле) и т.д. Едва ли не каждая из позиций в случае принятия ее претензии на универсальность аннигилирует как значимые не только другие позиции сами по себе, но и лежащие в их основе явные или неявные предпосылки¹, в том числе касающиеся понимания того, что такое «теория» вообще и что значит ее развивать.

Самая суть здесь в том, что никакого единства, тождества понимания того, что такое «теория», в этих позициях и предпосылках нет (последние множественны), но вопрос о том, что под ней имеется в виду, практически никогда не ставится. В разных ответах на вопрос о состоянии и перспективах речь идет о совершенно разных вещах. Эта черта дискуссий о состоянии теории многим очевидна, но это систематически не создает поводов для ее обсуждения; предполагается, что это и так все, кому надо, знают.

Если в русле донаучного здравого смысла трактовать как «теорию» любые абстрактные тексты или тексты², содержащие в эксплицитном виде терминологию и обзоры, обсуждения и утверждения абстрактного характера, то в этом смысле теории у нас много и, может быть, даже очень много. Но принятие этого способа опознания «теории» означает, что социология может исходить из каких угодно предпосылок, а это несовместимо с притязанием ее на статус науки. Добавим, что оценщики состояния социологической теории в России стабильно считают подавляющую часть этого литературного потока (как бы ее ни выделяли и где бы ни обводили границей) или даже весь этот поток лишенными научной значимости и потому не стоящими внимания; и эта оценка обходится без прямого знакомства с оцениваемой продукцией. Соответственно, весомая часть литературы, которая могла бы быть в данном общем смысле определена как «теоретическая», лишена реальной научной значимости и объективно: ее никто не читает; она не имеет обнаружимых научных последствий, не создает плодотворных продолжений и перспектив. Отсюда бессмысленно, например, применять к ней термин «развитие»: в ней ничего не развивается, все умирает в момент появления или заведомо создается как уже мертвое³.

В связи с наличием этого фонового потока, не вызывающего научного интереса, укажем на различение производства и воспроизводства (новизны и простого воспроизведения) научного знания, влияющее на обсуждаемые оценки его состояния и развития. (Граница между читаемым и не читаемым, включаемым в поле зрения и исключаемым, учитываемым и выведенным из учета, разумеется, не совпадает точно с границей между производством и воспроизводством, хотя чаще всего реальное создание научного знания и его развитие усматривается в том, что включается в поле зрения оценщика, а научная ничтожность атрибутируется тому, что в него не включается.) Здесь мы находим дифференциацию

¹ Говоря о явных или неявных предпосылках, мы исходим из того, что любые социологические высказывания исходят из тех или иных онтологических и методологических предпосылок, даже если последние не осознаются, не проговариваются и не обсуждаются [Парсонс, 2000: 52].

²3десь и далее мы будем говорить прежде всего о письменных текстах, исходя из того, что введение в обсуждение устных текстов (доклады на конференциях, семинарах, публичные лекции и т.п.) только утяжелило бы статью, не добавив ничего существенного в приводимые аргументы.

³Здесь мы принимаем луманианский тезис А.Ф. Филиппова [1997; 1999; 2008], что говорить о существовании/развитии социологической теории можно постольку, поскольку она встроена в продолжающуюся коммуникацию. Простейший пример невстроенности – нулевая прочитываемость и цитируемость, отражающаяся в библиометрических базах (хотя к этому она, конечно, не сводится).

позиций, опознающих наличие и развитие теории либо в той части мысли и литературы, где имеются оригинальность и новизна, либо в той, где воспроизводится живая институционализированная традиция, либо и там и там. В связи с этим проявляется несколько эффектов.

Во-первых, есть избыточная значимость, придаваемая оригинальности, и сопутствующее институциональное давление, поддерживаемое, например, требованиями к публикациям, идеологией постановки «амбициозных задач», легитимациями статусных притязаний. Это порождает массу литературы, в которой выдвигается притязание на оригинальность, новизну, новый подход, новую парадигму и т.п. при фактическом отсутствии этой оригинальности. Эти притязания кто-то принимает, кто-то – нет, и оценка состояния теории напрямую зависит от принятия этих притязаний: там, где они принимаются в расширенном масштабе, появляются рассказы о благополучии российской теоретической социологии, о ее бурном развитии, о наличии в ней множества самых разных теорий, подходов, парадигм и т.п. Между тем в одних кругах (позициях) принимаются одни комплекты и объемы притязаний, в других – другие; говоря о наличии теории, ее оригинальности и развитии, те, кто это говорит, имеют в виду совершенно разные вещи; и их разногласия становятся видны только при оглашении деталей; без последнего создается видимость согласия, за которой, однако, ничего не стоит. Масса литературы с такими притязаниями просто никем не читается и не оценивается из-за слабости взаимного реагирования российских социологов друг на друга. С другой стороны, многие оценщики состояния российской социологии, отвергающие выдвигаемые в ней притязания на теоретическую новизну, находят в ней в лучшем случае воспроизводство под видом оригинальности (например, пересказы и перепевы западных идей, притом не всегда качественные и не всегда даже адекватные), в худшем – симуляции теоретической работы или попросту подделки, т.е. то, что вообще не может считаться теорией, если понимать под ней не просто абстрактные рассказы, «размышления» или «дискурсы» (см., напр.: [Соколов, Титаев, 2013; Тлостанова, 2015]).

Во-вторых, в оценках состояния и развития теории оценивающие могут ориентироваться либо на устойчивые продолжающиеся традиции, либо на авторские достижения. Хотя первая ориентация у нас встречается (когда в большей степени речь идет, например, о «школах», идентифицируемых чаще всего географически), имеется и некоторый крен в сторону индивидуализма, иногда (но не всегда) соединенный с акцентом на оригинальности. Тогда мы находим – в поддержку позитивного портрета российской социологической теории – списки ключевых теоретических героев, недавних и нынешних, в разных случаях разные, иногда совершенно разные. По поводу этих списков можно сказать, что включаемые в них имена не встречаются в аналогичных списках за пределами российского социологического сообщества. Бывает и так, что какие-то из этих имен неизвестны значительной части российского социологического сообщества – либо с той или иной стороны сомнительны, а то и вовсе «печально известны».

В-третьих, оборотной стороной склонности к переоценке новизны и авторских достижений оказывается недооценка простого воспроизводства и живой трансляции теоретической традиции (или теоретических традиций). В крайнем случае эта недооценка выражается в том, что наличие и развитие теории ищутся, образно говоря, в области ярких олимпийских достижений (неважно, идет ли речь о выдающихся авторах или «школах», сопоставимых, как это предлагается видеть, с западными вершинами и/или стандартами) и совсем не ищутся в, так сказать, массовой теоретической «физкультуре»; это тот случай, когда состоянию российской теоретической социологии дается высокая оценка (потому что, как утверждается, у нас много ярких авторов и/или школ, которые ничуть не хуже «западных») или выносится приговор (потому что, как утверждается, ничего такого у нас нет даже близко). Хотя «олимпийское движение» и «массовая физкультура» в социологии (в том числе теории), как и в спорте, тесно связаны, и первое без второй истощается, на уровне политики инвестирования ориентации на то или на другое сильно различаются;

но различаются при этом не только организации вложений сил, времени и ресурсов, но и критерии оценки состояния и результатов. Одним из страннейших продуктов ориентации на олимпийские достижения является рассмотрение в качестве таковых самих фактов публикаций в авторитетных журналах и издательствах, преимущественно западных; но эти факты сами по себе ни о чем, кроме попыток участия в особым образом истолкованном социологическом «олимпийском движении», не говорят; вряд ли кто-то станет спорить с тем, что о ярких и резонансных зарубежных теоретических публикациях российских социологов ничего не слышно. Это дает повод как для истолкования российской социологии в целом как провинциальной (в лучшем случае) и туземной (в худшем) [Соколов, Титаев, 2013], так и для оспаривания разумности подобной «олимпийской» ориентации и связанной с ней шкалы оценивания [Тлостанова, 2015].

Контраст между ориентациями на «олимпийские достижения» и на «массовую физкультуру» виден в сосуществовании принципиально разных оценок теоретической значимости того, что делается у нас под рубрикой «истории социологии». С одной стороны, мы находим оценку этой работы как несомненного и важного компонента теоретической работы в социологии⁴, с другой – отнесение этого пласта социологической литературы (порой явно пренебрежительное) к категории простых переложений, пересказов, иногда с подчеркиванием неоригинальности, вторичности, эксплуатации чужого ума и чужой славы. Последняя трактовка, недооценивающая важность актуального воссоздания, обработки и трансляции созданных в прошлом теоретических ресурсов, проявляет себя, например, в оценках состояния социологической теории в России, не включающих работу историков социологии в число заслуживающих внимания его компонентов. Но эта работа обладает своей значимостью, даже если не является сама по себе «развитием» теории.

Вообще говоря, без живой трансляции наука (в том числе теория) не живет. Невозможно превратить науку в серию оригинальных достижений и новаций, очищенную от «балласта» массовой работы по воспроизведению, реактуализации и постоянному переосмыслению накопленных в прошлом знаний, осмыслений, стандартов и ресурсов. Нет и не может быть «фигуры» без «фона», инноваций без традиции [Гофман, 2015]. Дело даже не только в том, что новое всегда опирается на старое и любые карлики всегда стоят на плечах гигантов. Наука (и, в частности, социологическая теория), если видеть ее как часть реальности, как нечто, принадлежащее тому практическому миру, в котором мы живем и действуем, – это продолжающееся во времени коллективное дело, длящееся из прошлого через настоящее в будущее. То, что было создано в прошлом, становится частью настоящего и переходит в будущее только через постоянную реактуализацию [Мид, 2021], пусть даже не в виде точно воспроизводимых мыслительных схем, а всего лишь в виде имеющих актуальные последствия подразумеваний. Эта сторона дела часто игнорируется как в мысли, так и на практике.

Там, где недооценивается воспроизводство, дает сбой реалистическое понимание наличия: считается, что если что-то опубликовано, то оно уже есть всегда и в любой момент, даже если в живой, актуальной практике оно никак не присутствует 5 . Либо предполагается его волшебное, как бы само собой реализующееся присутствие в живой актуальности

⁴Здесь важен историко-институциональный контекст. В советское время главными областями реализации теоретических интересов в области социологии были исторический материализм и «история буржуазной социологии». После распада СССР рекрутирование специалистов в теоретическую социологию происходило прежде всего из этих областей. «История социологии» – до сих пор ключевой компонент специальности 22.00.01.

⁵ На исправление состояния дел, при котором публикации не включаются в живую трансляцию, направлены довольно механические менеджериальные попытки урезать поток литературы, подлежащей живой трансляции, ограничивая списки легитимных мест публикации (библиометрические базы), а все остальное превращая – с использованием административных и финансовых инструментов – в заведомую мусорницу и тем самым уничтожая. Это можно рассматривать как попытку утвердить в качестве существующего (наличного) только опубликованное там, где нужно, при сравнительном невнимании к тому, есть живая трансляция в выделенном сегменте литературы или нет.

науки. Подобная переоценка самого факта опубликованности, складывания текстов в обычную или электронную социологическую библиотеку выражает себя в тех оценках состояния, развития и перспектив социологической теории в России, которые делают упор на простое перечисление опубликованных текстов или ссылку на факты публикования, не принимая во внимание наличие обнаружимых продолжающихся последствий перечисляемых/упоминаемых публикаций. С реалистической точки зрения, в отсутствие таких последствий складирование в «библиотеку» на практике равнозначно отправке в утиль; такое простое складирование без реактуализации ничего не развивает.

Нельзя сказать, что живой трансляции теории у нас нет. Ее много, если учесть суммарные объемы университетских коммуникаций, формальных и неформальных профессиональных встреч, исследовательских проектов и т.д. Но организуются эти потоки воспроизводства, возможно, не так, как обычно они представляются. Во всяком случае, при обсуждениях текущей ситуации в российской социологии трансляция редко опознается как проблема. Конечно, простая трансляция – это еще не развитие, но это предпосылка, без которой невозможны никакое развитие и никакие достижения.

Один из важных способов воспроизводства теории – пользование. Оно живет и развивается не только через эксплицитную разработку, но и через регулярное использование в исследовательских начинаниях. Имеется в виду как простое пользование, так и более продуктивное связывание исследования с теорией, имеющее последствия для последней. В качестве довода в пользу позитивных оценок состояния теории может приводиться то, что теория так или иначе используется практически во всех ключевых институционально контролируемых видах текстов – публикациях (журнальных и книжных), исследовательских отчетах, квалификационных работах (от курсовых работ до кандидатских и докторских диссертаций), даже если они не являются собственно теоретическими, – хотя бы в виде «теоретико-методологических оснований», «теоретических рамок», так называемых литобзоров. Простое наблюдение показывает, что реальный статус этих компонентов текстов не всегда совпадает с тем, как они преподносятся, и даже очень часто сильно с этим расходится. Насколько часто – вряд ли можно сказать точно; проблема никогда в систематическом виде не ставилась, исследований нет. Но можно предложить ряд дискуссионных и гипотетических утверждений. Похоже, в духе нашего времени преобладание пользовательской установки: практичнее пользоваться имеющимися теоретическими ресурсами, чем их развивать и разрабатывать. Пользование тяготеет к ритуалистической и эксплуататорской форме; такой стиль пользования не может обеспечить развития, поскольку характеризуется оппортунизмом и одноразовыми акциями; из него ничего не вырастает, кроме формальной легитимации текущих текстов с точки зрения их публикабельности (или защищаемости, если речь идет о диссертациях). Обратной стороной скромной ритуалистической эксплуатации без претензий является «амбициозное» выдвижений фикций оригинального авторского «подхода», о которых говорилось выше, причем, как правило, без внятного проговаривания того, зачем нужна эта «оригинальность» и что она дает для познания сверх уже имеющихся «подходов». В обоих случаях происходит нарушение нормального процесса трансляции теории из прошлого в будущее; оба случая начисто избавляют от теоретических обязательств; и тут и там любые полученные «выводы» не имеют обязывающих теоретических последствий, а выбор из теоретических ресурсов становится чисто вкусовым. Подытожим эту сторону дела: качество пользования теорией в разного рода исследованиях и работах – важная сторона состояния теории и ее перспектив (или же их отсутствия), требующая самого пристального внимания.

Говоря о позициях, выстраивающихся вокруг различения производства и воспроизводства «теории», мы обсуждали это так, как если бы содержание слова «теория» было непроблематичным. Но оно таковым не является. Отказ от притязания социологии на статус науки, вытекающий из непредъявления к теории каких-либо критериев, для нас неприемлем, и мы не можем считать «теорией» любые абстрактные высказывания, рассказы, рассуждения, схемы, тексты, статьи, книги и т.п. Соответственно, те, кто отвергают

возможность принятия в социологии принципа «все сойдет», исходят из тех или иных образов теории, пусть даже не вполне последовательных и эксплицитных, и их оценки состояния и перспектив социологической теории в России так или иначе соотносятся с этими образами. Образы эти очевидно разные.

Эти образы предполагают в логическом пределе ясно прописанные нормативные критерии научной теории, отделяющие ее от иных абстрактных смысловых образований (мифов, художественных миров, идеологий и т.п.), например: систематичность, включенность в решение познавательных задач науки, соотнесенность с эмпирическими наблюдениями, фактами, изучаемой реальностью и т.д. Теорией при этом может считаться, например, система логических взаимосвязанных понятий или система логически связанных и эмпирически проверяемых общих положений (иногда в форме дедуктивной системы). В социологии (не только российской) эти нормативные состояния теории на практике не обнаруживаются; если в практике они и присутствуют, то в лучшем случае как путеводные ориентиры. Есть ли такие (или какие-то иные) общие ориентиры в российской социологии – вопрос важный, в том числе для понимания того, в каком состоянии у нас находится теория и куда она движется (если движение есть и у него есть какая-то направленность). Но мы здесь не будем пытаться на него ответить, а вместо этого его усложним, выделив с помощью ряда различений и классификаций более специфичные образы теории, имеющие хождение среди российских социологов и так или иначе сказывающиеся на их понимании теоретической работы и на оценках этой работы.

Некоторые из этих образов оживленно обсуждались еще в 1990-е годы. Это, например, обсуждение того, следует ли социологии развивать единую («большую») теорию или время большой теории безвозвратно ушло, уступив место множественности теорий, подходов, парадигм (плюрализму). Можно также вспомнить неоднократно звучавшее, в связи с нагрянувшей модой на постмодернизм, недоуменное замечание В.А. Ядова, что раньше у нас были теоретические дискуссии, а теперь – дискурс. Позже в некоторых кругах получила широкое хождение формула, что теоретическая социология – это эпистемология. Некоторые образы имеют хождение, но не обсуждаются.

Рассмотрим некоторые из этих образов. Начнем с дихотомии единой теории и теоретического плюрализма (или мультипарадигмальности). Воспоминания о единой теории у нас еще живы, особенно среди социологов старших поколений, знакомых в живом опыте с тотальными притязаниями исторического материализма и позитивизма (в первую очередь в версии Парсонса). Но хотя объемные книги, претендующие на формулировку универсальной общей теории, до сих пор время от времени появляются (качество их мы здесь не оцениваем), это явно вымирающий вид. Обсуждений и обнаружимых осадков от этих книг нет, а молодые социологи таких книг уже не пишут. Проектов единой теории, как и вообще единой теории, нет. Ее по сути никто не создает и не развивает; исключения здесь единичны (например, поздние труды Ю.И. Семенова о политарном способе производства и неополитаризме, развивающие марксистскую социальную теорию). Соответственно, оценивая состояние и будущее социологической теории в России, единую и общую теорию редко имеют в виду, хотя иногда и имеют, говоря чаще всего об упадке и распаде теории. Чаще оценивается состояние множественных теоретических альтернатив, фигурирующих при разных уровнях взыскательности как направления, «парадигмы», «подходы» и т.д. Этот взгляд на развитие теории как на множественность параллельных развитий восходит в отечественной традиции к такой области знания, как история и критика буржуазной социологии (ныне – история социологии). В этой оптике развитие теории видится как умножение и внутреннее развитие альтернатив. Теоретический плюрализм у нас заимствованный, в силу чего ему присуще усугубление вкусовых оснований выбора, а также искаженная и ограниченная форма. Из всего множества у нас прижились лишь некоторые теоретические направления, характерно антипозитивистские – бурдьевизм, постмодернизм, марксистская и критическая теория, АСТ и связанные с ней «оптики», гендерная теория, – при отсутствии других. Эти импорты имели во многом характер мод, поветрий,

сектантских движений; носителями их часто были и остаются ограниченные круги. Соответственно, оценки состояния и перспектив социологической теории в России, ориентированные на образ множественных теорий, несут на себе отпечаток отношения к этим новым течениям, от восторженного до абсолютно негативного. На одном полюсе мы имеем высокий энтузиазм и ощущение нахождения на передовых рубежах, на другом – картины полного и безнадежного краха.

Еще одно важное различение – между формальной и содержательной теорией. Оно продуктивно применяется, например, для различения разных видов теории общества [Полякова, 1996; 2004], но по смыслу оно шире 6 . Формальная теория сфокусирована на упорядочении понятийных аппаратов в отрыве от исследуемых содержаний. содержательная – на упорядочении содержаний с помощью адекватных им понятийных средств. В силу разницы фокусировок эти теории характеризуются очень по-разному собранными и устроенными понятийными аппаратами. Для нас это различение важно тем, что его работа обнаруживает себя в оценках текущего состояния и развития теории. Сторонники содержательного теоретизирования (в позитивистской ли форме эмпирически обоснованных теорий или в прагматистской форме укорененной теории) склонны в своих оценках игнорировать теоретическую формалистику или отзываться о ней весьма пренебрежительно. Сторонники формального теоретизирования столь же регулярно отказывают в статусе теории содержательным построениям и концепциям. Так, обычным является неотнесение «укорененной теории» (grounded theory) к теории как таковой. Примерами столкновения двух обсуждаемых образов теории служат также разницы в оценках «теории институциональных матриц» и теории «человека лукавого» («советского простого человека»). Содержательные теории вообще трудно укладываются в привычные канонические ряды.

Следующее важное различение – общей теории и специальных теорий. В современной социологии, по сравнению с прошлым, есть существенное смещение теоретических усилий в область разработки специальных теорий. При этом целое, из которого они выделились, сохраняет свою значимость как подразумеваемый фон: специальные теории легко мыслятся по умолчанию как вклады в теорию вообще (отрицать это склонны только те, кто видит теорию исключительно в образе общей теории, но таких, видимо, немного). Надо сказать, что в условиях присутствия общей теории как просто слепого пятна большинство специальных и частных теорий спотыкаются о простой вопрос: действительно ли они соотносятся с каким-то целым, вписываются в какое-то целое? В какое целое? В которое целое (учитывая множественность «парадигм»)? Проблемы, создаваемой такими вопросами, удается избежать за счет того, что они просто не ставятся. В противном случае, если разовые теоретические акции не имеют импликаций для того целого, к которому они предположительно относятся (каким бы оно ни было), и не подразумевают таких импликаций, то, во-первых, здесь становится бессмысленным термин «развитие», во-вторых, вырисовывается картина разрозненных фрагментов без контекста, пусть даже условно «парадигмального». Насколько реальная картина российской социологии не совпадает с этой гипотезой – мы не знаем, в том числе потому, что в имеющихся оценках состояния социологической теории в России об этом почти никогда ничего не говорится, если не брать упоминаемые «школы», «подходы» и прилагаемые к ним перечни имен. Тут важно не впасть в бесплодный абсолютизм. Кто-то может резонно возразить, что все нормально, что таков нормальный ход повседневной теоретической работы (и такие возражения бывают). Может быть. Но это снова возвращает нас к обсуждаемому здесь вопросу: что

⁶Так, парсонсовская теория общества как системы – формальная, теории трудового общества, индустриального общества, массового общества, информационного общества и т.п. – содержательные. Теория социальной стратификации П.А. Сорокина – формальная; теория гражданства и социального класса Т.Х. Маршалла, проясняющая суть перехода от сословной системы стратификации к классовой, – содержательная. Соотнесение понятий статуса и роли у Р. Линтона – пример формального теоретизирования, соотнесение их же у Э.Ч. Хьюза – пример содержательного теоретизирования.

мы считаем теорией, какой хотим ее видеть и что в отношении ее и ее развития следует считать нормальным?

Упомянутая фрагментация, не ограничивающаяся только отраслевыми социологиями, но гораздо более дробная, служит между тем плодородной почвой для закрепления множества разнородных специалистских «оптик» и вытекающих из них специализационно ограниченных оценок состояния и перспектив теории. Например, для оптимистических оценок ее перспектив, основанных на том, что в данной ограниченной области исследований много парадигм и подходов, вне связи со всем остальным. Часто оправданием таких оценок служит ссылка на неверно истолкованную мертоновскую стратегию развития «теорий среднего уровня», в которой такие теории приравниваются к частным, специальным и/или отраслевым и полагаются самодостаточными. Но у Мертона ставилась долговременная задача интегрирования их во что-то большее, для них заранее устанавливалась общая система координат (в виде функциональной парадигмы), методически прописывались принципы их построения на основе исследований; ничего этого в нынешних российских трактовках такого рода теорий практически никогда нет. Идеология «время больших теорий прошло, настало время этих» прячет игру на понижение. Такая же игра на понижение обнаруживается и в связи с качественными исследованиями, где прагматистская программа разработки укорененных теорий, предложенная А. Страуссом и его коллегами, была по сути сведена к кодификации методики качественного исследования (заметим попутно – без глубокого погружения в поле). Обратим также внимание на генезис «теорий среднего уровня» как специфически советской версии мертоновских теорий среднего диапазона: они появились в советской социологии в составе триады, включавшей, наряду с ними, общую теорию (исторический материализм) и конкретные социологические исследования. Нынешние «теории среднего уровня» выломаны из этого контекста и по большей части редуцированы до специальных и частных «теорий», не имеющих дальнейших более широких последствий; кроме того, с упадком прикладной социологии они зачастую крайне слабо встроены в познание и преобразование эмпирического мира, а то и вовсе не встроены. Несмотря на это, само их наличие довольно часто приводят как свидетельство благополучия социологической теории в России. Впрочем, в других оценках они так же легко игнорируются.

Наконец, можно упомянуть классификацию Дж. Тернера, в которой выделяются такие виды теоретической работы в социологии, как метатеория, аналитические схемы (натуралистические и сенсибилизирующие), пропозициональные схемы (аксиоматические, формальные и эмпирические) и построение моделей (абстрактно-аналитических и эмпирико-каузальных) [Тернер, 1999]. В российской социологии эти виды теоретической работы не распространены равномерно, некоторые из них вообще редко практикуются или даже вовсе не практикуются (например, сенсибилизирующие схемы). Но некоторые расхожие образы социологической теории увязаны с какими-то из этих видов работы, и в зависимости от того, какие из них принимаются во внимание и выдвигаются на передний план оценщиками состояния теории и ее перспектив, мы получаем разные по содержательному наполнению оценки (в том числе диаметрально противоположные), притом что лежащие в основе этих оценок точки отсчета и акценты не оглашаются. Оценки выстраиваются в один плоский ряд, хотя оцениваются в них порой совершенно разные вещи.

Подведем итоги. Итак, когда задается вопрос о текущем состоянии и перспективах социологической теории в России, мы обнаруживаем в ответах много позиций, во многом друг с другом расходящихся. Есть позиции, что с российской теоретической социологией все хорошо: хорошо, потому что много абстрактных текстов, потому что есть яркие и оригинальные авторы, школы и подходы, потому что есть много публикаций по теории, потому что есть публикации за рубежом, потому что теория регулярно используется в исследованиях и текстах, потому что есть целый ворох парадигм, потому что есть тексты по общей теории, специальным теориям, теориям среднего уровня, потому что есть продолжающийся дискурс, потому что есть модели, потому что есть схематики и т.д. Есть

позиции, что все скверно – потому что нет того, другого, третьего и т.д. Есть позиции в середине. В основе разных позиций лежат разные представления о теории и разные ее образы. Споры в этих условиях бессмысленны, если не обговорена общая почва для них. А из суммы имеющихся оценок невозможно составить реалистичную картину действительного состояния российской теоретической социологии и ответить на вопрос, движется ли она вперед, а если движется – то каким образом, за счет чего и куда.

И все это в условиях крайней разрозненности, слабости коммуникаций и, как мы полагаем, отсутствия или как минимум дефицита кумулятивности. Множественности представлений о том, что такое теория и развитие теории, соответствует на практике множественность вытекающих из них поведений и стратегий, если, конечно, стремление развивать теорию есть. Эта последняя множественность свидетельствует о внутреннем рассыпании социологии и ее теории. Здесь резонно возникает вопрос о том, общая ли это судьба мировой социологии или специфика российской; этот вопрос иногда ставится (см., напр.: [Гудков, 2010; Соколов, 2010]), но мы его обсуждать не будем.

В любом случае предохранение социологии от рассыпания и распада требует большей, чем есть на данный момент, рефлексивности в отношении вопросов: Что мы имеем в виду, говоря о теории? Какого развития мы от нее ждем, зачем нам нужно ее развитие, нужно ли нам от нее именно развитие или что-то другое? И можем ли мы в ответах на эти вопросы друг с другом договориться?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бекарев А.М., Девятко И.Ф., Журавлев О.М. и др. Современная российская социология: состояние и перспективы развития // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. XX. Вып. 1–2(97–98). С. 158–191.
- Бороноев А.О., Головин Н.А., Иванов Д.В. Актуальное звучание социологической теории (25 лет серии «Проблемы теоретической социологии») // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 115–124. DOI: 10.31857/S013216250008329-4.
- Гофман А.Б. Мода, наука, мировоззрение: О теоретической социологии в России и за ее пределами // Социологический ежегодник, 2009: Сб. науч. тр. / Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, ГУ ВШЭ, 2009. С. 19–55.
- Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избр. тексты. М.: Новый хронограф, 2015.
- Гудков Л.Д. Есть ли основания у теоретической социологии в России? // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 104–125.
- Здравомыслов А.Г. Варианты социологического мышления в современной России // Социология и современная Россия / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 26–40.
- Мид Дж.Г. Природа прошлого // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. XXIII. Вып. 3(111). С. 21–27. Николаев В.Г. К социологии российских социологий // Российская социология в 2004 году: Мат. к обсуждению на конференции Сообщества профессиональных социологов / Под ред. проф. А.Г. Здравомыслова. М.: СПС, 2004. С. 62–75.
- Николаев В.Г. Условия и перспективы социологии в современной России: к социологии российских социологий // Социология и современная Россия / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С 5–25.
- Парсонс Т. Структура социального действия // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академ. проект, 2000. С. 43–328.
- Полякова Н.Л. Теории общества в современной теоретической социологии // Современные социологические теории общества / Под ред. Ю.А. Кимелева, Н.Л. Поляковой. М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 5–23.
- Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004.
- Соколов М.М. Там и здесь: могут ли институциональные факторы объяснить состояние теоретической социологии в России? // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 126–133.
- Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
- Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // Теория общества: Сб. / Пер. с нем., англ.; вступ. статья, сост. и общ. ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. С. 103–156.

- Тлостанова М.В. Существует ли постсоветская мысль? О колониальности знания, внешнем имперском и двойном колониальном различии. Знание в постколониальном мире: самоколонизация постсоветских наук? // Гефтер. 2015. 23 сентября. URL: http://gefter.ru/archive/16006 (дата обращения: 29.08.21).
- Тощенко Ж.Т. Эволюция теоретической социологии в России (1950–2000-е годы) // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 16–27.
- Филиппов А.Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1–2. С 5–37
- Филиппов А.Ф. О понятии теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 3. С. 75–114.
- Филиппов А.Ф. Теоретическая социология // Теория общества: Сб. / Пер. с нем., англ.; вступ. статья, сост. и общая ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. С. 7–34.

Статья поступила: 31.10.21. Принята к публикации: 03.12.21.

SOCIOLOGICAL THEORY IN RUSSIA: AT THE CROSSROADS OF FRAGMENTATION AND PLURALISM

NIKOLAEV V.G.

National Research University Higher School of Economics, Russia

Vladimir G. NIKOLAEV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., National Research University Higher School of Economics; Senior Research Fellow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia (vnik1968@yandex.ru).

Abstract. Discussions of current condition and prospects of theoretical sociology in Russia have not yet produced a coherent picture of them. In this article the author shows that divergent evaluations of them depend upon finding the presence and development of "theory" in its production or reproduction, in original authorial achievements or collective reproduction of background, in mere accumulation of publications or in its live ongoing translation, in special elaboration of theory or in its using, and also upon different images of "theory" as unified theory or multiple theories, as general theory or special theories, as formal or substantial theory, as metatheory or propositional schemes, analytical schemes or model-building. In view of these discrepancies the author suggests to focus on elucidation of what we mean by theory, what we want it to be, and what development we wait of it.

Keywords: Russian sociology, sociological theory, theoretical pluralism, general theory, special theories, formal and substantial theory, scientific communication, fragmentation.

REFERENCES

- Bekarev A.M., Devyatko I.F., Zhuravlyov O.M. et al. (2018) Contemporary Russian Sociology: The Current State and Perspectives of Development. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. 20. No. 1–2(97–98): 158–191. (In Russ.)
- Boronoev A.O., Golovin N.A., Ivanov D.V. (2020) Actualizing Sociological Theory (25th Anniversary of the "Problems of Theoretical Sociology" Series). Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 1: 115–124. DOI: 10.31857/S013216250008329-4. (In Russ.)
- Filippov A.F. (1997) On the Notion of "Theoretical Sociology". Sotsiologicheskyi zhurnal [Sociological Journal]. No. 1–2: 5–37. (In Russ.)
- Filippov A.F. (1999) Theoretical Sociology. In: Filippov A.F. (ed.) *Theory of Society.* Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole: 7–34. (In Russ.)
- Filippov A.F. (2008) On the Notion of Theoretical Sociology. Sotsiologicheskoe obozrenie [The Russian Sociological Review]. Vol. 7. No. 3: 75–114. (In Russ.)
- Gofman A.B. (2009) Fashion, Science, Weltanschauung: On theoretical Sociology in Russia and Abroad. In: Sociological Yearbook. Moscow: INION RAN; GU VShE: 19–55. (In Russ.)
- Gofman A.B. (2015) Tradition, Solidarity and Sociological Theory: Selected Texts. Moscow: Novyi khronograf. (In Russ.)
- Gudkov L.D. (2010) Are There Grounds for Theoretical Sociology in Russia? *Sotsiologicheskyi zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1: 104–125. (In Russ.)
- Mead G.H. (2021) The Nature of the Past. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. 23. No. 3(111): 21–27. (In Russ.)

- Nikolaev V.G. (2003) Conditions and Prospects of Sociology in Contemporary Russia: On Sociology of Russian Sociologies. In: Gofman A.B. (ed.) *Sociology and Contemporary Russia*. Moscow: GU VShE: 5–25. (In Russ.)
- Nikolaev V.G. (2004) On Sociology of Russian Sociologies. In: Zdravomyslov A.G. (ed.) *Russian Sociology in 2004*: Papers for Conference of the Society of Professional Sociologists. Moscow: SPS: 62–75. (In Russ.)
- Parsons T. (2000) The Structure of Social Action. In: Parsons T. On Structure of Social Action. Moscow: Akadem. proekt: 43–328. (In Russ.)
- Polyakova N.L. (1996) Theories of Society in Modern Theoretical Sociology. In: Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. (eds) *The Modern Sociological Theories of Society.* Moscow: INION RAN: 5–23. (In Russ.)
- Polyakova N.L. (2004) The 20th Century in Sociological Theories of Society. Moscow: Logos. (In Russ.) Sokolov M., Titaev K. (2013) 'Provincial' and 'Indigenous' Scholarship in the Humanities and Social
- Sciences. Antropologicheskij forum [Forum for Anthropology and Culture]. No. 19: 239–275. (In Russ.) Sokolov M.M. (2010) Here and There: Can the State of Russian Theoretical Sociology be Explained by
- Institutional Factors? Sotsiologicheskyi zhurnal [Sociological Journal]. No. 1: 126–133. (In Russ.)
 Tlostanova M.V. (2015) Can the Post-Soviet Think? On Coloniality of Knowledge, External Imperial and
- Tiostanova M.V. (2015) Can the Post-Soviet Think? On Coloniality of Knowledge, External Imperial and Double Colonial Difference. *Gefter*. September 23. URL: http://gefter.ru/archive/16006 (accessed 29.08.21). (In Russ.)
- Toshchenko Z.T. (2009) Evolution of Theoretical Sociology in Russia (1950s 2000s). Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 6: 16–27. (In Russ.)
- Turner J. (1999) Analytical Theorizing. In: Filippov A.F. (ed.) *Theory of Society.* Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole: 103–156. (In Russ.)
- Zdravomyslov A.G. (2003) Variations of Sociological Thinking in Contemporary Russia. In: Gofman A.B. (ed.) Sociology and Contemporary Russia. Moscow: GU VShE: 26–40. (In Russ.)

Received: 31.10.21. Accepted: 03.12.21.

П.А. АМБАРОВА

СОЦИАЛЬНАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ СООБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: В ПОИСКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

АМБАРОВА Полина Анатольевна – доктор социологических наук, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия (borges75@mail.ru).

Аннотация. В статье проводится «ревизия» социологических теорий, в фокусе внимания которых – феномен социальной фрагментации. Показано движение социологических интерпретаций и обоснований социальной фрагментации – от теории Н. Лумана к постмодернистским концепциям. Ставится проблема «кризиса» социальной фрагментации в современном российском обществе. Раскрываются возможные направления теоретического поиска в социологии новых оснований миропостроения, восстановления жизнеспособности и целостности ткани социальных отношений и взаимодействий. В анализе проблемы акцент поставлен на фрагментации и ее преодолении в ядре социума – социальных общностях и сообществах. Показано, что для социологической теории, обращенной к феномену социальной фрагментации, в целом характерна апелляция к общностному (групповому) уровню социальной реальности.

Ключевые слова: социальная фрагментация • социальная дифференциация • солидарность • социальные общности • социологическая теория

DOI: 10.31857/S013216250017229-4

Введение. Процессы социальной дифференциации в современном обществе приобретают новое качество и новые последствия, сущность которых можно определить понятием социальной фрагментации. Исследование таких трансформаций актуализируется в изучении общества постмодерна и постпостмодерна [Кравченко, 2007; Павлов, 2019], неравенства в связи с появлением новых его видов и форм [Куракин, 2020; Черныш, 2021]; латентных эффектов и парадоксов мультикультурализма [Галецкий, 2006; Карпов, 2015]; кризиса социальной идентичности, единства и солидарности [Андреева, 2011; Гофман, 2015]. В анализе многих других процессов дифференциации также просматриваются признаки фрагментации общества, его отдельных подсистем и социальных общностей [Зимин, 2014; Пантин, 2020; Абрамов и др., 2016]. При этом, как правило, исследовательский дискурс продуцирует негативные смыслы и коннотации понятия социальной фрагментации.

Для социологической интерпретации феномена социальной фрагментации, прогнозирования и оценки его последствий необходимо построение релевантной теоретической рамки, продуктивно «работающей» на системном и общностном (групповом) уровнях. В связи с этим важным этапом на пути к обобщающей социологической теории социальной фрагментации становится анализ теоретических подходов, гипотез, объяснительных схем, понятийно-категориальных трактовок.

Такой анализ в его развернутой формуле предполагает последовательное движение от теорий социального порядка, предложенных классической социологией (П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон), через теорию социальной дифференциации Н. Лумана к социологическим теориям «сломанной» социальной реальности (Э. Гидденс, З. Бауман, Ж. Бодрийяр). Делая акцент на феномене социальной фрагментации, можно следовать «короткой» формуле, начиная с теоретических построений, которые переместили фокус внимания

исследователей с оснований социального порядка на причины и формы его деструкции. Предполагаем, что такая точка отсчета позволит «заглянуть за край» и хотя бы в общих чертах увидеть будущее фрагментированного общества, для обоснования которого, возможно, вновь будет востребован потенциал парадигмы социального порядка.

Принимая в качестве основной логической схемы «короткую» формулу, можно предложить усилить ее введением двух дополнительных линий рассмотрения проблемы. Первая – это ее разработка в мировой и отечественной социологии. Вторая – возможности узкодисциплинарного и междисциплинарного подходов к интерпретации фрагментации социальных сообществ. Такая логическая схема во многом определила структуру статьи и ключевые повороты авторского анализа.

От социальной дифференциации к социальной фрагментации. Фундаментальные основы понимания процессов социальной дифференциации в современном обществе (на уровне социетальных систем, организаций, непосредственно взаимодействующих сообществ) были заложены теорией функциональной дифференциации Н. Лумана [Luhmann, 1982]. Он рассматривал появление в обществе автономных подсистем как результат его функциональной дифференциации (от-дифференциации подсистем друг от друга, различения — установления границ между ними) в ответ на усложнение и изменение внешней среды. Размышления немецкого социолога о дифференциации во многом определялись постмодернистским принципом бессубъектности и выражали скепсис по поводу наличия в современном сложном обществе каких-либо оснований для ценностной или моральной интеграции, солидарности, спаянности [Luhmann, 1982: XIV]. Напротив, он видел в отсутствии центричности, доминировании плюральности, полиструктурности, нестационарности социальных процессов источники разнообразия и пластичности современного общества [Феофанов, 1997: 58].

Теория Н. Лумана послужила «мостом» между социологической парадигмой, объединившей различные теории социального порядка и ценностно-нормативной интеграции, и социологическим постмодернизмом, который постулировал социальную реальность как принципиально дезинтегрированную и фрагментированную. Социология радикального модерна также акцентировала внимание на усилении фрагментарности и разрывов социальной «ткани» [Гидденс, 2004]. Апология фрагментации общества звучит в работах 3. Баумана: «Что было разрезано на части, то не может быть снова склеено вместе. Оставь надежду на цельность, как будущую, так и прошлую, всякий, входящий в мир текучей современности» [Бауман, 2008: 29].

Социология позднего модерна и постмодерна предложила, пожалуй, самую развернутую теоретическую интерпретацию предпосылок, форм, уровней и рисков социальной фрагментации. Дж. Урри считал ее одним из «экологических» последствий роста массовой мобильности. По его мнению, мир высоких скоростей и перманентных передвижений разрушает «межчеловеческие контакты», создавая в то же время «правила сохранения дистанции и формальности» и «различные персональные субъективности» [Урри, 2012].

3. Бауман и У. Бек видели в индивидуализации первопричину фрагментации общества, социальных институтов, групп. Исчезновение потребности в диалоге между общественным и приватным, а также стремление человека к самодостаточности, по их мнению, вызывает разрушение доминантной ориентации на общее будущее: нет долгосрочной перспективы, которая солидаризирует, соответственно, нет и оснований для выстраивания в настоящем связей межличностных (между индивидами) и социальных (между индивидами и обществом) [Бауман, 2002]. Индивидуализированное общество учит не создавать, а потреблять человеческие связи и отношения, относиться к ним как к вещам одноразовым и заменимым, как к «контрактам, временным по самому своему определению и замыслам и легко нарушаемым» [Бауман, 2002: 198]. При этом обозначенные законы индивидуализированного общества тотальны и охватывают все его уровни – от социетального до малых групп (семьи, круга друзей, трудовых коллективов).

Еще один источник социальной фрагментации кроется в феномене гиперреальности, порожденной новыми информационными (цифровыми) технологиями. Появлению «бесплотного», виртуализированного общества, которому традиционная органическая целостность не нужна, способствуют дробление и атомизация социального. Они проявлены в распаде традиционных институтов и структур, снижении доверия к ним, трансформации социальных реалий в их знаки, замене реального общения и взаимодействия их информационными подобиями – «языковыми играми» по Ж.-Ф. Лиотару или симулякрами по Ж. Бодрийяру.

От кризиса солидарности – к кризису социальной фрагментации. Теоретические обоснования процессов и состояний социальной фрагментации, предложенные социологией радикального модерна и постмодерна, отразили как первые признаки кризиса традиционной солидарности, так и сложившиеся формы фрагментации. При этом если социология модерна строила алармистский дискурс по поводу социальной фрагментации, то постмодернизм предложил ее нейтральную и даже позитивную оценку, поскольку фрагментация – одно из проявлений кризиса социальной реальности, который постмодернистская социология и философия отнюдь не считают отклонением.

Тем не менее этот постмодернистский тезис не послужил утешением ни для самого социума (особенно российского), ни для социологии. Внутри общества стал формироваться запрос на поиск оснований восстановления если не целостности, то по крайней мере жизнеспособности «ткани» социальных отношений и взаимодействий. Нередко он оказывался сопряженным не только с научными исследованиями¹, но и идеологическими спекуляциями². Внутри же социологической науки стало вызревать понимание «кризиса» социальной фрагментации, а значит, скепсис в отношении интерпретации ее как нормы и интенция на поиск новых теорий миропостроения. Противопоставляя солидарность разъединению, «войне всех против всех», отсутствию доверия и поддержки, социологи предприняли не только ревизию истории «вопроса о солидарности» [Филиппов, 2011: 4; Сорокин, Попова, 2021], но и попытались диагностировать «глубину и ширину» фрагментации [Дубин, 2009]. Такая попытка внесла существенный вклад в формирование междисциплинарного мейнстрима, в который также включились историки, экономисты, философы, политологи, правоведы [Зубаревич, 2016; Залоило, 2020; Зимин, 2014; Мешков, 2011].

Запрос на новое теоретическое осмысление социальной фрагментации и ее эмпирическое изучение сформировался и в зарубежных социологических и междисциплинарных проектах последних двух десятилетий [Pham et al., 2020]. Определенные надежды исследователи возлагали на объединяющую силу глобализации, теоретическая парадигма которой была образована несколькими концепциями, предлагающими разное видение возможностей социальной интеграции. Так, сторонники гиперглобализации трактовали глобализацию как новый «клей» для социальной реальности, выполняющий функцию консолидации и выравнивания ее разнородной, мозаичной «ткани» (Э. Гидденс, Р. Робертсон, С. Латуш). По мнению Н. Штера, глобализация благодаря знаниям, экономической, культурной, технологической «синхронизации» делает мир гомогенным и унифицированным, и эта гомогенность становится аналогом традиционной солидарности, к которой современное (постсовременное) общество уже не может вернуться [Stehr, 1994].

¹Интеллигенция и бизнес: кто влияет на дела в стране. 2012. 4 декабря. URL: https://iq.hse.ru/news/177671301.html (дата обращения: 10.10.2021); Солидарность на фоне пандемии // ВЦИОМ. 2020. 29 декабря. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/solidarnost-na-fone-pandemii (дата обращения: 10.10.2021).

² Костиков В. Лоскутное одеяло. Почему углубляется фрагментация российского общества? // Аргументы и факты. 2020. 1 июля. URL: https://aif.ru/politics/opinion/loskutnoe_odeyalo_pochemu_uglublyaetsya_fragmentaciya_rossiyskogo_obshchestva (дата обращения: 10.10.2021); Межуев Б. Солидарность станет основой нашей будущей идеологии // Взгляд. 2020. 26 марта. URL: https://vz.ru/opinions/2020/3/26/1030961.html (дата обращения: 10.10.2021); Лепехин В. «Солидарная цивилизация» – главный российский бренд // РИА Новости. 2015. 28 мая. URL: https://ria.ru/20150528/1066937714.html (дата обращения: 10.10.2021).

Другая группа зарубежных ученых-теоретиков (среди них – И. Валлерстайн, С. Хантингтон, Э. Тирикьян), к которым примкнули и российские ученые (В. Иноземцев, А. Панарин), выразила серьезный скепсис по поводу способности глобализационных процессов соединить, интегрировать мир, отдельные цивилизации, общества, сообщества, локальности. Наряду с признанием способности глобализации усилить взаимосвязанность мира (через формирование глобальных институтов взаимодействия), они категорически отказали ей в потенциале органической интеграции, сплочения, доверия. Скептики глобализации всячески подчеркивали принципиальную разобщенность, расколотость, конфликтность, асимметрию и неравномерность социального мира в условиях глобализации [Tiryakian, 2014]. С их точки зрения, фрагментация мира превалирует над его глобальным сплочением.

Противоречив ответ теории сетевого общества, сформировавшейся в рамках глобальной социологии, на вопрос о способах преодоления социальной фрагментации. Казалось бы, эта теория дает надежду на возникновение новых оснований для интеграции и социального порядка, связанных с виртуальной сетевой реальностью (М. Кастельс, Дж. Урри). Такая реальность образована огромным количеством онлайн-сообществ, игнорирующих «старые» критерии дифференциации и поляризации («бедные – богатые», «капитализм – социализм», «запад – восток» и др.) и объединенных интересами, стилем жизни, субкультурными идентификаторами, которые между собой пересекаются, не образуя глубоких, труднопреодолимых трещин и разрывов. Сетевое общество, по М. Кастельсу, спаяно специфическим «безвременным» временем и «пространством сетевых потоков». В то же время сетевизация дифференцирует и фрагментирует национальные общества. Одни фрагменты объединяются с «партнерами» в транснациональные сети, другие фрагменты, будучи ограничены в мобильности и доступе к различным социальным благам, превращаются в своеобразные «гетто» внутри даже своей страны.

Фрагментация социальных сообществ в России в зеркале отечественной социологии. Попытки найти теоретическое и эмпирическое объяснение фрагментации в российском обществе сформировали особый вектор развития отечественной социологии. Эмпирические исследования периодически фиксировали динамику процессов интеграции/ дезинтеграции, сплочения/раскола, выявляли критические точки разрывов и восстановления социальных связей и отношений, определяли качество и изменения социального контекста, в которых эти процессы разворачивались. Что же касается теоретической социологии, то, по-видимому, в силу ее собственного кризиса, в ней пока не сложилась целостная теория социальной фрагментации, хотя определенные шаги к ее созданию наметились.

Особое направление теоретического поиска образовали работы российских социологов, посвященные интегрирующей/разобщающей силе социального времени. А.Б. Гофман считает, что бесконтрольное ускорение времени, ставшее императивом современного общества, превращается в фактор не только социальной стратификации, но и мозаичности, расколотости общества и его отдельных подсистем и элементов. Дискретность, прерывистость, разорванность времени лишает их континуальности и разбивает на изоляты, фрагменты [Гофман, 2017].

Обращаясь к вопросу о возникновении сложного общества, находящегося в состоянии травмы и турбулентности, С.А. Кравченко делает акцент на факторе фрагментирующей темпоральности. По его мнению, современный социум превращается из «долгоживущего» в «короткоживущий», поскольку в нем сокращается время функционирования различных институциональных структур, идеалов, ценностей, авторитетов, научного знания. Кроме того, для сложного социума характерен темпоральный дисхроноз, т.е. наличие различных темпомиров, в котором живут люди или целые социальные группы и общности. В связи с этим возникает востребованность нового социального порядка иного качества, который «обеспечивается относительно малыми усилиями профессиональных акторов за счет общей гуманизации человеческих отношений, увеличения креативного человеческого капитала» [Кравченко, 2013: 15]. Собственно, речь идет о необходимости восстановления традиционных человеческих отношений взаимопомощи и социальной ответственности, переосмысленных с учетом современного контекста.

В связи с гуманистическим поворотом российской социологии, обоснованным в работах С.А. Кравченко, актуализируется значение тех социологических теорий, в которых подвергаются реконцептуализации просоциальное поведение (добровольчество, альтруизм), добрососедские отношения, доверие, феномен межличностного и межгруппового прощения [Jeffries et al., 2006]. Заметим, что все эти теории указывают на восстановление целостности социальной «ткани» на уровне социальных групп и общностей – «ядровых» элементов социума.

Обращая внимание на актуализацию проблематики социальной солидарности в зарубежной и отечественной социологии, П.С. Сорокин и Т.А. Попова предлагают обратить внимание на микроуровневые процессы и в этом направлении научного поиска объединить теоретический и методический бэкграунд социологии (П. Сорокин, М. Арчер), когнитивных наук, нейропсихологии, применить теорию нового институционализма (Н. Флигстин, Д. МакАдам), которая показывает особую роль агентности в формировании социальных полей и «экзистенциальный» характер социальной сплоченности [Сорокин, Попова, 2021]. Такой междисциплинарный поворот, по их мнению, позволит выявить «объективные», физиологические микрооснования альтруизма, морали и сплоченности. Избегая ловушек излишней биологизации социальной реальности и, соответственно, не теряя из виду социальную природу человеческой солидарности, предложенная авторами междисциплинарная методология могла бы дать еще один продуктивный ответ на вопрос о способах преодоления социальной фрагментации.

Очевидно, что сегодня в отечественной социологии исследование социальной фрагментации неотделимо от ответа на вопрос о способах восстановления целостности российского общества. Ж.Т. Тощенко, развивая теорию социальной травмы, связывает ее, прежде всего, с определением пути выхода России из состояния травмированного общества [Тощенко, 2020]. В терминах предложенной теории социальную фрагментацию, вызванную в одних странах «цветными» революциями» или насильственным внешним вмешательством, в других – бездарным управлением, этническими и конфессиональными противоречиями, можно отнести как к травмирующим факторам, так и к последствиям травмированного общества.

Особый акцент Ж.Т. Тощенко ставит на способности системы управления обществом создавать непротиворечивую, согласованную программу его развития, обладающую солидаризирующей силой. Отсутствие позитивной объединяющей национальной идеи, доминирование клановых интересов экономических и политических элит, злость и разочарование депривированных групп населения, слабая социальная поддержка и отсутствие сильной политики борьбы с разными видами неравенств приводят к тому, что в России фрагментация «спускается» с макроуровня на микроуровень, проникая внутрь социальных групп и общностей.

На наш взгляд, перспективный теоретический вектор исследования фрагментации сообществ в России предложен в концепции межгруппового прощения. Эта концепция берет свое начало в психологии и социальной психологии, но на нее в последнее время стала обращать внимание и социология, более пристальное – зарубежная [Horowitz, 2010; Rathsman, 2013; Grey, 2019], частично – отечественная [Сидорова, 2016].

Категория прощения позволяет раскрыть морально-этические аспекты социальной фрагментации (комплекс обиды одних социальных сообществ на других), ее социально-политическое измерение (требование политики прощения, ожидание прощения как политического акта), социокультурный контекст (несформированность культурных паттернов примирения) [Леви, Шнайдер, 2019]. Развитие социологической теории прощения актуально в связи с тем, что практики публичного прощения, получившие в России массовое распространение в последние годы и используемые в качестве средства «воспитания» инакомыслящих, на самом деле не имеют ничего общего с преодолением фрагментации политических сообществ, имеющих принципиальные различия в их идеологических установках³.

 $^{^3}$ Фохт Е. Ритуал вины и позора. Почему в России процветает культура извинений на камеру // BBC News: Русская служба. 2021. 12 марта. URL: https://www.bbc.com/russian/features-56374364 (дата обращения: 17.10.2021).

Проведенные в последние годы эмпирические исследования российского общества и образующих его структуру социальных сообществ показали востребованность социологических теорий, которые объясняют особенности фрагментации и возможности ее преодоления применительно к конкретному случаю или конкретному сообществу. Приведем два примера: первый отражает ситуацию межгрупповых отношений в российском обществе в период пандемии, второй показывает процессы фрагментации российского университетского сообщества.

Для объяснения противоречивых тенденций фрагментации/сплочения в российском обществе во время пандемии российские социологи обратились к теории «сообществ судьбы», предложенной П. Бэром, и адаптировали ее для анализа ковидной и постковидной реальности [Ярмак и др., 2020; Вахштайн, 2020]. По данным эмпирических исследований 2020–2021 гг., в российском обществе налицо переплетение тенденций социальной фрагментации, с одной стороны, и усиления социальной солидарности – с другой.

Так, по данным мониторинга НИУ ВШЭ, в период пандемии снизился уровень обобщенного доверия граждан друг к другу, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что каждый пятый в разгар эпидемии (весной 2020 г.) настороженно относился к незнакомым людям. Независимо от этого обстоятельства, резко выросло число тех, кто был готов помогать и реально помогал чужим людям (91% из тех, кто доверял, и 88% тех, кто не доверял)⁴. В то же время у россиян окрепло чувство доверия к ближнему кругу общения, и среди тех, кто доверял близким, оказалось больше тех, кто был готов помогать соседям, оказавшимся в беде. При этом связь между названными двумя показателями (доверием к близким и готовностью помогать соседям) проявилась более четко и однозначно, чем связь обобщенного доверия и готовности помогать.

В следующем 2021 г. в России возникли и стали расширяться сообщества «ковид-диссидентов» или «ковид-скептиков», объединенные неверием в реальность нового вируса, и «антипрививочных сектантов», проявляющих протест против ускоренной и принудительной вакцинации. Таким образом, на фоне роста альтруизма и усиления доверия на микроуровне (семьях, соседских сообществах) появились новые линии разлома, по которым социальная «ткань» снова «поползла» и обнажила острые конфликты и интолерантность, вылившиеся в итоге в феномен ковид-дискриминации. Примечательно, что в 2020 г., когда институты государства были в растерянности или погружены в заботы о быстром разворачивании экстренной медицинской, социальной, бытовой помощи, процессы внутригрупповой и межгрупповой консолидации складывались быстрее и органичнее.

Для понимания сложившейся ситуации, которая динамично развивается по сей день и эмпирически фиксируется, недостаточно объяснительного потенциала теории доверия или добровольчества, поскольку они отражают процессы сплочения только в определенных группах российского общества. Нужна еще одна теоретическая рамка или позиция, которая способна объяснить парадоксальность сплетения солидарности и фрагментации. Российские социологи обнаружили такой потенциал в теории «сообществ судеб» П. Бэра, предложившего три сценария развития сообществ в условиях масштабной угрозы, определяющей их настоящее и будущее. Применяя эту теорию к ситуации пандемии в российских условиях, мы видим, что в нем реализуются все три сценария – сценарий солидаризации («пандемия сплачивает»), сценарий поляризации («пандемия делает врагами») и сценарий атомизации («пандемия разобщает»).

Второй пример поиска теорий, объясняющих фрагментацию конкретной социальной общности, приведем, обращаясь к фрагментации университетского сообщества в российском высшем образовании, которые попали в фокус внимания отечественной социологии [Абрамов и др., 2016; Курбатова, Каган, 2016; Амбарова и др., 2020].

⁴Изменилось ли доверие в российском обществе во время пандемии // Росконгресс. 2020. 17 июня. URL: https://roscongress.org/materials/izmenilos-li-doverie-v-rossiyskom-obshchestve-vo-vremya-pandemii/ (дата обращения: 18.10.2021).

Согласно данным исследований, трансформация российских университетов привела к глубоким изменениям в системе академических ценностей, моделей поведения и взаимодействий, содержании профессиональных ролей. Деформированными оказались отношения доверия и солидарности [Зборовский, Амбарова, 2019: 455–506]. В этих условиях стали формироваться основания для фрагментации университетского сообщества, т.е. разделения его на отдельные, относительно автономные структуры и образования. Вместо единого базиса идентификации появилось несколько различных идентификационных оснований. Усилились отношения жесткой конкуренции за ресурсы и статусы. Ощущения разобщенности стали разъедать некогда крепкую ткань социальных отношений внутри университетской «корпорации».

Теоретические обоснования фрагментации университетского сообщества, предложенные только теориями доверия и сетевизации высшего образования, оказались недостаточными. Они не объясняли до конца, почему в одном из самых старых и «крепких» профессиональных сообществ наблюдается образование «отщепов», мозаичности научных школ, научного знания. Теоретический поиск привел разных исследователей к одному знаменателю – социологическим теориям университетского управления. Концепции академического капитализма, академического менеджериализма позволили сформировать адекватную теоретическую рамку, позволяющую не только увидеть первоисточники фрагментации, имеющие управленческую природу, но и соотнести исследуемый феномен со стратегиями переформатирования инерционного институционального дизайна российской высшей школы.

Заключение. Социологическое изучение процессов социальной фрагментации сообществ в России актуализировано в нескольких аспектах: в контексте становления общества постмодерна, глубокой трансформации институциональной и общностной структуры российского социума, в рамках отраслевых проблем культурной дезинтеграции и дефицита общественной солидарности, политического конфликта, усиления социального неравенства и связанной с ним социальной зависти. Никто из авторитетных отечественных социологов в своих макросоциологических исследованиях трансформации российского общества не обошел их своим вниманием, делая акцент, прежде всего, на ценностнонормативных проявлениях фрагментации, а также социетальных и институциональных ее последствиях. В поле зрения социологов, фокусирующих свой взгляд на микропроцессах, маркеры социальной фрагментации (конфликтность, изоляция, отсутствие общих оснований идентификации и др.) также попадают достаточно часто, поскольку фрагментирование/интегрирование «ткани» социальных отношений и взаимодействий представляют основные процессы в ядре социума – социальных группах и общностях.

Эмпирические исследования социальной фрагментации и противоположных ей процессов солидаризации и интеграции общества и общностей, проводимые в рамках отраслевых социологий, дают богатый материал для размышлений, но требуют теоретических рамок, позволяющих генерализировать и концептуализировать его. «Ревизия» же социологических теорий, обладающих объяснительным потенциалом для изучения социальной фрагментации социальных сообществ в России, показывает не столько недостаток теоретических подходов, сколько их собственную мозаичность. По-видимому, социологическое знание (не только отечественное, но и зарубежное) попадает в «ловушку» фрагментации и не находит пока в себе силы сгенерировать обобщающую теорию. Возможно, что сама социальная реальность, порождающая фрагментацию, настолько подвижна, изменчива и турбулентна, что за этим постоянным ее движением трудно увидеть и однозначно определить в теоретических концептах и схемах законы и закономерности – важнейшие элементы социологической теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р., Груздев И., Терентьев Е. Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: международный и российский контексты // Новое литературное обозрение. 2016. № 2. С. 16–32.
- Амбарова П.А., Шаброва Н.В., Ермолаева С.Г. Доверять ли коллегам? К вопросу о внутриобщностном доверии преподавателей высшей школы // Педагогический журнал Башкортостана. 2020. № 3. С. 11–21. DOI: 10.21510/1817-3992-2020-88-3-11-21.
- Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. № 6: 3–12.
- Бауман 3. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бауман 3. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- *Вахштайн В.* Пандемия, страх, солидарность // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. С. 155–162.
- Галецкий В. Критическая апология мультикультурализма // Дружба народов. 2006. № 2. С. 169–189.
- Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.
- Гофман А.Б. Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 29–36.
- Гофман А.Б. Слишком быстро?! Культура замедления в современном мире // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 141–150. DOI: 10.7868/S0132162517100166.
- Дубин Б. Режим разобщения // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 1. С. 6–19.
- Залоило М.В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 27–49. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.27.49.
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Социология высшего образования. Екатеринбург: Гум. ун-т, 2019.
- Зимин В.А. Фрагментированное общество как институциональная константа политической культуры // Концепт. 2014. Т. 20. С. 886–890.
- Зубаревич Н.В. Современная Россия: география с арифметикой // Отечественные записки. 2012. № 1(46). С. 55–64.
- Карпов А.О. Диссонансная толерантность как альтернатива позитивной толерантности мультикультурализма // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 152–157.
- *Кравченко* С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 12–23.
- *Кравченко С.А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М.: МГИМО, 2007.
- *Куракин Д.* Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 167–231. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-167-231.
- Курбатова М.В., Каган Е.С. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8. № 3. С. 116–136.
- Леви Д., Шнайдер Н. Права человека и конфликты памяти: политика прощения // Неприкосновенный запас. 2019. № 5. С. 47–67.
- Мешков Д.Н. Некоторые факторы фрагментации и целостности современного общества // Регионология. 2011. № 4. С. 281–288.
- Павлов А. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Дело, 2019.
- Пантин В.И. Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие // История и современность. 2020. № 3. С. 23–41. DOI: 10.30884/iis/2020.03.02.
- Сидорова М. Прощение как опыт возможного: подходы X. Арендт и П. Рикёра // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 2. С. 192–207. DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-192-207.
- Сорокин П.С., Попова Т.А. Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктурации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 457–468. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.
- Феофанов К.А. Никлас Луман и функционалистская идея ценностно-нормативной интеграции: конец вековой дискуссии // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 48–59.
- Филиппов А. Мобильность и солидарность. Статья 1 // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 4–20.
- Черныш М.Ф. Институциональные основы неравенства в современном обществе // Мир России. 2021. Т. 30. № 3. С. 6–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28.

- Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию COVID-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 121–142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666.
- Grey S. Returning to the Source Revisiting Arendtian Forgiveness in the Politics of Reconciliation // Theoria. 2019. Vol. 66. No. 161. P. 37–65. DOI: 10.3167/th.2019.6616103.
- Horowitz I.L. Daniel Maier-Katkin, Stranger from Abroad: Hannah Arendt, Martin Heidegger, Friendship and Forgiveness // Society. 2010. Vol. 47. No. 4. P. 361–362. DOI: 10.1007/s12115-010-9336-0.
- Jeffries V., Johnston B.V., Nichols L.T. et al. Altruism and Social Solidarity: Envisioning a Field of Specialization // The American Sociologist. 2006. Vol. 37. No. 3. P. 67–83. DOI: 10.1007/s12108-006-1023-7.
- Luhmann N. The Differentiation of Society, New York: Columbia University Press, 1982.
- Pham T.M., Kondor I., Thurner S. The Effect of Social Balance on Social Fragmentation // Journal of the Royal Society Interface. 2020. Vol. 17. No. 172. DOI: 10.1098/rsif.2020.0752.
- Rathsman K. Forgiveness and Reconciliation in a Sociological Context // Sociologisk Forskning. 2013. Vol. 50. No. 2. P. 139–156.
- Stehr N. Knowledge Societies. London: Sage, 1994.
- Tiryakian E.A. Civilization in the Global Era: One, Many... or None? In: Social Theory and Regional Studies in the Global Age / Ed. by S. Arjomand. New York: State University of New York Press, 2014. P. 91–112.

Статья поступила: 21.10.21. Принята к публикации: 03.12.21.

SOCIAL FRAGMENTATION OF COMMUNITIES IN MODERN RUSSIA: IN SEARCH OF A SOCIOLOGICAL THEORY

AMBAROVA P.A.

Ural Federal University, Russia

Polina A. AMBAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia (borges75@mail.ru).

Abstract. The article revises sociological theories, which focus on the phenomenon of social fragmentation. The movement of sociological interpretations and justifications of social fragmentation is shown starting from N. Luhmann's theory to postmodern conceptions. The problem of the crisis of social fragmentation in modern Russian society is posed. Possible directions of theoretical search in sociology for new foundations of world-building, restoration of viability and integrity of the social relations and interactions are offered. In the analysis of the problem, the emphasis is made on fragmentation (and its overcoming) in the core of society – social communities. It is shown that the sociological theory addressing the phenomenon of social fragmentation, is generally characterized by an appeal to the community (group) level of social reality.

Keywords: social fragmentation, social differentiation, solidarity, social communities, sociological theory.

REFERENCES

- Abramov R., Gruzdev I., Terentiev E. (2016) Alarm and Enthusiasm in Discourses on the Academic World: International and Russian Contexts. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review]. No. 2: 16–32. (In Russ.)
- Ambarova P.A., Shabrova N.V., Ermolaeva S.G. (2020) Can We Trust our Colleagues? Revisiting the Intracommunity Trust between the Higher School Teachers. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana* [Pedagogical Journal of Bashkortostan]. No. 3: 11–21. DOI: 10.21510/1817-3992-2020-88-3-11-21. (In Russ.)
- Andreeva G.M. (2011) Towards the Problem of Identity Crisis Amid the Social Transformations. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Psychological Research]. No. 6: 3–12. (In Russ.)
- Bauman Z. (2002) Individualized Society. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) Fluid Modernity. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Chernysh M. (2021) The Institutional Foundations of Inequality in Modern Society. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 30. No. 3: 6–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28. (In Russ.)
- Dubin B. (2009) The Mode of Separation. Pro et Contra. Vol. 13. No. 1: 6–19. (In Russ.)
- Pheophanov K.A. (1997) Niklas Luhmann and the Functionalist Idea of Value-Normative Integration: The End of a Century-Long Discussion. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. No. 3: 48–59. (In Russ.)

- Filippov A. (2011) Mobility and Solidarity. Paper 1. Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]. Vol. 10. No. 3: 4–20. (In Russ.)
- Galetsky V. (2006) Critical Apology of Multiculturalism. *Druzhba narodov* [Friendship of Peoples]. No. 2: 169–189. (In Russ.)
- Giddens A. (2004) Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.) Gofman A.B. (2015) Conceptual Approaches to Analysis of Social Unity. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 29–36. (In Russ.)
- Gofman A.B. (2017) Too Fast?! The Culture of Deceleration in the Present-Day World. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. No. 10: 141–150. DOI: 10.7868/S0132162517100166. (In Russ.)
- Grey S. (2019) Returning to the Source: Revisiting Arendtian Forgiveness in the Politics of Reconciliation. *Theoria*. Vol. 66. No. 161: 37–65. DOI: 10.3167/th.2019.6616103.
- Horowitz I.L. (2010) Daniel Maier-Katkin, Stranger from Abroad: Hannah Arendt, Martin Heidegger, Friendship and Forgiveness. *Society*. Vol. 47. No. 4: 361–362. DOI: 10.1007/s12115-010-9336-0.
- Jeffries V., Johnston B.V., Nichols L.T. et al. (2006) Altruism and Social Solidarity: Envisioning a Field of Specialization. *The American Sociologist*. Vol. 37. No. 3: 67–83. DOI: 10.1007/s12108-006-1023-7.
- Karpov A.O. (2015) Dissonant Tolerance as an Alternative to Positive Tolerance of Multiculturalism. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. No. 10: 152–157. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2007) Sociology of Modernity and Postmodernity in a Dynamically Changing World. Moscow: MGIMO. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2013) The Demand for Humanistic Turn in Sociology. Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika [Sociological Science and Social Practice]. No. 1: 12–23. (In Russ.)
- Kurakin D. (2020) Tragedy of Inequality: Dehumanizing "L'Homme Total". *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review]. Vol. 19. No. 3: 167–231. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-167-231. (In Russ.)
- Kurbatova M.V., Kagan E.S. (2016) Opportunism of University Lecturers as a Way to Adaptate the External Control Activities Strengthening. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies]. Vol. 8. No. 3: 116–136. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136. (In Russ.)
- Levy D., Sznaider N. (2019) Human Rights and the Clash of Memories: The Politics of Forgiveness. Neprikosnovennyy zapas [Untouchable Reserve]. No. 5: 47–67. (In Russ.)
- Luhmann N. (1982) The Differentiation of Society. New York: Columbia University Press.
- Meshkov D.N. (2011) Some Factors of Fragmentation and Entirety of Modern Society. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies]. No. 4: 281–288. (In Russ.)
- Pantin V.I. (2020) Value Divisions and Splits in Modern Societies: impact on Socio-political Development. Istoriya i sovremennost' [History and Modernity]. No. 3: 23–41. DOI: 10.30884/iis/2020.03.02. (In Russ.)
- Pavlov A. (2019) Post-Postmodernism: How Social and Cultural Theories Explain our Time. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Pham T.M., Kondor I., Thurner S. (2020) The Effect of Social Balance on Social Fragmentation. *Journal of the Royal Society Interface*. Vol. 17. No. 172. DOI: 10.1098/rsif.2020.0752.
- Rathsman K. (2013) Forgiveness and Reconciliation in a Sociological Context. Sociologisk Forskning. Vol. 50. No. 2: 139–156.
- Sidorova M. (2016) Forgiveness as a Possibility: The Approaches of H. Arendt and P. Ricoeur. Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]. Vol. 15. No. 2: 192–207. (In Russ.)
- Sorokin P.S., Popova T.A. (2021) Classical and Contemporary Approaches to the Study of Solidarity: Challenges and Perspectives under Destructuration. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 21. No. 3: 457–468. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468. (In Russ.) Stehr N. (1994) *Knowledge Societies*. London: Sage.
- Tiryakian E.A. (2014) Civilization in the Global Era: One, Many... or None? In: Arjomand S. (ed.) *Social Theory and Regional Studies in the Global Age*. New York: State University of New York Press: 91–112.
- Toshchenko Zh.T. (2020) Trauma Society: Between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Empirical Analysis). Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Urry J. (2012) Mobilities. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Vakhstein V. (2020) Pandemic, Fear, Solidarity. *Rossiya v global'noy politike* [Russia in Global Affairs]. No. 3: 155–162. (In Russ.)
- Yarmak O.V., Strashko E.V., Shkayderova T.V. (2020) How Internet Users in Moscow, Saint Petersburg and Sevastopol Reacted to the COVID-19 Pandemic (Based on Material from a Media-analysis Study). *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 11. No. 3: 121–142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666. (In Russ.)
- Zaloilo M.V. (2020) Fragmentation as a Modern Trend of Legal Space Development. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. No. 1: 27–49. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.27.49. (In Russ.)

Zborovsky G.E., Ambarova P.A. (2019) *Sociology of Higher Education*. Yekaterinburg: Gum. un-t. (In Russ.) Zimin V.A. (2014) The Fragmented Society as an Institutional Constant of Political Culture. *Kontsept* [Concept]. Vol. 20: 886–890. (In Russ.)

Zubarevich N.V. (2012) Modern Russia: Geography with Arithmetic. *Otechestvennye zapiski* [Homeland Notes]. No. 1(46): 55–64. (In Russ.)

Received: 21.10.21. Accepted: 03.12.21.

Методология и методы социологических исследований

© 2022 г.

БАБИЧ Н.С., ЮРЬЕВА В.И.

МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЯ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА В МАССОВЫХ ОПРОСАХ

БАБИЧ Николай Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов (sociolog@mail.ru); ЮРЬЕВА Вероника Ильинична – бакалавр социологии, стажер АНО «Центр экспертных исследований рынка» (yurieva@socioexpert.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. В статье раскрываются теоретические и методические аспекты измерения когнитивного диссонанса как фактора социального поведения. Обосновывается, что социологически релевантные проявления когнитивного диссонанса должны осуществляться по модели самооправдания – сглаживания противоречий между знаниями людей о своем поведении и их самооценкой. Предлагается использование в массовых опросах методики измерения когнитивного диссонанса, представляющей собой шкалы разности – наборы одинаковых утверждений, примененные к самим респондентам и внешним инстанциям (например, другим людям). Различия оценок в этих утверждениях отражают величину когнитивного диссонанса, что было подтверждено в 1) эксперименте, индуцировавшем когнитивный диссонанс по модели «вынужденного согласия» Фестингера-Карлсмита, и 2) массовом опросе, продемонстрировавшем корреляцию между величиной разности и интенсивностью курения. Таким образом, предложенная методика прошла первичную валидизацию, она показывает наличие когнитивного диссонанса там, где он и должен наблюдаться, и в некоторой степени отражает его величину. Однако сравнительно невысокие показатели значимости различий в первом исследовании и статистической связи во втором обусловливают необходимость дальнейших исследований, в том числе в направлении развития и уточнения методики.

Ключевые слова: когнитивный диссонанс • опросы общественного мнения • методика измерения • валидизация

DOI: 10.31857/S013216250015624-9

Введение. Теория когнитивного диссонанса – одна из важнейших концепций в современной социальной психологии [Соорег, 2012]. На протяжении многих лет она также играет существенную роль в исследовании феноменов, представляющих макросоциологический интерес, – общественного мнения [Штейнберг, 1997; Groeber et al., 2014], религии [Prus, 1976; Margolis, 2016], революционных преобразований [Geschwender, 1968; Schwartz, 1971; Rabin, 1994] и т.п. Кроме того, гипотеза о когнитивном диссонансе может рассматриваться в качестве стандартного альтернативного объяснения многих корреляционных зависимостей, выявляемых в массовых опросах. Например, если религиозность человека оказывается статистически связана с тем, как часто массмедиа сообщают ему положительную информацию о религии, этот результат может свидетельствовать об убеждающей силе СМИ и их роли в формировании религиозности населения. И в то же время

он может быть объяснен тем, что более религиозные респонденты, стремясь избежать когнитивного диссонанса, избирательно воспринимают положительную информацию, а антирелигиозно настроенные, соответственно, отрицательную. Очевидно, для обоснованного выбора в пользу одного или другого объяснения необходим инструмент измерения когнитивного диссонанса в отношении религии. Аналогично, для исследований массовых протестов возникает потребность в измерении диссонанса в отношении политических институтов и т.д.

Вместе с тем современная социологическая методология не предоставляет в распоряжение исследователей ни одной общепринятой методики измерения когнитивного диссонанса в массовых опросах. Во всяком случае, такой инструмент авторам не удалось обнаружить ни в базах данных Google Scholar, Scopus и Web of Science, ни в указателях известных обобщающих сборников тестов и шкал – Mental Measurements Yearbook 1 , ETS Testlink 2 , Marketing Scales Handbook 3 , International Personality Item Pool 4 и Measurement Instrument Database for the Social Sciences 5 . Настоящая статья представляет собой попытку частичного восполнения указанного пробела.

Существующие способы измерения когнитивного диссонанса. Было бы неверным говорить о отсутствии способов измерения когнитивного диссонанса как таковых. Напротив, в научной литературе их описано достаточное количество. Однако ни один из них не стал универсальным для применения в массовых опросах. Очевидно, причиной тому послужили серьезные ограничения, которые будут проанализированы ниже.

Рассматривая уже имеющиеся методики с точки зрения использования в массовых социологических опросах, можно прибегнуть минимум к трем критериям для оценки их принципиальной применимости. Во-первых, она должна быть валидной, т.е. измерять именно ту латентную переменную, которая истолковывается как когнитивный диссонанс, а не что-то еще. Во-вторых, в силу сравнительно короткого, однократного и простого по своей форме контакта с респондентами, наиболее характерного для массовых опросов, она также должна быть простой и экономной в реализации. В-третьих, эта методика должна обладать достаточно широкой применимостью относительно темы исследования.

Первоначально способы измерения когнитивного диссонанса сводились к выявлению эффектов манипуляции экспериментальными факторами. Другими словами, предполагалось, что определенное воздействие на испытуемых создает у них когнитивный диссонанс разной силы, в результате чего наблюдаются и различные по силе поведенческие последствия. Например, при предъявлении критической информации о компании «Форд» в ситуации, когда группы испытуемых ожидали или, напротив, не ожидали этого, происходило разное изменение установок в отношении предмета критики [Фестингер, 1999: 202–206]. Если, допустим, «неподготовленные» люди испытывают больший когнитивный диссонанс, то разница в изменениях установок между группами должна отражать его величину. Разумеется, факторы могут не только задаваться исследователем, но и возникать в «естественной среде». Так, курильщики, согласно исследованиям, испытывают меньшее доверие к информации о связи между потреблением табака и онкологическими заболеваниями [Каssarjian, Cohen, 1965], чем некурящие. Если выявленная разница обусловлена когнитивным диссонансом, то ее величина показывает, насколько курильщикам требуется его уменьшить, чтобы согласовывать новую информацию со знанием о своем поведении.

Опора на экспериментальную проверку гипотезы когнитивного диссонанса делает этот способ измерения сравнительно высоковалидным, поскольку каждое подтверждение теоретического предсказания относительно латентной переменной по определению является

¹ URL: https://buros.org/tests-reviewed-mental-measurements-yearbook-series (дата обращения: 07.05.2021).

²URL: https://www.ets.org/test_link/find_tests/ (дата обращения: 07.05.2021).

³URL: https://www.marketingscales.com/search/content (дата обращения: 07.05.2021).

⁴URL: https://ipip.ori.org/newIndexofScaleLabels.htm (дата обращения: 07.05.2021).

⁵URL: https://www.midss.org/ (дата обращения: 07.05.2021).

и подтверждением корректности ее измерения. При этом некоторые дизайны экспериментов оказываются к тому же достаточно простыми для реализации в массовом опросе. Например, выделение рандомизированных групп легко осуществляется распределением экспериментальных и контрольных форм анкет по номерам. В то же время тесная связь данного способа измерения с конкретными моделями объяснения конкретных явлений резко снижает его универсальность. Если с его помощью попытаться определить уровень когнитивного диссонанса, испытываемого населением в отношении религии, то потребуется предположить полный набор четко специфицированных причин возникновения этого диссонанса и, манипулируя ими либо отслеживая их вариацию, определять силу поведенческих эффектов. Узкая привязка показателя к локальным объяснениям, очевидно, сильно затрудняет рассмотрение когнитивного диссонанса как массового явления, которое может иметь множество разнородных и заранее неизвестных психологических оснований.

Другой способ измерения когнитивного диссонанса предполагает фиксацию физиологических состояний. Некоторые исследователи, исходя из предположения о порождении им дополнительного недифференцированного нервного возбуждения, определяли его уровень с помощью регистрации электрической активности кожи (кожно-гальванической реакции) [Elkin, Leippe, 1986; Kneer et al., 2012]. Еще более продвинутые методы исследования, такие как функциональная магнитно-резонансная томография, позволили связать когнитивный диссонанс с активностью областей мозга, ответственных за разрешение познавательных конфликтов и эмоциональное возбуждение [Кitayama et al., 2013]. Подобные способы измерения обладают несомненной привлекательностью для развития теории когнитивного диссонанса, поскольку обеспечивают исследователей дополнительными фактами и данными, но вместе с тем неприменимы в условиях массовых опросов по причине несоответствия критерию простоты реализации.

К третьей группе способов измерения когнитивного диссонанса могут быть отнесены самоотчеты респондентов, которые по определению удовлетворяют требованиям массовых опросов и применяются в двух направлениях. Во-первых, известно довольно много попыток прямого измерения психоэмоциональных состояний, предположительно сопровождающих когнитивный диссонанс, - неуверенность в сделанном выборе, сожаление, тревога и беспокойство и др. [Menasco, Hawkins, 1978; Bell, 1967; Montgomery, Barnes, 1993; Elliot, Devine, 1994; Фестингер, 1999: 81-89]. Во-вторых, в области психологии и маркетинга относительно независимо друг от друга были разработаны многомерные шкалы когнитивного диссонанса. Первая из них включает 200 дихотомических вопросов, касающихся различных аспектов жизни респондента – дом и семья, жизненные цели, социальное окружение и т.п. [Chow, 2001]. Этот обширный психологический тест рассматривает когнитивный диссонанс в качестве общего психологического состояния, аналогичного стрессу или счастью. Другая многомерная шкала направлена на решение гораздо более узкой задачи: измерение когнитивного диссонанса, возникающего после покупки. При ее разработке сначала по результатам фокус-групповых интервью и опроса экспертов выделили 81 высказывание о состоянии респондентов [Хаускнехт и др., 2006], после чего на основе эмпирических данных их количество сократили до 22 [Sweeney et al., 2000].

Недостатки существующих способов измерения когнитивного диссонанса на основе самоотчетов довольно очевидны. В случае прямого измерения психоэмоциональных состояний, предположительно связанных с когнитивным диссонансом, возникает проблема «семантического смещения» [Батыгин, 1986], при которой измеряемая эмпирически переменная по своему смыслу существенно отличается от латентной переменной и потому является лишь косвенным индикатором. Типичный пример – неуверенность. Хотя она может сопровождать (или не сопровождать) состояние диссонанса, последнее, естественно, не должно рассматриваться в качестве единственно возможной причины неуверенности. Следовательно, измеряя когнитивный диссонанс через высокую неуверенность, мы не можем надежно утверждать, есть он или его нет. В случае же многомерных шкал срабатывают сразу два ограничения. Во-первых, ни 22, ни тем более 200 вопросов не соответствуют

требованию простоты реализации. Во-вторых, обе существующие многомерные шкалы имеют более узкую применимость, чем было бы желательно при использовании в массовых опросах.

Итак, согласно вышеизложенному, возможности измерения когнитивного диссонанса в настоящее время весьма ограничены. Существующие способы либо слишком затратны и сложны для реализации в условиях массовых опросов, либо узкоспециализированы, либо измеряют более общие и размытые переменные, такие как «неудовлетворенность» и «психологический дискомфорт», не обладающие достаточно прочной теоретической связью с латентным признаком, что и объясняет отсутствие их широкого использования в массовых опросах. Вместе с тем проведенный анализ указывает предпочтительное направление для дальнейших методических разработок. Главной проблемой наиболее подходящих для ситуации массового опроса самоотчетов оказывается именно отсутствие теоретически обоснованной связи эмпирических индикаторов с латентной переменной когнитивного диссонанса. Следовательно, для начала надо четко сформулировать социологически релевантную концепцию обсуждаемого феномена и дать такое его описание, которое подходило бы для использования в массовых опросах.

Концептуализация когнитивного диссонанса как социологического феномена. Одна из существенных трудностей использования классической теории когнитивного диссонанса в социологических исследованиях заключается в том, что она предсказывает практически бесконечное количество возможных факторов, влияющих на поведение индивидов. В своем исходном понимании когнитивный диссонанс представляет собой такое отношение между двумя элементами знания в сознании индивида, при котором отрицание одного элемента следует из другого [Фестингер, 1999: 29]. Столь общая формулировка включает в себя любые когниции (мнения, убеждения, знания), относящиеся к чему угодно, из-за чего «безнадежно пытаться получить полный список всех когнитивных элементов» [там же: 32]. И вместе с тем априорно известно, что если взять даже не большую социальную группу типа населения страны, а просто двух непохожих друг на друга людей, то системы их когниций будут сильно отличаться, а значит, будут сильно отличаться и движущие ими диссонансные отношения.

Если бы теория диссонанса не шла дальше этого пункта, то на ее основе было бы почти невозможно сделать какие-либо содержательные макросоциальные обобщения. К счастью, в классической теории когнитивного диссонанса все же имеется ключ к социологически релевантной трактовке данного феномена. Один из ее постулатов гласит: «Степень диссонанса (или консонанса) увеличивается вместе с увеличением важности или значения входящих в данную когнитивную систему элементов» [там же: 35]. Таким образом, общий для больших социальных групп диссонанс может возникать, если задействованы те когниции, которые в максимальной степени и одинаково важны для всех ее членов. Но какие это когниции?

Поскольку всякое индивидуальное сознание по определению в значительной степени эгоцентрично, то универсальными и предельно важными для всех людей элементами вполне могут оказаться их собственные представления о самих себе. Именно противоречие с ними и создает диссонанс, достаточно сильный и распространенный для того, чтобы его можно было наблюдать на регулярной основе. Это положение независимо друг от друга сформулировали М. Рокич [Rokeach, 1968] и (в более явной форме) Э. Аронсон [1984] еще в 1968 г., и достаточно быстро оно стало одной из общепринятых трактовок когнитивного диссонанса не только в психологии [Greenwald, Ronis, 1978], но и в социальных науках [Gecas, 1982].

Впоследствии теоретическое смещение предполагаемой мотивационной силы с устранения познавательных противоречий к психологической самозащите получило дополнительное экспериментальное подтверждение в исследованиях К. Стила и Т. Лью, которые показали, что когнитивный диссонанс может быть устранен не только за счет согласования элементов знания, но и в результате «реабилитирующих» индивида действий,

позволяющих ему вернуть самоуважение [Steele, Liu, 1981; 1983]. С социологической точки зрения модель самооправдания представляется наиболее привлекательной из-за явного и правдоподобного указания на релевантный для надындивидуального уровня мотивационный механизм: «На основе теории диссонанса можно сделать еще более ясные предсказания, когда прочные ожидания выступают в качестве части самосознания личности, ибо – почти по определению – наши ожидания в отношении собственного поведения прочнее, чем в отношении поведения другого лица. Таким образом, в самой сердцевине теории диссонанса, где на ее основе можно сделать наиболее ясные и точные предсказания, мы имеем дело не просто с двумя когнициями. Здесь мы имеем дело с самосознанием и с когнициями о некотором поведении. Если возникает диссонанс, то он возникает потому, что поведение индивида не соответствует его самосознанию» [Аронсон, 1984]. Следовательно, именно трактовка когнитивного диссонанса как противоречия с самооценкой дает теоретическое основание для разработки валидных шкал, пригодных для массовых опросов. Остается только определиться с их структурой, удовлетворяющей требованию простоты реализации.

Для возникновения диссонанса, как было сказано выше, необходимо, чтобы субъект, например курильщик, в той или иной степени одновременно придерживался двух взаимоисключающих мнений: а) курение опасно для здоровья и б) курение не опасно для здоровья. Если бы курильщик придерживался только второго мнения, то никакого диссонанса не возникало бы, поскольку в его сознании отсутствовали бы противоречащие этому мнению познавательные элементы. Первую позицию – соответствующую действительности – мы будем для краткости называть «объективной», а вторую – подгоняющую знания респондента под его позитивную самооценку – «отредактированной». Тогда прямым индикатором когнитивного диссонанса будет выраженное разными способами согласие с взаимоисключающими утверждениями. При этом «отредактированная позиция», оберегающая самооценку, должна соотноситься с самим респондентом, а «объективная» приписывается любым внешним инстанциям – другим людям, обществу, самой реальности и т.п. Например, ситуация когнитивного диссонанса курильщика может приобрести следующую логическую форму: «Курение само по себе опасно, но не очень опасно конкретно для меня (потому что я соблюдаю меру, или менее предрасположен к болезням, или вот-вот брошу и т.д.)». В этом случае величина когнитивного диссонанса будет корреспондировать с расхождением между «объективной» и «отредактированной» (т.е. примененной к себе самому) позициями.

Предложенный способ измерения действительно достаточно прост в реализации и потому подходит для повсеместного применения в массовых опросах. Так, в рассмотренном в начале статьи примере статистической связи религиозности с частотой получения положительной информации о религии влияние когнитивного диссонанса может быть измерено посредством двух вопросов относительно последней: насколько положительной эту информацию считает сам респондент и насколько положительной ее сочтут другие. Если выяснится, что разность полученных оценок коррелирует с религиозностью, то можно будет говорить о подтверждении гипотезы избирательного восприятия. Если же корреляция с религиозностью отсутствует, это усилит гипотезу об убеждающей силе СМИ. Подобные шкалы разности были разработаны еще Дж. Беллом [Bell, 1967] и обычно применялись в составе прочих показателей сомнений и неуверенности. Разность оценок вреда, наносимого здоровью респондента и других людей курением и употреблением алкоголя, тоже часто фигурировала в исследованиях, связанных с аддиктивным поведением, но интерпретировалась преимущественно как «оптимистическое смещение» (optimistic bias) [Twigg, Byrne, 2015]. Информации об использовании шкал разности в качестве прямых теоретически обоснованных индикаторов когнитивного диссонанса авторам настоящей статьи найти не удалось, а значит, они все еще нуждаются в эмпирической апробации.

Эмпирическая апробация шкал разности как индикаторов когнитивного диссонанса. Валидизация предложенной методики измерения может быть осуществлена путем сопоставления шкал разности «объективной» и «отредактированной» позиции с заведомо существующим и отсутствующим когнитивным диссонансом. Если при наличии последнего разность окажется выше, чем при его отсутствии, это будет свидетельствовать о пригодности предложенной методики. Заведомое наличие/отсутствие когнитивного диссонанса может быть установлено двумя путями: он либо индуцируется тем или иным известным экспериментальным способом, либо возникает естественным образом в ситуации, связь которой с когнитивным диссонансом хорошо известна из ранее проведенных эмпирических исследований. В своих пилотных исследованиях мы использовали оба варианта.

Пилотное исследование № 1 воспроизводило с некоторыми изменениями эксперимент Л. Фестингера и Д. Карлсмита по изменению установок в условиях вынужденного согласия [Festinger, Carlsmith, 1959]. Для его реализации с 5 по 28 апреля 2021 г. был проведен анкетный опрос, включающий экспериментальный дизайн типа split ballot. В первой, преднамеренно скучной и тяжелой, части анкеты всем участникам предлагалось оценить созвучность случайных пар слов (рис.).

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 9 уровень сходства и различия в звучании следующих двух слов:

Рис. Пример конструкции вопроса в первой части анкеты пилотного исследования № 1

Анкета включала 120 подобных однотипных вопросов с чередованием одних и тех же слов, и на заполнение ее первой части уходило в среднем порядка 40 мин. После завершения анкеты все участники получали вознаграждение. Именно на этом этапе происходило разделение всего массива на экспериментальные группы: выборка делилась на две части случайным приписыванием номеров анкет. Участникам с номерами анкет первой группы выдавалось вознаграждение в размере 50 руб., участникам второй группы в размере 500 руб. После получения вознаграждения участники должны были в свободной форме письменно назвать 10 положительных сторон участия в опросе по только что заполненной анкете, указав при этом, сколь интересное и полезное для себя задание они сейчас выполняли. Письменное изложение противоречащих взглядам позиций, как было эмпирически показано, может эффективно индуцировать когнитивный диссонанс в ситуации вынужденного согласия [Соhen et al., 1958]. Следовательно, участники первой группы должны были испытывать больший когнитивный диссонанс, поскольку они выступали против своих убеждений за незначительное вознаграждение. Кроме того, само по себе участие в трудоемком задании за незначительные деньги должно было усугублять диссонанс.

Под конец опроса респонденты отвечали еще на 10 закрытых вопросов с рейтинговой шкалой от 0 до 10, где 0 означало низшую, а 10 – высшую оценку.

Насколько полезным вы считаете для себя прохождение этой анкеты?

Как вы считаете, насколько полезным прохождение этой анкеты посчитают для себя другие люди?

Насколько вы считаете важным прохождение этой анкеты?

Как вы считаете, насколько важным для себя посчитают прохождение этой анкеты другие люди?

Хотели бы вы поучаствовать в прохождении анкеты, похожей на эту, еще раз?

Как вы считаете, другим людям хотелось бы пройти анкету, похожую на эту?

Считаете ли вы задания этой анкеты простыми?

Как вы считаете, какую оценку дадут заданиям из этой анкеты другие люди? Отметьте это на шкале от 0 до 10, где 0 означает «очень простые», а 10 – «вообще не простые».

По вашему мнению, насколько успешно вы справились с этой анкетой? Как вы считаете, насколько успешно пройдут эту анкету другие люди?

Согласно модели самооправдания, в первой группе разность в оценках должна оказаться выше, чем во второй. Всего в эксперименте участвовало 30 чел. (13 мужчин и 17 женщин в возрасте 17–49 лет), по 15 чел. в каждой группе. Выборка была стихийной, однако использование рандомизации и объем, достаточный для применения непараметрических критериев, позволяет осуществлять на ней корректные статистические сравнения. «Сырые» баллы, данные респондентами, представлены в табл. 1, а их разности – в табл. 2.

Таблица 1 Средние баллы по шкалам («сырые» оценки)

Группы		Шкалы							
		важность	желание участвовать	простота	успех				
50 рублей – высокий диссонанс, позиция «для меня»	6,07	5,73	6,73	4,73	8,47				
500 рублей – низкий диссонанс, позиция «для меня»	5,73	6,13	5,67	5,73	7,20				
Уровень значимости различий между группами по <i>U</i> критерию Манна–Уитни позиции «для меня»	0,62	0,94	0,37	0,49	0,57				
50 рублей – высокий диссонанс, позиция «для других»	4,93	4,07	5,00	4,13	7,93				
500 рублей – низкий диссонанс, позиция «для других»	6,33	6,40	6,00	5,40	8,20				
Уровень значимости различий между группами по <i>U</i> критерию Манна–Уитни позиции «для других»	0,19	0,03*	0,46	0,2	0,54				

Примечание. *Здесь и в следующей таблице: нулевая гипотеза об уровне различий между группами отклоняется на уровне значимости лучше, чем 0,05.

Таблица 2 Средние разности между позициями «для меня» и «для других» и их различия между группами

Группы		Шкалы							
		важность	желание участвовать	простота	успех				
50 рублей – высокий диссонанс	1,14	1,66	1,73	0,60	0,54				
500 рублей – низкий диссонанс	-0,60	-0,27	-0,33	0,33	-1,00				
Всего	0,27	0,70	0,70	0,47	-0,23				
Уровень значимости различий между группами по <i>U</i> критерию Манна–Уитни	0,54	0,02*	0,07	0,02*	0,02*				

Итак, хотя «сырые» баллы между группами статистически почти не различаются, средние разности баллов демонстрируют значимые различия по трем из пяти шкал, и по всем пяти шкалам они имеют одинаковое направление смещения: для высокого диссонанса разница оказывается всегда более выраженной в направлении, благоприятном

для самооценки. Соответственно, предположение о поведении шкал разности в ситуации индуцированного диссонанса подтверждается, правда, на минимально приемлемом уровне статистической значимости (из-за небольшого размера выборки). Более того, сопоставление табл. 1 и 2 показывает, что шкалы разности позволяют получить новую, не видимую «невооруженным глазом» в «сырых» оценках информацию.

Пилотное исследование № 2 проводилось в условиях, когда когнитивный диссонанс возникал в «естественной среде». Как уже неоднократно упоминалось выше, одним из типичных видов поведения, сопряженных с когнитивным диссонансом, является курение. Данная связь была многократно подтверждена эмпирическими исследованиями, которые, в частности, показали, что количество ежедневно выкуриваемых сигарет связано с величиной когнитивного диссонанса, выражающейся в самокатегоризации, скептицизме, уровне знаний о последствиях курения и т.д. [Oakes et al., 2004; McMaster, Lee, 1991; Halpern, 1994; Tagliacozzo, 1979]. Указанный факт дает основания выдвинуть следующую гипотезу: увеличение числа ежедневно выкуриваемых сигарет коррелирует с величиной разности в доверии к информации о вреде курения. Для ее проверки использовалась анкета, включавшая следующие вопросы.

- 1. Курите ли вы, и если да, то как часто? (Варианты ответов: я никогда не курил(а); я бросил(а) курить; выкуриваю 1 сигарету в месяц или меньше; выкуриваю несколько сигарет в месяц; выкуриваю несколько сигарет в неделю; выкуриваю несколько сигарет в день; выкуриваю одну пачку в день или больше.)
- 2. Насколько вы доверяете информации о вреде курения, распространяемой в СМИ? Оцените, пожалуйста, по шкале от 0 до 10, где 0 совершенно не доверяю, 10 полностью доверяю.
- 3. Как вы считаете, насколько другие люди в среднем доверяют информации о вреде курения, распространяемой в СМИ? Оцените, пожалуйста, по шкале от 0 до 10, где 0 совершенно не доверяют, 10 полностью доверяют.

Эти вопросы предлагались респондентам после заполнения анкеты маркетингового исследования по теме, не связанной с курением. Опрос проводился АНО «Центр экспертных исследований рынка» среди совершеннолетних жителей г. Москвы в торговых центрах в период с 21 по 28 мая 2021 г. Из 500 опрошенных человек 57,4% составляли мужчины и 42,6% – женщины, возраст респондентов колебался от 18 до 69 лет, 52,2% из них были с высшим образованием. Выборка имела конформный характер и не корректировалась по социально-демографическим или иным признакам, однако в случае нашей исследовательской задачи отсутствие репрезентативности роли не играет.

Поскольку вопрос о частоте курения задавался с использованием порядковой шкалы, для анализа связи между разностью собственной и чужой позиции, с одной стороны, и частотой курения – с другой, использовался ранговый коэффициент корреляции Спирмена, величина которого –0,34 оказалась значимой на уровне 0,01. Иными словами, с повышением частоты курения доверие к информации о его вреде, приписываемое другим, постепенно оказывается выше, чем доверие, испытываемое самим курильщиком. Разность приобретает все бо́льшую отрицательную величину, что и отражается в коэффициенте корреляции. Хотя статистическая значимость полученного результата является достаточно высокой, величина коэффициента в диапазоне от 0,3 до 0,5 обычно интерпретируется как связь средней силы [Cohen, 1988], а полученное нами значение тяготеет к нижней границе диапазона. Следовательно, второе исследование также подтверждает гипотезу о связи шкал разности с когнитивным диссонансом, но и в этом случае ее принятие основано на не очень сильных статистических зависимостях.

Заключение. Имеются достаточно прочные теоретические основания полагать, что социологически релевантные случаи когнитивного диссонанса возникают вследствие противоречия знаний людей о своем поведении и ситуации, в которой они оказались, с их самооценкой, а преодоление когнитивного диссонанса представляет собой самооправдание. Данная модель позволяет предложить для измерения когнитивного диссонанса в массовых опросах методику, основанную на шкалах разности – наборах одинаковых утверждений,

примененных к самим респондентам и внешним инстанциям (например, другим людям). Различия оценок в этих утверждениях должны отражать величину когнитивного диссонанса.

Гипотеза о связи шкал разности с когнитивным диссонансом была подтверждена как в эксперименте, индуцировавшем когнитивный диссонанс по модели «вынужденного согласия» Фестингера–Карлсмита, так и в массовом опросе, продемонстрировавшем корреляцию между величиной разности и интенсивностью курения. Следовательно, можно говорить о том, что методика прошла первичную валидизацию. Она действительно показывает наличие когнитивного диссонанса там, где он должен наблюдаться, и в некоторой степени отражает его величину. Однако сравнительно невысокие показатели значимости различий в первом исследовании и статистической связи во втором обусловливают необходимость дальнейших исследований, в том числе в направлении развития и уточнения методики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Аронсон Э. Теория когнитивного диссонанса: прогресс и проблемы // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во Моск. у-та, 1984. С. 111–127. [Aronson E. (1984) The Theory of Cognitive Dissonance: Progress and Problems. In: Andreeva G.M., Bogomolova N.N., Petrovskaya L.A. (eds) Modern Foreign Social Psychology: Texts. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta: 111–127. (In Russ.)]
- *Батыгин Г.С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Hayka, 1986. [Batygin G.S. (1986) *Substantiation of the Scientific Conclusion in Applied Sociology*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999. [Festinger L. (1999) Theory of Cognitive Dissonance. St. Petersburg: Yuventa. (In Russ.)]
- Хаускнехт Д., Свини Д.С., Сутар Д.Н., Джонсон Л.У. Как измерить когнитивный диссонанс, или Что происходит после принятия решения о покупке // Реклама: теория и практика. 2006. № 2. С. 118–129. [Haussknecht D., Svinyi D.S., Star D.N., Johnson L.U. (2006) How to Measure Cognitive Dissonance, or What Happens after Making a Purchase Decision. *Reklama: teorya i praktica* [Advertising: Theory and Practice]. No. 2: 118–129. (In Russ.)]
- Штейнберг И.Е. «Спираль молчания» или когнитивный диссонанс: формирование электоральных установок сельских жителей // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 64–70. [Steinberg I.E. (1997) "Spiral of Silence" or Cognitive Dissonance: Formation of Electoral Attitudes of Rural Residents. Sotsiologicheskiy zhurnal [Sociological Journal]. No. 4: 64–70. (In Russ.)]
- Bell G.D. (1967) The Automobile Buyer after the Purchase. *Journal of Marketing*. Vol. 31. No. 3: 12–16. DOI: 10.1177/002224296703100304.
- Chow P. (2001) The Psychometric Properties of the Cognitive Dissonance Test. *Education*. Vol. 122. No. 1: 45–49.
- Cohen A.R., Brehm J.W., Fleming W.H. (1958) Attitude Change and Justification for Compliance. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 56. No. 2: 276–278. DOI: 10.1037/h0047070.
- Cohen J. (1988) Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences. Hillsdale: Lawrence Erlbaum.
- Cooper J. (2012) Cognitive Dissonance Theory. In: Van Lange P.A.M., Kruglanski A.W., Higgins E.T. (eds) *Handbook of Theories of Social Psychology.* Vol. 1. London: Sage: 377–397.
- Elkin R.A., Leippe M.R. (1986) Physiological Arousal, Dissonance, and Attitude Change: Evidence for a Dissonance-arousal Link and a "Don't Remind Me" Effect. *Journal of Personality and Social Psychology.* Vol. 51. No. 1: 55–65. DOI: 10.1037/0022-3514.51.1.55.
- Elliot A.J., Devine P.G. (1994) On the Motivational Nature of Cognitive Dissonance: Dissonance as Psychological Discomfort. *Journal of Personality and Social Psychology.* Vol. 67. No. 3: 382–394. DOI: 10.1037/0022-3514.67.3.382.
- Festinger L., Carlsmith J.M. (1959) Cognitive Consequences of Forced Compliance. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 58. No. 2: 203–211. DOI: 10.1037/h0041593.
- Gecas V. (1982) The Self-concept. *Annual Review of Sociology.* Vol. 8. No. 1: 1–33. DOI: 10.1146/annurev. so.08.080182.000245.
- Geschwender J.A. (1968) Explorations in the Theory of Social Movements and Revolutions. *Social Forces*. Vol. 47. No. 2: 127–135. DOI: DOI: 10.2307/2575142.
- Greenwald A.G., Ronis D.L. (1978) Twenty Years of Cognitive Dissonance: Case Study of the Evolution of a Theory. *Psychological Review*. Vol. 85. No. 1: 53–57. DOI: 10.1037/0033-295X.85.1.53.
- Groeber P., Lorenz J., Schweitzer F. (2014) Dissonance Minimization as a Microfoundation of Social Influence in Models of Opinion Formation. *The Journal of Mathematical Sociology*. Vol. 38. No. 3: 147–174. DOI: 10.1080/0022250X.2012.724486.

- Halpern M.T. (1994) Effect of Smoking Characteristics on Cognitive Dissonance in Current and Former Smokers. *Addictive Behaviors*. 1994. Vol. 19. No. 2: 209–217. DOI: 10.1016/0306-4603(94)90044-2.
- Kassarjian H.H., Cohen J.B. (1965) Cognitive Dissonance and Consumer Behavior. *California Management Review.* Vol. 8. No. 1: 55–64. DOI: 10.2307/3150746.
- Kitayama S., Chua H.F., Tompson S., Han S. (2013) Neural Mechanisms of Dissonance: An fMRI Investigation of Choice Justification. *Neuroimage*. Vol. 69: 206–212. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2012.11.034.
- Kneer J., Glock S., Rieger D. (2012) Fast and not Furious? Reduction of Cognitive Dissonance in Smokers. Social Psychology. Vol. 43. No. 2: 81–91. DOI: 10.1027/1864-9335/a000086.
- Margolis M.F. (2016) Cognitive Dissonance, Elections, and Religion: How Partisanship and the Political Landscape Shape Religious Behaviors. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 80. No. 3: 717–740. DOI: 10.1093/pog/nfw023.
- McMaster C., Lee C. (1991) Cognitive Dissonance in Tobacco Smokers. *Addictive Behaviors*. Vol. 16. No. 5: 349–353. DOI: 10.1016/0306-4603(91)90028-G.
- Menasco M.B., Hawkins D.I. (1978) A Field Test of the Relationship between Cognitive Dissonance and State Anxiety. *Journal of Marketing Research*. Vol. 15. No. 4: 650–655. DOI: 10.1177/002224377801500417.
- Montgomery C., Barnes J.H. (1993) POSTDIS: A Short Rating Scale for Measuring Postpurchase Dissonance. Journal of Consumer Satisfaction, Dissatisfaction and Complaining Behavior. Vol. 6. No. 1: 204–216.
- Oakes W., Chapman S., Borland R., Balmford J., Trotter L. (2004) "Bulletproof Skeptics in Life's Jungle": Which Self-Exempting Beliefs about Smoking Most Predict Lack of Progression towards Quitting? *Preventive Medicine*. Vol. 39. No. 4: 776–782. DOI: 10.1016/j.ypmed.2004.03.001.
- Prus R.C. (1976) Religious Recruitment and the Management of Dissonance: A Sociological Perspective. *Sociological Inquiry.* Vol. 46. No. 2: 127–134. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1976.tb00757.x.
- Rabin M. (1994) Cognitive Dissonance and Social Change. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 23. No. 2: 177–194.
- Rokeach M. (1968) A Theory of Organization and Change within Value-attitude Systems. *Journal of Social Issues*. Vol. 24. No. 1: 13–33. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1968.tb01466.x.
- Schwartz D. (1971) A Theory of Revolutionary Behavior. In: Davies J.C. (ed.) When Men Revolt and Why. New York: Free Press: 109–132. DOI: 10.2307/2010111.
- Steele C.M., Liu T.J. (1981) Making the Dissonant Act Unreflective of Self: Dissonance Avoidance and the Expectancy of a Value-affirming Response. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 7. No. 3: 393–397. DOI: 10.1177/014616728173004.
- Steele C.M., Liu T.J. (1983) Dissonance Processes as Self-affirmation. *Journal of Personality and Social Psychology.* Vol. 45. No. 1: 5–19. DOI: 10.1037/0022-3514.45.1.5.
- Sweeney J.C., Hausknecht D., Soutar G.N. (2000) Cognitive Dissonance after Purchase: A Multidimensional Scale. *Psychology & Marketing*. Vol. 17. No. 5: 369–385. DOI: 10.1002/(SICI)1520-6793(200005)17:5<369::AID-MAR1>3.0.CO;2-G.
- Tagliacozzo R. (1979) Smokers' Self-categorization and the Reduction of Cognitive Dissonance. *Addictive Behaviors*. Vol. 4. No. 4: 393–399. DOI: 10.1016/0306-4603(79)90010-8.
- Twigg O.C., Byrne D.G. (2015) Perceived Susceptibility to Addiction among Adolescent Smokers. *Journal of Child & Adolescent Substance Abuse*. Vol. 24. No. 5: 235–242. DOI: 10.1080/1067828X.2013.812531.

Статья поступила: 28.06.21. Принята к публикации: 02.12.21.

TECHNIQUE FOR COGNITIVE DISSONANCE MEASUREMENT IN SURVEYS

BABICH N.S.*, YURYEVA V.I.**

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; RUDN University, Russia; **Center for Expert Market Research, Russia

Nikolay S. BABICH, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Assoc. Prof., Department of Sociology, RUDN University (sociolog@mail.ru); Veronika I. YURYEVA, Bachelor (Sociol.), Intern, Center for Expert Market Research (yurieva@socioexpert.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The article discusses theoretical and methodological aspects of cognitive dissonance as a social behavior factor. It is concluded that the modern sociological methodology does not provide researchers with any generally accepted techniques for measuring cognitive dissonance in surveys. It is proved that sociologically relevant manifestations of cognitive dissonance should be carried out according to the model of the contradiction of people's knowledge about their behavior and the

situation in which they found themselves with their self-esteem. Self-justification acts as a model for overcoming cognitive dissonance. There are three criteria for the use of approaches to measuring cognitive dissonance: 1) the measurement method should measure exactly the latent variable that can be interpreted as cognitive dissonance; 2) the method should also be simple and economical to implement; 3) the method should have a fairly broad applicability to the research topic. It is proposed to use the technique of measuring cognitive dissonance in mass surveys, which is a "scale of difference" - a set of identical statements applied to the respondents themselves and external instances (for example, other people). The differences in ratings in these identical statements, according to the self-justification hypothesis, should reflect the magnitude of cognitive dissonance. The hypothesis was confirmed in an experiment that induced cognitive dissonance according to the Festinger-Carlsmith model of "forced consent", and in a survey that demonstrated a correlation between the magnitude of the difference and the intensity of smoking. The technique has passed primary validation, it shows the presence of cognitive dissonance where it should be observed, and to some extent reflects its magnitude. However, the relatively low significance of the differences in the first study and the weakness of correlation in the second one necessitate further research, including in the direction of development and refinement of the technique.

Keywords: cognitive dissonance, measurement, survey methodology, public opinion polls.

Received: 28.06.21. Accepted: 02.12.21.

Демография. Миграция

© 2022 г.

В.И. МУКОМЕЛЬ

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ МИГРАНТЫ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: ДО ПАНДЕМИИ

МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (mukomel@isras.ru).

Аннотация. Рассматриваются особенности адаптации трудовых мигрантов из государств Средней Азии на российском рынке труда до пандемии сквозь призму концепции достойного труда. Основное внимание уделено их возможностям найти работу в России, видам экономической активности и занятиям, адекватности заработка и достойной продолжительности рабочего времени, продуктивной занятости, равным возможностям и условиям занятости женщин. Различия в видах экономической активности выходцев из Киргизии, с одной стороны, и мигрантов из Таджикистана и Узбекистана – с другой, объясняются не только разницей в их демографическом составе, правовом статусе мигрантов из разных государств, но и спецификой структур занятости, экономической средой стран-доноров. Среднеазиатские мигранты находятся в худшем положении на рынке труда, чем российские работники или трудовые мигранты из других государств СНГ, Украины и Грузии, из-за низкой квалификации и недостатка переносимых навыков. Восходящая мобильность на российском рынке труда позволяет части из них добиться лучших условий и/или оплаты труда, занять лучшие рабочие места. Однако «стеклянный потолок», отделяющий среднеазиатских мигрантов от рабочих мест высокой квалификации, имеет место. Восходящая мобильность характеризует преимущественно тех из них, которые заняты физическим трудом и занимают наихудшие социально-профессиональные позиции. Эмпирической базой исследования стал социологический опрос 8033 трудовых мигрантов из стран СНГ, Украины и Грузии в 2017 г. в 19 регионах России, включая 4799 среднеазиатских трудовых мигрантов.

Ключевые слова: трудовые мигранты • рынок труда • адаптация • достойный труд • виды экономической деятельности • занятия • оплата труда • трудовая мобильность • Средняя Азия

DOI: 10.31857/S013216250017014-8

Мигранты из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии на протяжении многих лет составляют основной контингент трудовых мигрантов в России. Пандемия, сопровождав-шаяся прекращением транспортного сообщения с посылающими странами, еще более укрепила их доминирующее положение на рынке труда: в отличие от граждан Украины, Молдовы и Белоруссии, имевших возможность покинуть Россию путем пересечения российско-украинской и российско-белорусской сухопутных государственных границ, выходцы из Средней Азии такой возможности были лишены. Как следствие, три четверти трудовых мигрантов в России сегодня – граждане среднеазиатских государств [Мкртчян, Флоринская, 2021: 18].

Перспективы возвращения на российский рынок труда граждан восточноевропейских государств постсоветского пространства туманны, и кардинальные изменения на мигрантском рынке труда актуализировали застарелые проблемы. Во-первых, резко изменяется профессионально-квалификационный состав мигрантов: граждане Украины и Белоруссии, в меньшей мере Молдовы, по своей подготовке соответствовали квалификационному уровню российских работников. Во-вторых, отношение россиян к выходцам из Средней Азии существенно хуже, чем к гражданам Белоруссии, Украины и Молдовы¹. В-третьих, среднеазиатские мигранты сталкиваются с большими сложностями адаптации и интеграции в локальных российских социумах, чем выходцы из других постсоветских государств.

При всех различиях в подходах к политике интеграции (адаптации, ассимиляции, аккультурации, абсорбции в синонимическом ряду) признается, что рынок труда – ключевая сфера интеграции, жизненно важная как для самих мигрантов, так и для принимающего общества [Ward et al., 2001; Entzinger, Biezeveld, 2003; Esser, 2004; Penninx, 2019; OECD, 2018: 57]. М. Гордон рассматривал экономический прогресс мигрантов как «краеугольный камень арки ассимиляции» [Gordon, 1964: 81]. Миграционный кризис в России во время пандемии, заключающийся в избытке мигрантского труда во время ее первой волны и острой нехватке рабочих рук во время последующих волн, стал своеобразным стресстестом, позволяющим проследить, как мигранты адаптируются на российском рынке труда при относительной устойчивости этого рынка и в форс-мажорных обстоятельствах.

Предметом настоящей статьи является поиск ответов на вопросы: как протекала адаптация среднеазиатских мигрантов на рынке труда до пандемии (доступ к рынку труда, предпочтения в видах экономической деятельности, востребованность навыков и квалификации, интенсивность и оплата труда, трудовая мобильность). В дальнейшем предстоит проанализировать адаптацию среднеазиатских мигрантов во время пандемии.

Методология исследования. Исследование базируется на социологическом опросе граждан стран СНГ, Украины и Грузии, проведенном Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) для нужд НИУ «Высшая школа экономики» в 19 регионах России (РАРІ, март-апрель 2017). Опрошено 8033 респондента, присутствующих на российском рынке труда², в том числе 4799 среднеазиатских трудовых мигрантов (1108 человек из Киргизии, 1441 – из Таджикистана и 2250 – из Узбекистана)³.

В опросе квотировалась численность респондентов по наиболее значимым для данного региона государствам гражданства мигрантов. Несмотря на отсутствие знаний о ключевых параметрах генеральной совокупности, правомерно предполагать отсутствие смещений выборки по полу, возрасту, этническому составу мигрантов. Основанием для оценки возможных смещений являются данные миграционной службы (ФМС России, ГУВМ МВД России) о возрастно-половом составе мигрантов в разрезе стран гражданства, включая неопубликованные, национальная статистика по странам происхождения мигрантов. Возможно смещение по доле русофонов и образованию (Таджикистан, Узбекистан). В опросе, проводившемся на русском языке, вероятен недоучет низкоквалифицированных респондентов, плохо владеющих русским языком⁴.

¹ Около 60% респондентов считают, что выходцев из Средней Азии не следует пускать в Россию, либо следует пускать только временно [Ксенофобия и национализм, 2020].

² Работающих или временно не работающих, но ищущих работу и готовых к ней приступить.

³Граждане Туркмении и Казахстана практически незаметны на российском рынке труда: на долю этих стран приходится лишь 3,6% всех мигрантов из бывших союзных республик, прибывших в Россию с целью работы (2020 г.).

⁴Лучше знали русский язык киргизы, чуть хуже – таджики, хуже всего – узбеки. По данным переписи РК 1999 г., свободно владели русским 75% граждан Киргизии, среди граждан Таджикистана, по данным переписи 2010 г., свободно владели русским 26% населения.

Таблица 1 Возможности найти работу: индикаторы достойного труда мигрантов и россиян (в %)

Индикатор	Киргизские мигранты	Таджикские мигранты	Узбекские мигранты	Мигранты из Средней Азии, всего	Мигранты СНГ/УГ	Россияне*
Доля занятых в общей численности	88,4	85,6	85,8	86,4	82,9	59,5
Уровень безработицы	9,1	10,3	11,4	10,6	9,2	5,2
Безработица среди молодежи 15–24 лет	10,1	7,8	9,1	9,0	9,2	16,1
в том числе: мужчины женщины	**			8,1 15,5	10,1 8,0	15,5 16,8
Молодежь 15–24 лет, NEET***	10,8	8,5	11,0	10,1	13,1	10,5
в том числе: мужчины женщины				8,4 21,0	12,6 13,8	**

Примечания. *3десь и далее в табл. 2–5 см.: Индикаторы достойного труда за 2017 г. [Индикаторы..., 2021]. **«...» – немногочисленные группы, «—» – нет данных. ***Удельный вес молодежи, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков в возрасте 15–24 лет.

Положение трудовых мигрантов из государств Средней Азии, рассматриваемое через призму концепции и с помощью индикаторов достойного труда 5 , сравнивается с положением трудовых мигрантов из других государств стран СНГ, Украины и Грузии (СНГ/УГ), а также российских работников.

Включение в рынок труда: занятость, безработица. Все трудовые мигранты основной целью своего пребывания в России ставят работу, которая может сопрягаться и с иными жизненными планами. У среднеазиатских мигрантов нацеленность на работу проявляется наиболее явственно: из впервые вставших на миграционный учет в 2019 г. и указавших целью своего пребывания работу среди среднеазиатских мигрантов таковых было 78,6%, тогда как среди выходцев из других стран СНГ, Украины и Грузии (СНГ/УГ) – 39,5%.

Как следствие, доля экономически активных среднеазиатских мигрантов выше, чем мигрантов из других стран и тем более чем россиян (табл. 1). Отчасти это и результат различий в возрастной структуре мигрантов и россиян. (Возрастно-половой состав разных мигрантских контингентов имеет значение. Самые молодые трудовые мигранты – из Киргизии, наиболее возрастные – из Узбекистана. Соотношение мужчин и женщин различается в миграционных потоках: доля женщин на рынке труда наиболее высока среди мигрантов из Киргизии – 31,9%, из Таджикистана – 15,5% и Узбекистана – 19,6%⁶.)

⁵Система индикаторов достойного труда впервые представлена и одобрена на 18-й Международной конференции статистиков труда (2008). Росстат, согласно рекомендациям МОТ, фиксирует разные индикаторы достойного труда: М − основные показатели, А − дополнительные, С − социальноэкономический контекст. В статье приведены в основном индикаторы М, при условии, что они а) применимы к мигрантам и б) по ним возможно сравнение с российскими работниками. При этом в статье приводятся отдельные дополнительные индикаторы: А − гендерный разрыв в заработной плате, С − занятость по отраслям экономической деятельности, неравенство в распределении доходов (коэффициент фондов).

⁶По материалам Центрального банка данных учета иностранных граждан и лиц без гражданства (2016) соответственно 39,4%, 18,6% и 19,3%. И на родине уровень занятости женщин Киргизии (59%) значительно выше, чем в Узбекистане (40%) и Таджикистане – 29% [Ajwad et al., 2014b: 9].

Безработица среди среднеазиатских мигрантов несколько выше, чем среди более квалифицированных мигрантов из других стран СНГ, Украины и Грузии⁷, и существенно выше, чем среди россиян (последнее типично для всех принимающих стран [ОЕСD, 2018: 59]). Иная картина складывается, если обратимся к параметрам безработицы среди молодежи – наиболее уязвимой возрастной группы, большинство представителей которой впервые выходят на рынок труда. Безработица среди молодых мигрантов существенно ниже, чем среди россиян. При этом безработица женщин-мигрантов из Средней Азии в 1,9 раза выше, чем среди мужчин (табл. 1). Одно из объяснений: женщины имеют более высокий уровень образования, чем их коллеги-мужчины, что снижает вероятность того, что они будут работать по низкоквалифицированным профессиям [ОЕСД, 2020]. В российском случае это так: уровень образования среднеазиатских женщин в данной возрастной группе существенно выше, чем среди их сверстников мужчин: доля имеющих высшее и неполное высшее образование соответственно 9,6% и 5,6%. (Среднеазиатские женщины-работницы вообще более образованы, чем мужчины, - если 18,0% из них имели высшее и неполное высшее образование, то среди мужчин-мигрантов – 10.6%.) Важнее другое: подавляющая часть женщин-мигрантов, относимых к NEET, обременены семейными обязанностями. Только 13,4% из них никогда не были в браке и не состоят в отношениях, остальные – состоящие в браке, имеющие партнера, разведенные и вдовые, как правило – с детьми. (Тогда как среди работающих женщин 62,6% никогда не были в браке и не имеют партнера.)

Более примечательно, что безработица среди среднеазиатских молодых мужчин-мигрантов меньше, чем у их сверстников из других стран СНГ/УГ, и почти вдвое ниже, чем среди российской молодежи (табл. 1). В отличие от молодых россиян и отчасти от мигрантов из других стран, они не имеют «подушки безопасности», позволяющей тратить время и усилия на поиски подходящей работы. Имеет значение и то, что более образованная российская молодежь требовательней к характеру и оплате труда и не склонна соглашаться на вакансии, которые занимают молодые мигранты. (Среднее время поиска работы россиян в возрасте 15–19 лет составляет 4,0 месяца, в возрасте 20–24 лет – 5,7 месяца [Труд и занятость..., 2019: 47].) С одной стороны, быстрое включение в рынок труда, сопровождающееся занятием не слишком привлекательных вакансий, чревато недоиспользованием человеческого капитала, навыков и квалификации мигрантов. С другой стороны, эти издержки лучше зафиксировать как можно раньше, чтобы иметь стартовые позиции, позволяющие адаптироваться, оглядеться в поисках лучших рабочих мест.

Виды экономической активности и занятия. Виды экономической деятельности среднеазиатских мигрантов не сильно отличаются от тех, в которых заняты мигранты из других стран пост-СССР (за исключением занятости в торговле и услугах). Тогда как различия с россиянами существенны: мигранты реже представлены в видах деятельности, предъявляющих повышенные требования к качеству рабочей силы и с невысоким спросом на неквалифицированных работников. Они сконцентрированы в видах экономической деятельности, где распространен физический труд, а условия труда хуже, чем в других сферах, и не слишком привлекательны для российских граждан: в торговле, строительстве, предоставлении услуг, деятельности домашних хозяйств (табл. 2).

Работники из стран СНГ/УГ массово присутствуют в тех же видах экономической деятельности, в которых концентрируются и среднеазиатские мигранты. Но они занимают лучшие рабочие места: за исключением сельского хозяйства и занятости в домашних хозяйствах, во всех видах экономической активности доля неквалифицированных рабочих

⁷Среднеазиатские трудовые мигранты в основной массе имеют среднее образование (84,3%), доля с высшим и незаконченным высшим – 12,1%, ниже среднего – лишь 3,6%.

⁸Хотя в Таджикистане и Узбекистане, в отличие от Киргизии, доля женщин с высшим образованием существенно ниже, чем среди мужчин [Ajwad et al., 2014a: 39; Уровень образования..., 2020; Образование и наука..., 2018: 17].

 $^{^9}$ О важности избегания после прибытия длительного периода безработицы см.: [OECD, 2006; 2018: 117; OECD/European Union, 2016].

Таблица 2
Распределение трудовых мигрантов и россиян по видам экономической деятельности
(в % от числа ответивших)

Код, вид экономической деятельности	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан	Средняя Азия, всего	СНГ/УГ	Россия*
А. Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	0,7	2,7	2,5	2,1	2,2	6,7
С. Обрабатывающие производства	2,8	5,2	6,3	5,2	7,8	14,4
F. Строительство	9,9	18,6	19,7	17,1	15,5	5,0
G. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	32,8	34,8	27,4	30,9	37,8	9,5
I. Гостиницы и общепит	10,8	5,8	7,8	7,9	5,7	2,5
H, J. Транспорт, складское хозяйство и связь	8,3	6,7	7,5	7,4	6,2	9,5
L, M. Операции с недвижимым имуществом, профессиональная и научная деятельность	2,7	2,7	2,8	2,8	3,3	7,0
Р. Образование	1,1	0,3	0,2	0,5	1,7	9,4
Q. Здравоохранение и предо- ставление социальных услуг	0,3	0,4	0,5	0,4	1,9	8,0
S. Предоставление прочих комму- нальных, социальных и персо- нальных услуг	26,2	13,1	16,6	17,8	8,3	4,4
Т. Деятельность домашних хозяйств	4,1	9,1	8,3	7,6	8,5	_
Другие	0,3	0,6	0,4	0,3	1,1	23,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. *2016. Без деятельности домашних хозяйств [Труд и занятость..., 2017: 68].

среди мигрантов из Средней Азии в несколько раз выше, чем среди мигрантов из других стран. Среди среднеазиатских работников, занятых в коммунальных, персональных и социальных услугах, неквалифицированные работники составляли 75,5%, тогда как среди занятых там же граждан других государств – лишь 27,1%. Аналогичная ситуация в области операций с недвижимым имуществом, профессиональной и научной деятельности – соответственно 61,9 и 13,2%, в образовании – 72,4 и 22,0%.

Виды экономической активности выходцев из Киргизии, с одной стороны, и мигрантов из Таджикистана и Узбекистана – с другой, различаются. Мигранты из Киргизии намного реже работают в строительстве и существенно больше представлены в коммунальном хозяйстве, социальных и персональных услугах, гостиничном и ресторанном бизнесе, на транспорте.

Дифференциация видов экономической деятельности – следствие ряда факторов. Во-первых, граждане Киргизии, как государства-члена ЕАЭС, пользуются преференциями на российском рынке труда, не нуждаясь в так называемых патентах. Во-вторых, лучшее владение русским языком упрощает им доступ к сферам занятости, в которых работник больше контактирует с принимающим населением. В-третьих, киргизская миграция имеет выраженное «женское лицо», что способствует более высокой занятости выходцев из этой страны в сфере услуг и меньшей – в строительстве, где преобладает мужской труд. В-четвертых, играет роль структура занятости в стране-доноре и, в общем плане, экономическая среда в стране происхождения. Даже если мигранты не имеют опыта работы

Таблица 3 Занятость по отраслям экономической деятельности в посылающих странах и России (в %)

Отрасли экономической деятельности*	Киргизия**	Таджикистан***	Узбекистан****	Россия
Доля занятых в сельском хозяйстве	23,0	45,8	27,2	5,9
Доля занятых в промышленности	23,1	15,4	29,6	27,0
Доля занятых в сфере услуг	53,9	38,8	43,2	67,1

Примечания. *Методологию расчета показателя см.: [Индикаторы достойного труда, 2021]. **2017 г. [Численность занятого населения..., 2021]. ***2016 г. [Положение на рынке труда..., 2018: 33]. ****2017 г. [Показатели занятости..., 2018].

на родине, они имеют знания и навыки, сформированные повседневностью и в первую очередь семьей и окружением. Но виды, отрасли экономической деятельности в посылающих странах и в России значимо различаются (табл. 3). Более развитая сфера услуг в Киргизии по сравнению с Таджикистаном и Узбекистаном – важный фактор ориентации выходцев из Киргизии на занятость в этой сфере в России.

При этом этническая принадлежность мигрантов не имеет значения, важна страна их происхождения. Среди респондентов из Киргизии и Таджикистана относительно высок удельный вес этнических узбеков: 12,7% и 12,0% соответственно. (По данным переписи 2009 г., доля узбеков в Киргизии составляла 14,3%, в Таджикистане, по данным переписи 2010 г., – 12,3%.) Но виды экономической деятельности в России узбеков, прибывших из разных среднеазиатских государств, разнятся: если среди узбеков, приехавших из Узбекистана, в коммунальных, социальных и персональных услугах были заняты 18,3%, то среди прибывших из Таджикистана – 21,0%, а из Киргизии – 34,6%. Доля занятых в строительстве среди приехавших из Киргизии узбеков втрое ниже, чем среди прибывших из Узбекистана и Таджикистана.

Занятия среднеазиатских мигрантов не отличаются разнообразием. В профессиональнодолжностных группах, требующих высокой квалификации (группы 1–3 по ISCO-08¹⁰), заняты 2,8%. Занятия подавляющего большинства требуют среднего уровня квалификации (группы 4–8 по ISCO-08, где заняты 54,6% мигрантов) и низкой квалификации (9-я группа ISCO-08, неквалифицированные рабочие – 43,5% мигрантов). Причем неквалифицированными рабочими работают 24,9% среднеазиатских мигрантов с высшим образованием.

Адекватный заработок, продуктивная занятость, достойная продолжительность рабочего времени. Индикаторы адекватного заработка и достойной продолжительности рабочего времени трудовых мигрантов из Средней Азии дают общее представление об условиях и оплате их труда (табл. 4).

Удельный вес работников с низкой оплатой труда среди среднеазиатских работников выше, чем среди мигрантов из других государств, что обусловлено более высокими зарплатами последних при сходной структуре занятости по видам экономической активности 11.

Оплата труда среднеазиатских мигрантов соразмерна зарплатам россиян: медианная зарплата последних в апреле 2017 г., во время обследования, составляла 24,7 тыс. руб. 12 , по другим данным – 28,3 тыс. руб. 13 , тогда как мигрантов – 27,0 тыс. руб. 14 Из чего следует,

¹⁰ Международная стандартная классификация занятий. 2008.

¹¹ Сравнение данного индикатора с аналогичным показателем российских работников некорректно из-за разной базы.

¹² Рейтинг регионов России по зарплатам – 2017. URL: https://ria.ru/20171207/1510015586.html. (дата обращения: 09.04.2021).

¹³Половина россиян получает зарплату меньше 34,3 тыс. рублей // BBC. 18 июля 2019. URL: https://www.bbc.com > russian > news-49035135 (дата обращения: 05.03.2021).

¹⁴ Мигранты, отвечая на вопрос об оплате, говорили о своих заработках без учета налога, тогда как данные о заработной плате российских работников включают налоги.

Таблица 4 Адекватный заработок и достойная продолжительность рабочего времени: индикаторы достойного труда мигрантов и россиян

	Υ	1		T		
Показатели	Киргизские мигранты	Таджикские мигранты	Узбекские мигранты	Мигранты из Средней Азии, всего	Мигранты СНГ/УГ	Россияне
Доля работников с низ- ким уровнем зара- ботной платы* (в %)	16,9	22,5	18,2	19,2	15,6	26,4
Доля занятых с чрез- мерной продолжи- тельностью рабочих часов** (в %)	72,1	71,6	70,3	71,1	59,9	3,7
Неравенство в распределении доходов***, P90/P10	2,2	2,7	2,4	2,5	3,3	_

Примечания. *Для мигрантов: ниже 2/3 медианы почасового заработка всех работающих по найму трудовых мигрантов. Для россиян: ниже 2/3 медианы почасового заработка работающих по найму российских работников. **Более 48 часов в неделю. ***Соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% респондентов с самыми высокими доходами и 10% с самыми низкими доходами (коэффициент фондов).

что при столь высокой доле российских работников с низкой оплатой труда многие из них зарабатывают меньше мигрантов.

В то же время интенсивность труда среднеазиатских мигрантов намного выше, чем работников из других государств и тем более россиян: с чрезмерной продолжительностью рабочей недели сталкиваются 71,1% выходцев из Средней Азии, а продолжительность их рабочей недели составляет 60 часов (медиана). Как следствие, медианная почасовая оплата среднеазиатских мигрантов (104 руб.) на треть меньше аналогичного показателя российских – 158 руб. 15

Виды экономической деятельности различаются оплатой и условиями труда (рис.). Наиболее привлекательны для мигрантов образование и обрабатывающие производства, в меньшей мере – занятость в домашних хозяйствах с их относительно высокой зарплатой и более приемлемыми условиями труда. Однако эти сферы предъявляют более высокие требования к трудовой культуре и квалификации работников и не являются массовыми для среднеазиатских мигрантов. Для ориентированных на заработок независимо от условий труда выходом может быть работа в строительстве, на транспорте, в складском хозяйстве; это типично «мужские» рабочие места, требующие значительных физических нагрузок. На другом полюсе – работа в здравоохранении, устраивающая многих мигранток, особенно семейных, для которых важна не только оплата, но и продолжительность рабочего времени, нормированный рабочий день. Хуже всего ситуация в нишах женской занятости: торговле, персональных и социальных услугах, гостиничном и ресторанном бизнесе, где интенсивный труд не компенсируется его оплатой. (В торговле, например, медианная продолжительность рабочей недели максимальна и составляет 63 часа в неделю.)

При этом гендерный разрыв в оплате труда среднеазиатских мигрантов относительно невелик и существенно ниже, чем среди россиян (табл. 5). Во многом это следствие того, что и женщины, и мужчины, прибывшие из Средней Азии, занимают рабочие места, не требующие квалификации.

¹⁵ Медианная зарплата в России – что это такое, размер // ДЗТИ. 2019. URL: https://xn--d1agd3b. xn--p1ai/mediannaya-zarplata-v-rossii-chto-eto-takoe-razmer/#____2019 (дата обращения: 21.06.2021).

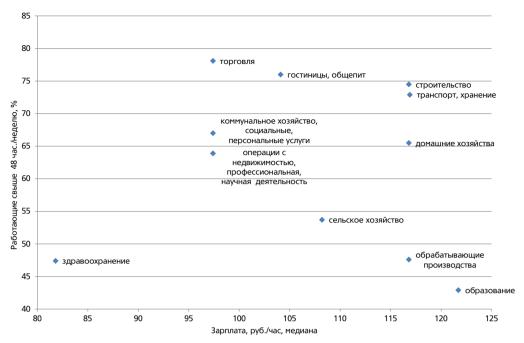

Рис. Оплата труда и чрезмерная продолжительность рабочего времени по видам экономической деятельности мигрантов

Таблица 5 Равные возможности и условия в занятости: индикаторы достойного труда мигрантов и россиян

Показатели	Киргизские мигранты	Таджикские мигранты	Узбекские мигранты	Мигранты из Средней Азии, всего	Мигранты СНГ/УГ	Россияне
Сегрегация в видах занятий по половому признаку*	100,0	100,0	100,0	100,0	69,0	58,7
Мужчины (в %) Гендерный разрыв в заработной плате**	12,4	19,7	22,1	17,9	18,8	25,3***

Примечания. *Доля мужчин, занятых в подгруппах 11, 12, 13, 14 по ISCO-08 (руководители разных категорий). **Средняя почасовая заработная плата мужчин – средняя почасовая заработная плата женщин/средняя почасовая заработная плата мужчин × 100%. ***Без объектов малого предпринимательства.

Одновременно среднеазиатские женщины-работницы сталкиваются со «стеклянным потолком», гендерным неравенством в доступе к руководящим постам. Хотя они образованы лучше мужчин, им сложно преодолеть стереотипы посылающих обществ, особенно в малом бизнесе¹⁶, где отсутствует многоступенчатая иерархия и руководитель постоянно контактирует с работниками.

 $^{^{16}}$ 88,3% среднеазиатских мигрантов работают на малых предприятиях (до 100 чел.), в том числе 57,4% — на микропредприятиях (до 15 чел.).

Таблица 6
Численность разных контингентов среднеазиатских мигрантов, в зависимости от наличия опыта работы на родине и смены места работы в России (ответившие, чел.)

Опыт работы на родине, последнее рабочее место (1)	Первое место работы в России (2)	Последнее (актуальное) место работы в России (3)	Всего
Работал —	>1446	→1446	{ ₂₇₈₀
Работал		>1334	12/00
Не работал	615 ———	→ 615	1470
Не работал	_	864	1479
Всего	2061	4259	4259

Трудовая мобильность. Трудовая мобильность мигранта, если она улучшает условия и оплату труда, повышает социально-профессиональный статус, – и предпосылка, и результат его адаптации к рынку труда. Такая мобильность может быть измерена не для всех контингентов мигрантов: часть из них не имели опыта работы на родине и не меняли место работы в России. Их рабочее место на момент опроса – первое и единственное в их жизни (20,3% – табл. 6). Для остальных контингентов мигрантов принадлежность к социально-статусной позиции в России на момент опроса сравнивается с аналогичной позицией на предшествующей работе: работа на родине – работа на первом месте в России (трек 1-2); работа на первом месте в России – работа на момент опроса (трек 2-3); работа на родине – работа на момент опроса (трек 1-3 для не менявших работу в России). Для мигрантов, имевших опыт работы на родине и менявших место работы в России (34,0% респондентов), возможно измерение вертикальной мобильности на первых двух треках.

Измерение вертикальной мобильности возможно двумя путями: а) сравнение качества рабочего места в России на момент опроса с последним рабочим местом на родине (для имевших опыт работы на родине) и б) сравнение качества рабочего места в России на момент опроса с первым рабочим местом в России (для менявших работу в России).

Первый подход фиксирует нисходящую мобильность мигрантов, подчиняющуюся известной *U*-образной закономерности, характеризующей резкое падение статуса в принимающей стране и его последующее восстановление спустя время¹⁷. Трудовая мобильность мигрантов на треках 1-2-3 и 1-3 имеет преимущественно нисходящий характер: численность мигрантов с нисходящей мобильностью в 2,1 раза превышает численность работников с восходящей мобильностью ¹⁸. Особого внимания заслуживает второй подход, акцентирующий трудовую мобильность мигрантов уже в России (трек 2-3), независимо от наличия или отсутствия опыта работы на родине, и оценивающий их адаптацию к специфике российского рынка труда. Смена места работы в России позволяет значимой их части улучшить свое положение на рынке труда: 28% мигрантов перешли в более статусные социально-профессиональные категории, 52,2% остались в своем EGP-классе и нисходящая мобильность характерна для 19,8%. При этом среднеазиатские трудовые мигранты выглядят более успешными, чем мигранты из других стран, среди которых восходящая мобильность практически равна нисходящей.

Однако восходящая мобильность среди менявших работу в России более типична для среднеазиатских мигрантов, занятых физическим трудом и занимавших в начале трудовой деятельности в России наихудшие социально-профессиональные позиции (табл. 7).

¹⁷Обзор исследований см.: [Варшавская, Денисенко, 2019].

¹⁸Использовалась EGP-классификация (Erikson–Goldthorpe–Portocarero), дающая представление об иерархической структуре рабочих мест на основе упорядоченной шкалы статуса рабочих мест по характеристикам: характер труда (интеллектуальный, физический, сельскохозяйственный), требуемые годы образования, количество подчиненных, самозанятость или наемный труд [Erikson, Goldthorpe 1992: 38–39]. Классификация EGP позволяет оценить вертикальную мобильность работников путем фиксации переходов между выделяемыми группами (классами, в терминологии авторов) на треках 1-2, 2-3 и 1-3.

Таблица 7 Фрагмент матрицы мобильности между EGP-классами среднеазиатских мигрантов, доля численности мигрантов из Средней Азии с восходящей трудовой мобильностью (N=578, в % от числа ответивших)

Работали на первом рабочем месте в РФ\ работают в России, EGP-классы	Работники сферы услуг и продаж	Квалифици- рованные рабочие	Полу- и неквалифи- цированные рабочие	Сельско- хозяйст- венные рабочие	Другие классы EGP	Всего
Квалифицированные рабочие	8,5	_	_	_	1,2	9,7
Полу- и неквалифицирован- ные рабочие	29,2	46,0	_	_	6,1	81,3
Сельскохозяйственные рабочие	0,2	1,7	2,9	_	0,2	5,0
Другие классы EGP	_	_	_	–	4,0	4,0
Всего	37,9	47,7	2,9	_	11,5	100,0

Восходящая мобильность мигрантов из других государств также характерна преимущественно для первоначально работавших в России рабочими. Однако переходы на более высокие социально-профессиональные позиции в других классах EGP среди мигрантов СНГ/УГ составляют не 4%, как у среднеазиатских (табл. 7), а 18,9%.

Восходящая мобильность среднеазиатских мигрантов сопровождается более высокой оплатой труда: почасовая оплата (медиана) у таких работников выше, чем у других мигрантов на 7,2% при равной продолжительности рабочей недели. Достаточно редко восходящая мобильность у них имела место без смены вида экономической деятельности (34,3%). Максимальная доля перешедших на лучшие рабочие места и не менявших отрасли среди занятых в торговле (57,7%) и, с большим отставанием, в строительстве (39,7%).

Менявшие вид экономической деятельности (ВЭД) более успешны, чем работники, не менявшие отрасли: как правило, они больше зарабатывают и/или менее интенсивно работают (табл. 8).

Таблица 8
Оплата и продолжительность рабочей недели менявших и не менявших ВЭД работников
с восходящей мобильностью

Меняли или нет ВЭД	Обрабаты- вающие производства	Строи- тельство	Торговля	Гостиницы и общепит	Коммунальные, социальные и персональные услуги	Деятельность домашних хозяйств	Все ВЭД
		Опла	ата труда (р	уб./час, меди	ана)		
Меняли ВЭД	121,1	121,7	100,1	125,2	123,4	123,4	112,1
Не меняли ВЭД	136,3*	116,8	96,4	97,4	123,9*	116,8	109,0
Доля	работников с ч	резмерной	продолжи	тельностью ј	оабочей неде	ли (свыше 48 ч	ac.)
Меняли ВЭД	45,5	75,0	79,5	78,9	58,2	58,5	70,1
Не меняли ВЭД	57,1*	74,3	80,6	76,5	62,5*	58,3	71,8

Примечание. *Немногочисленные группы.

В массе своей среднеазиатские трудовые мигранты не конкуренты гражданам других стран в силу низкой квалификации и недостатка переносимых навыков. Но наиболее активные, начинавшие трудиться в России в качестве рабочих, повышают свой социально-профессиональный статус, добиваясь некоторого улучшения условий и оплаты труда. Однако и в этом случае им приходится работать больше, чем выходцам из других государств (на 5 часов), а получать на 20,0% меньше коллег с восходящей мобильностью из других стран.

Заключение. Труд подавляющего большинства среднеазиатских мигрантов не соответствует идеологии достойного труда (это верно, впрочем, и для части российских работников). Можно утверждать, что в ближайшем будущем понятия «трудовая миграция» и «среднеазиатская трудовая миграция» станут синонимами. И дело не только в масштабах присутствия трудовых мигрантов из Средней Азии, не в том, что на российском рынке труда у них сегодня, по существу, нет конкурентов, и не в неопределенности постпандемического будущего, но и в том, что еще в преддверии пандемии среднеазиатские мигранты продемонстрировали способность адаптироваться к российскому рынку, существенно отличному от рынка труда страны происхождения. Мобильность на российском рынке труда позволяет многим из них добиться лучших условий и/или оплаты труда, занять лучшие рабочие места (чаще всего не меняя вида экономической активности, хотя наиболее успешны – решившиеся сменить отрасль). Не без потерь: уступая гражданам других государств СНГ, Украины и Грузии в квалификации и наличии переносимых навыков, они вынуждены больше работать, а получать за работу меньше выходцев из других государств. Не без сложностей: «стеклянный потолок», отделяющий их от рабочих мест высокой квалификации, остается проблемой. Восходящая мобильность – преимущественно удел среднеазиатских мигрантов, занятых физическим трудом и занимавших наихудшие социально-профессиональные позиции. И чем ближе «стеклянный потолок», тем он заметней: если среди неквалифицированных рабочих разрыв в зарплате среднеазиатских мигрантов и граждан других стран составляет 6,2% в пользу последних, то среди операторов машин и установок – 7,5%, а среди квалифицированных рабочих – 21,8%.

Квалификация и навыки среднеазиатских мигрантов в массе своей невелики. Но в Россию приезжают наиболее активные и наиболее образованные. Планирующие выехать из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана, как правило, имеют более развитые когнитивные и некогнитивные умения по сравнению с теми, кто не имеет никаких планов мигрировать. А мигранты, которые вернулись после работы за границей, имеют значительно более развитые когнитивные и некогнитивные умения, чем лица, не выезжавшие за границу [Ajwad et al., 2014a: 32–33; 2014b: 21; 2014c: 28]. Признавая, что трудовые мигранты из Средней Азии – это всерьез и надолго, следует внимательнее посмотреть на их адаптацию к российскому рынку труда во время пандемии, попытаться предсказать их поведение в постковидные времена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б. Квалификационная мобильность мигрантов в России // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 63–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-11-63-80.

Гендерная статистика. ГК РУ по статистике. URL: https://gender.stat.uz/ru/dopolnitel-nye-pokazateli/ekonomicheskie-resursam (дата обращения: 28.12.2021).

Индикаторы достойного труда. Росстат, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 14.08.2021).

Ксенофобия и национализм // Левада-Центр. 2020. 23 сентября. URL: https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/ (дата обращения: 13.08.2021).

Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция: основные тренды января–февраля 2021 года // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2021. № 10(142). Июнь. С. 16–19. URL: https://www.ranepa.ru/pdf/monitoring/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-10-142-iyun-2021-.pdf.html (дата обращения: 09.09.2021).

Образование и наука в Кыргызской Республике, 2013–2017: Стат. сб. Бишкек, 2018.

Положение на рынке труда в Республике Таджикистан. Душанбе: АС при Президенте РТ, 2018.

Рекомендации по применению в статистической практике стран Содружества Независимых Государств индикаторов достойного труда. М.: Статкомитет СНГ, 2016.

Труд и занятость в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.

Труд и занятость в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019.

Уровень получения образования населения в возрасте 25 лет и старше, в разрезе мужчин и женщин (%) [в Республике Узбекистан]. URL: https://gender.stat.uz/ru/dopolnitel-nye-pokazateli/2021-05-06-12-04-25 (дата обращения: 07.01.2022).

Численность занятого населения по видам экономической деятельности. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. 2021. URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/zanyatost/ (дата обращения: 16.09.2021).

Ajwad M.I., de Laat J., Hut S. et al. The Skills Road: Skills for Employability in the Kyrgyz Republic. Washington, DC: World Bank, 2014b.

Ajwad M.I., Hut S., Abdulloev I. et al. The Skills Road: Skills for Employability in Tajikistan. Washington, DC: World Bank, 2014a.

Ajwad M.I., Abdulloev I., Audy R. et al. The Skills Road: Skills for Employability in Uzbekistan. Washington, DC: World Bank, 2014c.

Entzinger H., Biezeveld R. Benchmarking in Immigrant Integration: Report for the European Commission. Rotterdam: ERCOMER, 2003.

Erikson R., Goldthorpe J.H. The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies. Oxford: Clarendon, 1992.

Esser H. Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration? // International Migration Review. 2004. Vol. 38. No. 3. P. 1126–1159. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004. tb00231.x.

Gordon M.M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. New York: Oxford University Press, 1964.

OECD. From Immigration to Integration: Local Solutions to a Global Challenge, Local Economic and Employment Development (LEED). Paris: OECD Publishing, 2006. DOI: 10.1787/9789264028968-en.

OECD. Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees. Paris: OECD Publishing, 2018. DOI: 10.1787/9789264085350-en.

OECD. International Migration Outlook 2020. Paris: OECD Publishing, 2020. DOI: 10.1787/ec98f531-en.

OECD/European Union. How are Refugees Faring in the Labour Market in Europe? European Union, 2016. DOI: 10.2767/350756.

Penninx R. Problems of and Solutions for the Study of Immigrant Integration // Comparative Migration Studies. 2019. Vol. 7. No. 13. P. 2–11. DOI: 10.1186/s40878-019-0122-x.

Ward C., Bochner S., Furnham A. The Psychology of Culture Shock. Hove, UK: Routledge, 2001.

Статья поступила: 11.10.21. Финальная версия: 10.12.21. Принята к публикации: 13.12.21.

CENTRAL ASIAN MIGRANTS AT THE RUSSIAN LABOR MARKET: BEFORE THE PANDEMIC

MUKOMEL V.I.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Vladimir I. MUKOMEL, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Head of the Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (mukomel@isras.ru).

Abstract. The article examines peculiarities of adaptation of labor migrants from Central Asian states in the Russian labor market before the pandemic through the prism of the decent work concept. The main attention is paid to their opportunities to find a job in Russia, economic activities and occupations, the adequacy of earnings and decent working hours, productive employment, equal opportunities and employment conditions for women. Significant differences in the economic activities of immigrants from Kyrgyzstan on the one hand, and migrants from Tajikistan and Uzbekistan on the other, are explained not only by the difference in the demographic composition of migrants, the legal status of migrants from different states, but also by the specifics of employment structures, the economic environment of donor countries. Central Asian migrants are in a worse position on the labor market than Russian workers or labor migrants from other CIS countries, Ukraine and Georgia due to low qualifications and lack of transferable skills. Special attention is paid to the labor mobility of Central

Asian migrants. Upward mobility in the Russian labor market allows many of them to achieve better conditions and / or wages, to take better jobs (most often without changing the type of economic activity). However, there is a "glass ceiling" separating Central Asian migrants from highly qualified jobs. Upward mobility is predominantly the lot of Central Asian migrants engaged in manual labor and occupying the worst social and professional positions. The empirical basis of the study was the results of a sociological survey of 8033 labor migrants from the CIS countries, Ukraine and Georgia in 2017 in 19 regions of Russia, including 4799 Central Asian labor migrants.

Keywords: labor migrants, labor market, adaptation, decent work, economic activities, occupations, wages, labor mobility, Central Asia.

REFERENCES

- Ajwad M.I., Hut S., Abdulloev I. et al. (2014a) *The Skills Road: Skills for Employability in Tajikistan*. Washington, DC: World Bank.
- Ajwad M.I., de Laat J., Hut S. et al. (2014b) The Skills Road: Skills for Employability in the Kyrgyz Republic. Washington, DC: World Bank.
- Ajwad M.I., Abdulloev I., Audy R. et al. (2014c) *The Skills Road: Skills for Employability in Uzbekistan.* Washington, DC: World Bank.
- Education and Science in the Kyrgyz Republic, 2013–2017: Statistical Collection. (2018) Bishkek. (In Russ.) Education Attainment of Population Aged 25 and over, by Sex [in the Republic of Uzbekistan]. URL: https://gender.stat.uz/en/additional-indicators/education (accessed 07.01.2022).
- Entzinger H., Biezeveld R. (2003) Benchmarking in Immigrant Integration: Report for the European Commission. Rotterdam: ERCOMER.
- Erikson R., Goldthorpe J.H. (1992) The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies.

 Oxford: Clarendon.
- Esser H. (2004) Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration? International Migration Review. Vol. 38. No. 3: 1126–1159. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x.
- Gender Statistics. The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics. URL: https://gender.stat.uz/ru/dopolnitel-nye-pokazateli/ekonomicheskie-resursam (accessed 28.12.2021). (In Russ.)
- Gordon M.M. (1964) Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. New York: Oxford University Press.
- Indicators of Decent Work. (2021) Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (accessed 14.08.2021). (In Russ.)
- Labor and Employment in Russia. (2017) Stat. collection / Rosstat. Moscow. (In Russ.)
- Labor and Employment in Russia. (2019) Stat. collection / Rosstat. Moscow. (In Russ.)
- Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F. (2021) Migration: The Main Trends of January–February 2021. Monitoring the Economic Situation in Russia: Trends and Challenges of Socio-economic Development. No. 10(142). June: 16–19. URL: https://www.ranepa.ru/pdf/monitoring/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-10-142-iyun-2021-.pdf.html (accessed 09.09.2021). (In Russ.)
- OECD. (2006) From Immigration to Integration: Local Solutions to a Global Challenge, Local Economic and Employment Development (LEED). Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264028968-en.
- OECD. (2018) Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264085350-en.
- OECD. (2020) International Migration Outlook 2020. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/ec98f531-en. OECD/European Union. (2016) How are Refugees Faring in the Labour Market in Europe? European Union. DOI: 10.2767/350756.
- Penninx R. (2019) Problems of and Solutions for the Study of Immigrant Integration. *Comparative Migration Studies*. Vol. 7. No. 13: 2–11. DOI: 10.1186/s40878-019-0122-x.
- Recommendations on the Use of Decent Work Indicators in Statistical Practice in the Countries of the Commonwealth of Independent States. (2016) Moscow: Statkomitet SNG. (In Russ.)
- Situation on the Labor Market in the Republic of Tajikistan. (2018). Dushanbe: AS pri Prezidente RT. (In Russ.) The Number of Employed Population by Type of Economic Activity. (2021) National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/zanyatost/ (accessed 16.09.2021). (In Russ.)
- Varshavskaya E.Ya., Denisenko M.B. (2019) Immigrant occupational mobility in Russia. *Voprosy Ekonomiki*. No. 11: 63–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-11-63-80. (In Russ.)
- Ward C., Bochner S., Furnham A. (2001) The Psychology of Culture Shock. Hove, UK: Routledge.
- Xenophobia and Nationalism. (2020) *Levada Center*. September 23. URL: https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/ (accessed 13.08.2021). (In Russ.)

Received: 11.10.21. Final version: 10.12.21. Accepted: 13.12.21.

А.А. АВДАШКИН

МИГРАНТСКИЕ КЛАСТЕРЫ В РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ (на примере Челябинска)

АВДАШКИН Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия (adrianmaricka@mail.ru).

Аннотация. На основании материалов неструктурированных глубинных интервью с жителями Челябинска и мигрантами, включенного наблюдения и публикаций в местных СМИ автором выявлены объекты концентрации мигрантов в городе. Рассмотрены три показательных кейса: «китайский» рынок, жилая застройка, примыкающая к нему, и маршрутные такси. Сопоставление данных интервью и включенного наблюдения, а также анализ публикаций позволили определить логику формирования имиджа локации как мигрантской и зафиксировать расхождение между представлениями местного населения и реальным распределением мигрантских кластеров в городском пространстве.

Ключевые слова: миграция • урбанистика • Челябинск • «китайский» рынок • маршрутки

DOI: 10.31857/S013216250012618-2

Постановка проблемы. В последние годы в экспертной среде активно обсуждается вопрос о наличии или отсутствии в российских городах мест концентрации мигрантов. Ряд исследований дает отрицательный ответ на этот вопрос 1. Однако публикации в СМИ продолжают подогревать пристальный интерес к проблеме «мигрантских» кварталов 2. Хотя она уже получила определенное освещение в научной литературе (см.: [Бедрина, 2019; Варшавер и др., 2019], рассмотренных на сегодняшний день кейсов, особенно на примере городов-миллионников, пока недостаточно, чтобы сделать достоверный вывод о существовании в крупных населенных пунктах РФ районов концентрации мигрантов. Анализируя различные формы социальной организации мигрантских сообществ, отечественные авторы еще совсем недавно оставляли за скобками механизмы их формирования [Пешкова, 2015; Григоричев, Дятлов, 2017] и, как правило, склонялись к мысли о невозможности возникновения мигрантских кластеров в России [Demintseva, 2017]. Лишь в последние пару лет исследователи перешли от преимущественного отрицания данного явления к его проблематизации [Вендина и др., 2019]. Сегодня на материалах подмосковных Котельников, Екатеринбурга («Сортировка») и Красноярска («КрасТЭЦ»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (государственное задание № FENU-2020-0021).

Благодарю за ценные советы руководителя Группы исследований миграции и этничности РАНХиГС Е. Варшавера и педагогический коллектив МБОУ СОШ № 42 г. Челябинска (директора И. Пономареву, зам. директора Ю. Соловьеву и др.).

¹ Мигранты глазами москвичей // Демоскоп weekly. 2014. 1–24 августа. № 605–606. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/tema07.php (дата обращения: 26.10.2020).

²См.: Медведев: Нужно проработать упрощенный порядок привлечения трудовых мигрантов в РФ // TACC. 2021. 16 февраля. URL: https://tass.ru/ekonomika/10711031 (дата обращения: 26.09.2021); Путин: Доля детей мигрантов в школах должна позволять адаптировать их к среде // Российская газета. 2021. 30 марта. 2021. URL: https://rg.ru/2021/03/30/putin-dolia-detej-migrantov-v-shkolah-dolzhna-pozvoliat-adaptirovat-ih-k-srede-v-rf.html (дата обращения: 26.09.2021); Мигрантов выселили из общежития в Бужанинове после стихийного схода // Интерфакс. 2021. 14 сентября. URL: https://www.interfax.ru/russia/790257 (дата обращения: 26.09.2021).

описаны районы, где доля проживающих мигрантов заметно выше, нежели в других частях данных городов. Привлекают внимание исследователей и иные похожие локации: Заостровка в Перми, Большие Исады в Астрахани, Металлургический район в Челябинске, Центральный рынок в Иркутске [Варшавер и др., 2020: 242].

Одним из крупных городов-миллионников, где мигранты играют важную роль в экономике, является Челябинск. Расположение на пересечении транспортных маршрутов между Азией и Европой превратило его в важный транзитный пункт для прибывающих из среднеазиатских республик, что, в свою очередь, сказалось на отношении к ним местных жителей: согласно исследованию агентства «Zoom market», Челябинск вошел в тройку российских городов, где население негативно воспринимает мигрантов³. В рамках нашего исследования мы постарались проследить, какие объекты городского пространства в представлениях челябинцев являются точками концентрации иноэтничных мигрантов и насколько эти представления согласуются с реальным распределением мигрантских кластеров.

Эмпирическую базу исследования составили материалы включенного наблюдения (300 часов), неструктурированные глубинные интервью с жителями Челябинска и мигрантами, в том числе водителями такси и маршруток (150 чел.), а также публикации в местных печатных и электронных СМИ, отражающие динамику общественного мнения по проблеме миграции и относительно объектов концентрации мигрантов в городском пространстве.

Интервьюирование проводилось с использованием гугл-карт или приложения «Дубльгис Челябинск», что давало возможность информантам непосредственно указать районы, улицы или дома, где, по их мнению, доля мигрантов выше, нежели в иных частях города. Данный прием позволил не только выявить собственно «мигрантские» локации – административные или вернакулярные единицы, в которых концентрируются мигранты, но и сделать наглядными стереотипные представления о влиянии миграции на городское пространство – расселение преимущественно вокруг рынков, на окраинах и т.п. Помимо этого, опрашиваемым предлагалось вспомнить, сколько «мигрантских» квартир находится на каждом или некоторых этажах их или соседних домов, и попытаться оценить, насколько, по их мнению, эта ситуация типична для города, района, близлежащих улиц и домов.

Получение информации о местах концентрации мигрантов дополнялось сбором сведений о контексте формирования городских локаций, специфике их трансформации и функционирования в постсоветский период. В частности, нами учитывались история возникновения и динамика развития «этнических» рынков, по разным причинам аккумулировавших в своих границах иноэтничных мигрантов, престижных и непрестижных городских районов, застроек экономкласса и др. В отрыве от этого контекста сложно выявить причины и факторы появления конкретных мест концентрации мигрантов. В качестве мигрантов нами опрашивались не только иностранные граждане, но и видимые «другие» вне зависимости от их гражданства и места рождения (т.е. мигранты «второго поколения»).

Результаты исследования. На основании данных интервью выявлено три показательных кейса мигрантских локаций в Челябинске. Первый – «этнический» рынок, в данном случае «китайский», ставший центром формирования связанных с ним мигрантских сообществ. Второй – жилой массив в Металлургическом районе, расположенный рядом с «китайским» рынком и воспринимаемый как место концентрации мигрантов. Третий – маршрутные такси, наиболее массовый и мобильный объект, где горожане ежедневно контактируют с мигрантами из Средней Азии.

«Этнический» *рынок:* **«Китайка»**. Наличие рынка воспринимается как атрибут мигрантского квартала даже в том случае, если его размеры довольно скромные и он не способен вместить большое количество мигрантов. Такого рода локации интересны тем,

³Подавляющее большинство опрошенных жителей российских городов (93%) высказались против формирования так называемых этнических районов. См.: Челябинск вошел в тройку городов России, где хуже всего относятся к мигрантам // Коммерсантъ. 2020. 2 сентября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4475810 (дата обращения: 26.10.2020).

что они не остаются статичными, а нередко перемещаются в городском пространстве и становятся центром притяжения разных мигрантских сообществ. Например, именно с «Китайкой» челябинцы связывают появление мигрантов в Металлургическом районе, в первую очередь китайцев, а затем и таджиков.

Первые торговые ряды возле рынков «Заречный» и «Восточный город» китайские челноки организовали еще в 1992 г. Становление «китайской» рыночной инфраструктуры, включавшей также появление мест компактного проживания мигрантов, вызывало в свое время серьезные опасения горожан, местных изданий и представителей власти. В СМИ публиковались крупные материалы, интерпретировавшие данный процесс как формирование на улицах областного центра чайна-тауна и создававшие представление, будто город заполнили – или, по выражению некоторых журналистов и информантов, «оккупировали» – китайские торговцы (подробнее см.: [Авдашкин, 2020; 2021]). Нередко такие публикации содержали явно завышенные данные об их численности – до нескольких десятков тысяч человек, тогда как, согласно более взвешенным оценкам, их могло быть в разы меньше. Например, предпринимательской деятельностью на «Заречном» рынке в 1996 г. занимались, по разным данным, от 200 до 1000 китайцев.

Улицы, примыкающие к «Китайке», – Кирова, Каслинская и Калинина – обрели имидж «китайского» квартала, поскольку немало комнат и квартир в близлежащих домах снимали китайские торговцы. Помимо этого, рынок втягивал в сферу своего влияния прилегающую застройку, где появлялись склады, ночлежки и т.п. На самом рынке предоставлялся широкий перечень услуг для мигрантов, в том числе нелегальных, начиная от подделки документов и заканчивая грузовыми и пассажирскими перевозками по городу и области. Мы располагаем сведениями как минимум о тринадцати общежитиях и гостинцах, где в 1990-е гг. селились китайцы. Они, как правило, располагались на некотором удалении от рынка, но в пределах доступности для многочисленных перевозчиков, обеспечивавших торговцев транспортом. Соседство с китайцами вызывало значительный дискомфорт для местных жителей, поскольку для снимаемых ими квартир и зданий были свойственны скученность, мусор и антисанитария. Нередко в местах проживания китайских торговцев случались конфликты и грабежи. И хотя жертвами подобных происшествий становились исключительно китайцы, соседство с ними прочно ассоциировалось с криминалом и активностью «китайской мафии».

В 2000-х гг. места для китайских торговцев перенесли на окраину Челябинска, а освободившуюся нишу, согласно сообщениям наших информантов, много лет торгующих на «Китайке», заняли выходцы из Средней Азии, в основном таджики. Одновременно с этим прекратились и алармистские публикации в местных изданиях. Как итог, тема отторгнутой китайцами городской локации утратила свою злободневность, и к концу десятилетия практически уже сложившийся «китайский» квартал исчез с когнитивной карты города.

Жилой район, примыкающий к рынку: «городок металлургов». Данный район возник и развивался вокруг промышленных предприятий, строительство которых пришлось главным образом на послевоенные годы. Ему свойственна обособленность от остальной части Челябинска и особый статус «городка металлургов», где селились преимущественно сотрудники предприятий, прибывавшие как из области, так и из других регионов РСФСР и СССР в целом⁴.

В первое постсоветское десятилетие ситуация изменилась, и в «городке металлургов» начал формироваться заметный контингент армянских мигрантов, открывавших бизнес и покупавших либо новое, либо освободившееся жилье. В 2000-е гг. в районе появилась новая застройка, состоящая в основном из девятиэтажных домов, которая, однако, не образовала четких пространственных границ между его новой и старой частями, а распределялась дисперсно – единичные дома, встроенные в старую застройку.

 $^{^4}$ Активных миграций из республик Закавказья и Средней Азии не происходило.

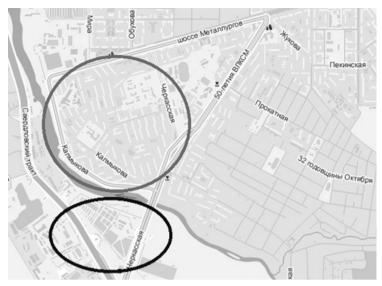

Рис. Местоположение «Китайского» рынка (обведен на карте черным цветом) и кластера жилья экономкласса рядом с ним (обведен на карте серым цветом)

Естественное движение населения в Металлургическом районе освобождало жилищные ниши для мигрантов, занятых в обслуживании растущей рыночной инфраструктуры, в том числе «Китайки». Их этнический профиль довольно разнообразен – это выходцы из Средней Азии, Китая и в меньшей степени Закавказья. Местом концентрации среднеазиатских мигрантов стали улицы с наиболее доступным жильем – Черкасская, Комаровского и Пети Калмыкова. Китайцы предпочитают селиться в домах по улицам Дегтярева и Вахтангова, т.е. ближе к городской окраине. При этом они относятся к наиболее «незаметной» в повседневной жизни группе мигрантов, поскольку у них нет детей, играющих на площадках, они редко покидают свое жилье и делают это только в составе группы из нескольких человек (рис.).

На сегодняшний день трудно сказать, в какой степени из Металлургического района или отдельных его частей происходит классический «отток белых». Несмотря на то что он явно не входит в число престижных – за 1989–2020 гг. численность его жителей сократилась со 154 тыс. до 133 тыс. чел., – конкретную причину непопулярности «городка металлургов» среди челябинцев определить сложно. Это может быть как обоснованное недовольство инфраструктурой, близостью промышленных предприятий, так и дискомфорт от потенциального соседства с приезжими из области и международными мигрантами, приток которых заметен в последние два десятилетия.

Вместе с тем наличие рынка само по себе не означает, что застройка вокруг него становится «мигрантской». Для этого необходимо совпадение нескольких условий: достаточная вместимость рынка, соответствующее количество дешевого жилья поблизости от него, переезд местных жителей при отсутствии серьезного оттока мигрантского населения в другие части города после повышения уровня благополучия и др. Например, стоимость жилья вблизи рынка «Каширинский» (ул. Двинская) составляет в среднем 2–3 млн руб., тогда как возле «Китайки» (ул. Черкасская) – менее 1,5 млн. То же касается и степени концентрации мигрантов. Так, в окрестностях рынков «Каширинский» и «Восточный город» число «мигрантских» квартир в редких домах может составить от 2 до 5 на дом, в том числе девятиэтажный. Напротив, в районе «Китайки» мы наблюдали дома, где мигранты проживали в двух-трех подъездах пятиэтажных домов, а в одном девятиэтажном доме поблизости от рынка, согласно информации, полученной от местных жителей, китайцы откупили

под свои нужды целую лестничную площадку. Кроме того, доля «мигрантских» квартир в домах возле «Китайки» за некоторыми исключениями распределена примерно равномерно – по несколько на дом или подъезд. Учитывая, что значительная часть таких квартир представляет небольшие общежития, доля мигрантов, проживающих в таких домах, оказывается довольно значительной.

Еще одним надежным маркером, позволяющим идентифицировать район как «мигрантский», является наличие в общеобразовательных школах мигрантского контингента, что нередко воспринимается местными жителями как проблема [Деминцева, 2020]. Из четырех школ Металлургического района, расположенных поблизости от «Китайского» рынка, по крайней мере про две (№ 42 и № 74) известно, что в классе может насчитываться примерно до 10–15% детей мигрантов (они обозначаются как дети-инофоны).

Челябинская маршрутка, или «вас везет Акбарходжа». Данный вид общественного транспорта – неотъемлемая часть повседневной жизни мегаполиса [Sgibnev, Rekhviashvili, 2020]. В Челябинске на долю маршруток приходится значительная часть городских пассажирских перевозок. По итогам опросов Челябинского филиала РАНХиГС, в 2017 г. они относились к наиболее часто используемому виду транспорта – на них регулярно ездят примерно 46% челябинцев. В то же время маршрутки – общественный транспорт, вызывающий наибольшее недовольство горожан 5 , которых не устраивает техническое состояние микроавтобусов, низкий уровень безопасности, качество работы водителей. Подавляющее большинство жалоб в начале 2020 г. связано именно с работой водителеймигрантов 6 . Нередко в большом количестве маршрутных такси и, соответственно, мигрантов челябинцы усматривают одну из основных причин аварийности и пробок на городских магистралях. Как следствие, довольно часто социальные и культурные контакты в этом пространстве сопровождаются проявлениями скрытого или явного расизма (см.: [Коеfoed et al., 2017]).

Челябинцы воспринимают маршрутные такси как объект концентрации мигрантов. По оценкам наших информантов, до 70% водителей – мигранты. Схожую цифру озвучивают и эксперты, знакомые с ситуацией в сфере пассажирских перевозок. Преобладание в данной сфере занятости мигрантов из Средней Азии нашло отражение в городским слэнге – маршрутки стали называть «джамшутками». Вместе с тем достоверно определить, сколько мигрантов работает в сфере перевозок, довольно сложно, поскольку существенная их часть происходит в неформальном поле. Наиболее правдоподобные оценки шестилетней давности колебались в пределах 1000–1200 водителей.

Маршрутка в представлении местного населения встроена в разветвленную инфраструктуру, созданную мигрантами в городском пространстве. Наблюдая повседневный пассажиропоток, замечая, где, когда и в каком количестве мигранты заходят в транспорт и сходят, челябинцы формируют представления о том, какие районы являются местами концентрации мигрантов, и конструируют условные границы между ними и остальной частью города. По мнению жителей города, такие территории совпадают со схемой конечных остановок маршрутных такси в промышленных зонах, где размещаются «этнические» рынки, – районы Металлургический и Тракторозаводский.

⁵Самый популярный в Челябинске вид транспорта заслужил наибольшее число упреков пассажиров // Znak.com. 2017. 22 февраля. URL: https://www.znak.com/2017-02-22/samyy_populyarnyy_v_chelyabinske_vid_transporta_zasluzhil_naibolshee_chislo_uprekov_passazhirov (дата обращения: 26.10_2020).

⁶ Чаще всего южноуральцы жалуются на нарушения со стороны водителей-мигрантов, которые, по их словам, не соблюдают правил дорожного движения, работают на машинах в неисправном и антисанитарном состоянии, курят и разговаривают за рулем. Кроме того, мигранты часто не знают город и не всегда уверены в маршруте движения общественного транспорта, некоторые почти не владеют русским языком. См., напр.: *Соколова А*. Что творят мигранты за рулем южноуральских маршруток // Полит74.ru. 2020. 15 января. URL: https://polit74.ru/society/chto_tvoryat_migranty_za_rulem_yuzhnouralskikh_marshrutok/ (дата обращения: 20.10.2020).

⁷ Васин В. Вас выгонят для создания рабочих мест // Ura.ru. 2015. 11 марта. URL: https://ura.news/articles/1036264249 (дата обращения: 26.10.2020).

Вместо заключения: взгляд с другой стороны. Рынки, примыкающие к ним жилые кварталы и маршрутки наделяются жителями Челябинска статусом объектов, где преобладают мигранты. Отсюда рождаются стереотипы о захвате ими целых сфер деятельности. Однако интервью с мигрантами показали, что реальные границы мигрантских кластеров выглядят куда скромнее, чем это кажется местному населению. Немало работников рынков «Каширинский» и «Восточный город» живут на достаточном удалении от них и до своих рабочих мест добираются на общественном или личном транспорте. В случае с «городком металлургов», соседствующим с «Китайкой», представители принимающей стороны не учитывают социальную стратификацию миграционных сообществ. Там довольно много доступного жилья, однако мигранты, как и местные жители, стремятся к повышению уровня жизни и при наличии возможности покидают этот промышленный район. Работа водителями маршрутных такси, сеть которых покрывает все городское пространство, часто исключает необходимость привязки места проживания к месту работы, поэтому мигранты, занятые в этой сфере деятельности, равномерно «распределены» по жилой застройке города.

По сути, в Челябинске, как и в другом любом российском городе, мы имеем дело не с реальными мигрантскими анклавами, а с представлениями и дискурсом об их существовании. Возможность «возвратных» перемещений, зависимость трудовых миграций от состояния российской экономики и пр. при этом не учитывается. На сегодняшний день мигрантские сферы занятости в городской экономике, судя по всему, уже достигли пика развития и вместить еще большее количество мигрантов вряд ли смогут, поэтому появления более крупных мигрантских анклавов в ближайшие годы ожидать не стоит. Вместе с тем несовершенство городской инфраструктуры и отсутствие должного регулирования рынка пассажирских перевозок способствуют концентрации мигрантов в таком виде общественного транспорта, как маршрутка. Это, в свою очередь, обусловливает формирование в сознании челябинцев тесной связи маршрутного такси с мигрантами и создает благодатную почву для усиления ксенофобских настроений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдашкин А.А. Китайские мигранты в постсоветской России: цели прибытия и отношение принимающего общества // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 84–93. DOI: 10.31857/ S013216250012617-1.
- Авдашкин А.А. «Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2 (49). С. 147–156. DOI: 10.20874/2071-0437-2020-49-2-13.
- Бедрина Е.Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 2. С. 451–464. DOI: 10.17059/2019-2-11.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Ермакова М.А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225–253. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-225-253.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М.: «Дело» РАНХиГС, 2021.
- Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3–17. DOI: 10.31857/ S2587-5566201963-17.
- *Григоричев К.В., Дятлов В.И.* «Китайские» рынки России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 121–132. DOI: 10.17223/15617793/419/16.
- Деминцева Е.Б. От «Заводской» до «Мигрантской» школы: (пост)советская школьная сегрегация в городском пространстве // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 1. С. 152–182. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-152-182.
- Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. 2015. Т. 24. № 2. С. 129–151.
- Demintseva E.B. Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlemen // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43. No. 15. P. 2556–2572. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1294053.

Koefoed L., Christensen M.D., Simonsen K. Mobile Encounters: Bus 5A as a Cross-cultural Meeting Place // Mobilities. 2017. Vol. 12. No. 5. P. 726–739. DOI: 10.1080/17450101.2016.1181487.

Sgibnev W., Rekhviashvili L. Marschrutkas: Digitalisation, Sustainability and Mobility Justice in a Low-tech Mobility Sector // Transportation Research Part A: Policy and Practice. 2020. 138. P. 342–352. DOI: 10.1016/j.tra.2020.05.025.

Статья поступила: 16.11.20. Принята к публикации: 16.09.21.

MIGRANTS' CLUSTERS IN RUSSIAN CITY (the Case of Chelyabinsk)

AVDASHKIN A.A.

South Ural State University, Russia

Andrey A. AVDASHKIN, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia (adrianmaricka@mail.ru).

Acknowledgements. South Ural State University is grateful for financial support to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant No. FENU-2020-0021). The author thanks the head of the Migration and Ethnicity Research Group of the RANEPA Evgeny Varshaver and the Teaching Staff of the School No. 42 in Chelyabinsk for the valuable advices.

Abstract. The article is based on materials from field studies of the places of concentration of migrants in Chelyabinsk. Research tasks of the article: 1) to identify the objects of concentration of migrants, 2) to determine the basic laws of their folding and functioning, 3) to propose scenarios of their possible development for the future. The author, in a unified logic, considered three illustrative cases of concentration of migrants: the "Chinese" market, residential buildings around it, and route taxis. Comparing these objects with each other, the author assumes that the emergence and functioning of areas of concentration of migrants is determined by a special logic. The object of the analysis is the development around large markets that have emerged on the urban periphery. In the urban periphery, as a result of various demographic, social and other processes of recent decades, there has been a partial change of population. At the present stage, a significant part of it is made up of migrants. They are mostly market workers, their relatives and friends. At the same time, migrant infrastructure was developing in the "ethnic" markets and in the adjacent residential buildings. In the perception of the local population, such a location acquires the image of a migrant. However, the real scale of the presence of migrants looks more modest than local residents imagine.

Keywords: migration, urban studies, Chelyabinsk, Chinese market, minibuses.

REFERENCES

- Avdashkin A.A. (2020) "Chinese" Market in the Space of a Russian City (the Case of Chelyabinsk). *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. No. 2: 147–156. DOI: 10.20874/2071-0437-2020-49-2-13. (In Russ.)
- Avdashkin A.A. (2021) Chinese Migrants in Post-Soviet Russia: Purpose of Entering and Attitude of Host Society. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 5: 84–93. DOI: 10.31857/S013216250012617-1. (In Russ.)
- Bedrina E.B. (2019) The Features of the Resettlement of Labor Migrants from Foreign Countries in Russian Metropolicies. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. No. 2: 451–464. DOI: 10.17059/2019-2-11. (In Russ.)
- Demintseva E.B. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlemen. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 15: 2556–2572. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1294053.
- Demintseva E.B. (2020) From "Factory" to "Migrant" School: (Post-)Soviet School Segregation in Urban Space. Laboratorium: zhurnal sotsialnyh issledovaniy [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. No. 1: 152–182. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-152-182. (In Russ.)
- Grigorichev K.V., Dyatlov V.I. (2017) "Chinese" Markets of Russia: The Role in Post-sustainable Transformation (a Casestudy of Irkutsk). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. No. 419: 121–132. DOI: 10.17223/15617793/419/16. (In Russ.)
- Koefoed L., Christensen M.D., Simonsen K. (2017) Mobile Encounters: Bus 5A as a Cross-cultural Meeting Place. *Mobilities*. Vol. 12. No. 5: 726–739. DOI: 10.1080/17450101.2016.1181487.
- Peshkova V.M. (2015) Migrant Infrastructure in Russian Cities (the Case of Labour Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow). *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 24. No. 2: 129–151. (In Russ.)

- Sgibnev W., Rekhviashvili L. (2020) Marschrutkas: Digitalisation, Sustainability and Mobility Justice in a Low-tech Mobility Sector. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. 138: 342–352. DOI: 10.1016/i.tra.2020.05.025.
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Andreeva A.S. (2021) Migrants in Russian Cities: Resettlement, Concentration, Integration. Moscow: "Delo" RANEPA. (In Russ.)
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Ermakova M.A. (2020) Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is there a Pattern? *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 19. No. 2: 225–253. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-225-253. (In Russ.)
- Vendina O.I., Panin A.N., Tikunov V.S. (2019) Social Space of Moscow: Peculiarities and Patterns. Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographic]. No. 6: 3–17. DOI: 10.31857/S2587-5566201963-17. (In Russ.)

Received: 16.11.20. Accepted: 16.09.21.

Социологическое наследие

© 2022 г.

Н.А. ГОЛОВИН

МЕЖДУ МИННЕСОТОЙ И ГАРВАРДОМ: КОММЕНТАРИЙ К ТРЕМ НЕМЕЦКИМ ЖУРНАЛЬНЫМ СТАТЬЯМ П.А. СОРОКИНА 1928 И 1930 ГОДОВ

ГОЛОВИН Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (n.golovin@spbu.ru).

Аннотация. Русско-американский социолог П.А. Сорокин опубликовал в 1925—1930-е гг. несколько статей и рецензий в немецких социологических журналах. Три из них – «Производительность труда и поощрение» (1928), «Эксперименты в социологии» (1928) и «Социология как специальная наука» (1930) — программного содержания, посвящены развитию экспериментов в социологии и вопросам построения общей социологии как специальной научной и учебной дисциплины. Статьи отражают рост научного авторитета автора в связи с выходом в свет его монографий, его приглашением в Гарвард, а также его включением в редакцию немецко-американского журнала «Социологус» (Берлин). Публикация его немецких статей на русском языке и комментариев к ним раскрывает малоизвестные вопросы институционализации социологии и научной биографии П.А. Сорокина.

Ключевые слова: П.А. Сорокин • общая социология • немецкая социология • институционализация социологии • эксперимент в социологии • преподавание социологии

DOI: 10.31857/S013216250012618-2

Согласно общепризнанному мнению, П.А. Сорокин (1889–1968) является русскоамериканским социологом, расцвет его творчества произошел в США на основе идей, выработанных еще в России. Идейные связи его социологии с немецкими «науками о культуре» обделены вниманием исследователей.

В воспоминаниях Сорокин заявляет, что за первые 6 лет жизни в США он, работая в Миннесоте, достиг многого: стал высокооплачиваемым профессором, приобрел друзей, издал несколько сочинений. Осенью 1929 г. он принял приглашение от Гарвардского университета для создания кафедры социологии, договорившись с руководством университета основать там в перспективе также социологический факультет. Это обстоятельство является существенным контекстом впервые публикуемых на русском языке трех статей П.А. Сорокина 1928 и 1930 гг., вышедших в свет в социологических журналах Германии. Они свидетельствуют о существенном расширении его творческих планов на новом месте работы, но остаются малозаметными в теории и истории социологии в России, в Германии и в США.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00451.

Участие в жизни немецкого социологического сообщества (с 1923 г. П.А. Сорокин – член Немецкого социологического общества) имело для него большое значение. За межвоенный период им было опубликовано в Германии 11 журнальных статей, 9 из которых на немецком языке, а также 4 большие книжные рецензии. В качестве гарвардского профессора он вошел вместе с другими американскими и европейскими учеными в редакцию журнала «Социологус», издатель которого Р. Турнвальд (Берлин) стремился развивать журнал как международный.

Публикуемые статьи во многом связаны с его книгой «Современные социологические теории» (1928) и с сочинением «Система социологии» (1920). Определенную преемственность с ними имеет «Социальная и культурная динамика» (1937–1941, далее – «Динамика») и послевоенные труды по политической этике. Именно в таком научном контексте лучше всего наблюдается их программный характер, связанный с неожиданным для самого автора переходом из Миннесоты в Гарвард и новыми возможностями реализации планов развития социологии. Расширяются приоритеты автора от внедрения эксперимента в социологию по образцу психологии – в статьях 1928 г. к дальнейшему оформлению социологии как самостоятельной научной и учебной дисциплины – в статье 1930 г. «Социология как специальная наука».

Статьи о внедрении экспериментального метода в социологию. Две статьи 1928 г., связанные между собой по содержанию, в том числе библиографическими ссылками, посвящены предстоящему, по мнению автора, этапу экспериментальной социологии в развитии дисциплины, то есть переходу к эксперименту с контролируемыми социологом условиями, подобно тому, как это практикуется в психологии. В вышедшем в свет одновременно с этими статьями сочинении «Современные социологические теории» (далее – «Теории») содержится обязательство ознакомить читателя с результатами уже выполненных авторских социологических экспериментов [Сорокин 2020: 409]. Это обещание он исполнил в данных публикациях: речь идет о статьях «Производительность труда и поощрение труда (Экспериментальные исследования на детях в возрасте 3–4 года и 13–14 лет» (далее – «Производительность труда») и «Эксперименты в социологии. О степени выраженности некоторых проявлений солидарности (альтруизма) на деле и на словах в зависимости от социальной дистанции» (далее – «Эксперименты в социологии»). Обе они продолжают «Теории» в части, следующей за подзаголовком «Наступление стадии экспериментальной социологии» [Сорокин, 2020: 663].

В статье «Производительность труда» разработаны эксперименты по выяснению зависимости результатов работы от системы ее поощрения. Однако было бы поверхностным относить описываемые им опыты к экономическим исследованиям даже с учетом заявленного автором их колоссального общехозяйственного эффекта. Если сравнить содержание данной статьи с широко известными в истории экономической социологии Хотторнскими экспериментами (1924–1932) с их экономическим подходом, то сразу бросается в глаза различие целей. Хотторнские эксперименты проводились на капиталистическом промышленном предприятии в целях выяснения влияния на производительность труда санитарных условий на рабочем месте, в то время как в экспериментах Сорокина изучается влияние на нее ценностных (коллективистских и индивидуалистических) установок у детей, «не так испорченных капитализмом», подростков и студентов, а не работников по найму. Предмет эксперимента здесь настолько фундаментален, что даже не важно, на каких социальных группах он исследуется, при этом помехи от влияния капиталистических рыночных отношений в данном случае минимизированы возрастом испытуемых.

Ссылка Сорокина на неиспорченность капитализмом детского восприятия социальных связей является продолжением выражения его несогласия с воззрениями немецкого социолога М. Вебера по вопросу антропологических предпосылок капитализма, подробно изложенному в «Теориях» [Сорокин, 2020: 608–612]. Обращение к соответствующей работе Вебера и сравнение с публикуемыми статьями 1928 г. подтверждают, что предмет экспериментов обоих социологов одинаков, но у Вебера они не лабораторные, а взяты из

обычных трудовых отношений. Так, повышая расценки и давая возможность много заработать за сезон, предприниматель ожидает резкого повышения производительности труда сельхозрабочих. Однако зачастую наблюдается не ее рост, а ее снижение, так что итоговый заработок рабочего не меняется, отмечает Вебер и приводит арифметические расчеты: Жнец при оплате в 1 марку за морген ежедневно обрабатывает 2,5 моргена земли , зарабатывая 2,5 марки в день, а после повышения расценок на 0,25 марки – вместо ожидаемых предпринимателем 3 моргенов за 3,75 марки жнет лишь 2 моргена, получая все те же 2,5 марки в день. Жажда денег не срабатывает. Вебер дает этому явлению такое объяснение: «Человек "по своей природе" не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить "производительность" труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду, за которым скрывалось необычайно упорное сопротивление; на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться и по сей день, и тем сильнее, чем более отсталыми (с капиталистической точки зрения) являются рабочие, с которыми ему приходится иметь дело» [Вебер, 2020: 21]. Сопоставление опытов, описанных Вебером, и результатов экспериментов, изложенных в статьях Сорокина, подчеркивает его стремление найти показатели для измерения докапиталистических, сущностных социальных отношений, основанных на солидарности, товариществе, противоречащих современному «духу капитализма» с его «жаждой денег» [Sorokin, 1928a: 188, 196].

В продолжающей эту тему второй статье с названием «Эксперименты в социологии», в которой определеннее, чем в предыдущей, указано, что эксперименты автора направлены на эмпирическое исследование товарищества, солидарности и альтруизма в зависимости от степени социальной близости между людьми. Не реферируя ее, отметим, что обе статьи об экспериментах в социологии содержат малоизвестные историко-научные материалы, раскрывающие идейные связи в социологии Сорокина. Как уже отмечено, материалы первой статьи «Производительность труда» с 1927 г. использовались при подготовке Сорокиным «Теорий», о чем свидетельствует одно из его примечаний в этой книге: «Мои эксперименты с дошкольниками показали, что их работа в группах в качественном и количественном отношениях хуже, чем когда каждый из них работал отдельно. Результаты исследования будут опубликованы вместе с результатами других моих исследований и экспериментальными исследованиями моих сотрудников» [Сорокин, 2020: 409-410]. (Считается, что известна лишь одна из таких статей – «Производительность труда» [Сапов, 2020: 722].) Из публикуемых здесь статей Сорокина (на русском языке) следует, что их по крайней мере две, а с учетом его статьи в соавторстве с коллегами из Миннесоты в «Американском журнале социологии» в 1930 г. их три, причем третья содержит указание автора на то, что миннесотские эксперименты представляют собой обобщающее продолжение его петроградских опытов 1921–1922 гг. (см.: [Sorokin et al., 1930: 765]).

Результаты экспериментов, изложенных в статьях, помогли Сорокину прийти к завершению своего участия в споре между «объективистами» и «субъективистами» в психологии и в социологии, начатом им еще в России, но в несколько иной терминологии. «Спор между "социологизмом" и "психологизмом" или между "групповой" и "индивидуалистической" интерпретацией социальных явлений представляется мне и бесплодным, и необоснованным... Почти столь же бесполезным считаю я спор о границе между социологией и социальной психологией. Нет такой границы», – добавляет он как экспериментатор [Сорокин, 2020: 441].

Примечательно, что цель, преследуемая в экспериментах, – создать эмпирические показатели товарищества и альтруизма после войны получила дальнейшую разработку в его социологии. Во-первых, она была концептуально оформлена в небольшой статье об

 $^{^{1}}$ 1 морген = 0,56 гектара.

амитологии как прикладной науке о путях преобразования общества на началах позитивных межчеловеческих отношений (любви), помещенной в юбилейном сборнике статей для его коллеги и друга немецкого социолога Л. фон Визе [Sorokin, 1951]. Во-вторых, замысел амитологии как прикладной науки был развернут в его последующих статьях и книгах. В одну из них, озаглавленную как «Пути и могущество любви» (1954), вошел фрагмент из «Экспериментов в социологии» [Сорокин, 2015: 175–177], что еще раз подтверждает важность статей об экспериментах для всего творчества П.А. Сорокина, а не только для развития им экспериментального метода. В послевоенных сочинениях тема солидарности, товарищества и гуманизма, общества, скрепленного любовью, становится для Сорокина центральной. Ее истоки в православной культуре и мировоззрении отмечены еще М. Вебером (1905), подкреплены авторитетным для всего поколения, к которому принадлежал и П.А. Сорокин, учением Л.Н. Толстого о мощи любви, превосходящей силу научных истин. В рациональной переработке этой культурной константы проявляется влияние на П.А. Сорокина петербургского правоведа Л.И. Петражицкого. В одном из трудов Л.И. Петражицкого упоминается о согласии с ним немецкого философа и правоведа Р. Штаммлера, который в своей книге процитировал его высказывание, что целью правопорядка является «состояние любви между людьми» [Петражицкий, 2011: XI]. Такое «самоцитирование» одного из университетских учителей Сорокина подтверждает его замысел рациональной разработки теории общества на основе амитологии.

Планы развития дисциплины в статье «Социология как специальная наука». Эта статья вышла в Германии в момент начала работы П.А. Сорокина в Гарварде и в одно время с формированием факультета социологии в Гарвардском университете в рамках международного симпозиума на тему «Социология сегодня», организованного социологом и антропологом Р. Турнвальдом (1869–1954) на страницах журнала «Социологус. Журнал психологии народов и социологии». К симпозиуму были привлечены многие видные американские и европейские социологи. Статья еще раз была опубликована в сборнике материалов симпозиума в 1932 г.

В статье подчеркнута преемственность в понимании предмета социологии с российским периодом: книгой «Система социологии» (1920) и с «Теориями», созданными уже в Миннесоте. В ней автор пользуется теоремой Петражицкого о необходимости n+1-го научного описания общества, согласно которой социология выступает обобщением других социальных наук в исследованиях «причинных и функциональных связей между различными классами социальных феноменов» и поэтому занимает наивысшую позицию в иерархии наук об обществе². В публикуемой статье данная методологическая установка доходчиво представлена участникам симпозиума и читателям журнала предлогом-термином «между» (между научными дисциплинами об определенных классах антропосоциальных явлений), термином «посреднические отношения». Кроме того, в статье под термином «транссубъективное наблюдение» содержится указание на обращение к гносеологии философа-интуитивиста Н.О. Лосского (1870–1965), разработавшего целостную программу интуитивизма, которая повлияла на метод «Динамики» как три системы истины (веры, разума и чувств). Данные методологические установки Сорокина преемственны и последовательны.

В статье содержится и самостоятельное предложение методологической стратегии обеспечения достоверности результатов социологии, состоящей в одновременном использовании разных методов анализа и оценки эмпирического материала. «Необходимо подходить к одному и тому же классу феноменов с использованием нескольких разных методов, чтобы проверить достоверность результатов, достигнутых лишь одним из них, с помощью результатов, полученных другими методами», – рекомендует П.А. Сорокин [Sorokin, 1930: 6]. Если разные методы «свидетельствуют» об одном и том же результате,

²Реконструкция теоремы Петражицкого, включая названные «классы социальных феноменов», проведена в статье Е.В. Тимошиной, в которой также показано ее влияние на творчество П.А. Сорокина [Тимошина, 2019].

то вывод достоверен, бесспорно доказан. Он не преминул последовать своему методологическому требованию и в «Динамике». К этому беспрецедентному по масштабности исследованию европейской культуры и использованным в нем методах можно относиться по-разному, но итоговый вывод о двух мегаволнах европейской культуры, наблюдаемых в течение 2,5 тыс. лет, является доказанным с помощью методологической стратегии, предложенной в публикуемой статье. Первым на это достижение обратил внимание немецкий рецензент «Динамики» Л. фон Визе. «Чтобы повысить достоверность результатов изучения материала, почти всегда его помощникам, работавшим независимо и часто далеко друг от друга, была поручена разработка одних и тех же вопросов... – сообщает он читателю, подчеркивая, что независимые исследователи, привлеченные им, пришли к одним и тем же результатам, следовательно, они доказательны [Wiese, 1937: 373]. Предложенная в статье методологическая стратегия предвосхищает современные дискуссии о «смешивании методов» исследования, их триангуляции.

Подробный анализ реферативно изложенного в статье наброска плана преподавания социологии для Гарвардского университета и университетского образования в целом увел бы данные комментарии в относительно самостоятельную область истории социологического образования, для которой здесь недостаточно места. Вместо этого подчеркнем лишь вслед за социологом дефицит времени для выработки такой универсальной концепции преподавания социологии (см. подробнее: [Сорокин, 1992: 174–177]). Здесь достаточно еще раз отметить ее универсальность, учитывающую возможности как первоклассного, так и рядового университета.

Примечательным во всех трех статьях является выраженное стремление их автора к лидерству в социологии. Оно проявляется в попытке объединить других социологов вокруг своих планов развития научной дисциплины. Сорокин заявляет о своей «миролюбивости» (терпимости) в отношении других научных позиций, даже несмотря на уверенность в логически доказанной правильности своего понимания предмета и структуры социологии и одновременно нетерпимости к псевдонауке [Sorokin, 1930: 6]. Есть основание полагать, что в данном случае терпимости к чужому мнению и миролюбия П.А. Сорокин последовал примеру кёльнского организатора социологии Л. фон Визе, продемонстрированному в его толерантной рецензии «Теорий» [Wiese, 1929]. Сорокин следует подобной толерантности во всех трех статьях.

Лидерству сопутствуют конкуренция и компромиссы, взаимное признание и поддержка последователей. В связи с этим отметим одно странное обстоятельство, когда непосредственно связанные статьи об экспериментах в социологии оказались опубликованными в разных журналах. «Производительность труда» – в «Кёльнском ежеквартальнике социологии» (издатель Л. фон Визе), а «Эксперименты в социологии» – в «Журнале психологии народов и социологии» (издатель Р. Турнвальд). Там же вышла статья «Социология как специальная наука». Эта странность объяснима лишь с учетом влияния конкуренции между журналами в немецкой социологии тех лет.

Влияние журнальной конкуренции на размещение статей Сорокина. Библиографическое и архивное исследование, в основном редакционной корреспонденции «Журнала психологии народов и социологии», свидетельствует о том, что борьба за роль основной площадки общесоциологической дискуссии ко времени рассматриваемых публикаций была весьма напряженной. Самые первые публикации Сорокина в Германии состоялись в «Социологическом ежегоднике», издаваемом Г. Саломоном-Делатуром (1892–1964) и одновременно в «Кёльнском ежеквартальнике...» Л. фон Визе. Так как вышло в свет всего 3 выпуска «Ежегодника», данное издание, задуманное как международное, больше не участвовало в издательской конкуренции, но «Кёльнский ежеквартальник», издававшийся в 1921–1934 гг., не сделался монополистом вышеназванной роли в социологии. Соперником ему стал «Журнал психологии народов и социологии», основанный в 1925 г. В 1930 г. этот журнал стал двуязычным, а к его названию добавилось слово «Социологус». П.А. Сорокин был приглашен издателем Р. Турнвальдом (Берлин) в члены его редакции.

К тому времени в журнале уже была опубликована его статья «Эксперименты в социологии», рассмотренная выше, написанная еще в Миннесоте, его же статья о социологии как научной и учебной дисциплине была помещена в нем позже, когда автор уже был в Гарварде. Издательские интересы Р. Турнвальда и лидерские устремления П.А. Сорокина оказались в соответствии на фоне межжурнальной конкуренции.

Проиллюстрируем ее выдержками из редакционной корреспонденции журнала «Социологус». «Не могу отделаться от впечатления, что англичане испытывают известный рессинтемент против журнала "Социологус" как немецко-американского предприятия», – пишет 18.10.1932 редактор В. Мюльман издателю журнала Р. Турнвальду³. 15.11.1932 он же сообщает: «Впервые журнальная рубрика рецензий наполовину представлена англоязычными... Я за то, чтобы довести этот объем до одного печатного листа... Это, собственно говоря, возможно, так как не стоит заниматься лишь "немецкой" социологией. Какаялибо серьезная конкуренция нам не грозит», – полагает он и с сарказмом добавляет: «Кёльнский журнал является чисто институтским изданием фон Визе: Едо в начале, Едо в середине, Едо в конце». В дальнейшей переписке (Мюльман и Турнвальд) от 15.11.1932 добавлено: «Весьма важно, что "кёльнские" стремятся быть органом Немецкого социологического общества. Нам хорошо бы рассчитывать на кое-что получше – стать органом Международного института социологии».

Еще красноречивее о соперничестве свидетельствует редакционная корреспонденция, вызванная подозрениями в конкуренции со стороны «Журнала социальных исследований», учрежденного основателем франкфуртской школы в социологии, директором Института социальных исследователей во Франкфуртском университете М. Хоркхаймером (1895–1973). Хоркхаймер в письме к Турнвальду от 7.11.1932 стремится развеять подозрения: «Сожалею о вашей позиции, тем более что сам испытываю огромное уважение к вашим научным достижениям. До тех пор, пока я не узнал от господина д-ра Кольхаммера о ваших подозрениях, я не верил в то, что журнал нашего Института может рассматриваться как конкурент журнала "Социологус"», – пишет он. И разъясняет: «Что касается содержания журнала, то он, прежде всего, предназначен для публикации важных статей и результатов исследований сотрудников нашего Института». В ответном письме от 15.12.1932 Р. Турнвальд удовлетворенно отвечает: «Ваше дружеское разъяснение очень приятно... Я тоже надеюсь, что оба журнала могли бы дополнять друг друга». П.А. Сорокин не публиковался в неомарксистском журнале Хоркхаймера, но журнал кратко объявлял о выходе в свет его книг.

Содержание редакционной переписки журнала «Социологус» на фоне конкуренции позволяет точнее понять интерес П.А. Сорокина к именно к этому периодическому изданию и ответный интерес журнала к нему как к социологу из Гарварда. Именно по этой причине две его непосредственно связанные статьи об экспериментах оказались «разорванными» между «Кёльнским ежеквартальником» и журналом «Социологус», а публикация третьей из рассмотренных статей логично оказалась именно в последнем. К тому же в двуязычном журнале уменьшилась необходимость в переводах рукописей статей с английского на немецкий язык. С 1931 г. он печатается в данном журнале, как правило, на английском.

Заключительные замечания. Три немецкие статьи, публикуемые в переводе на русский язык в данном журнале, дополняют творческую биографию Сорокина, во многом передавая ход его социологической мысли при смене университета Миннесоты на Гарвард, где открылись новые возможности исследований и организации науки.

Статьи позволяют проследить некоторые линии преемственности его творчества с российским периодом научной биографии, характеризуют рост его научного авторитета и выработку новых творческих планов. Прежде всего, это создание эффективного плана

 $^{^3}$ Здесь и далее корреспонденция цитируется по материалам редакционного архива журнала «Социологус» в Йельском университете, США: Richard Thurnwald Papers. Manuscripts and Archives Yale University Library.

преподавания социологии для одного из престижнейших университетов мира и его адаптация для рядового университета. То, что эти весьма важные статьи и замыслы оказались опубликованы в Германии, обусловлено как личными лидерскими устремлениями П.А. Сорокина – ученого, его способностью налаживать сотрудничество с коллегами, так и ролью случая: Гарвардский университет еще в 1925 г. планировал учредить кафедру социологии, но не находил подходящих специалистов на должность профессора. Выбор руководством университета именно П.А. Сорокина – следствие его растущего авторитета в науке, связанного с публикацией нескольких монографий, вышедших в свет к тому времени, особенно его «Теорий».

Значение данных немецких статей следует уже из оценки состояния социологии одним из участников дискуссии в журнале «Социологус» Ф. Тённисом. В предисловии к восьмому изданию своей книги «Общность и общество» (1936) он отмечает, что «в немецкоязычном пространстве развитие социологической теории с некоторых пор и застопорилось, но в остальном мире оно по-прежнему продолжается» [Теннис, 2002: 5–6]. Это обобщение охватывает ситуацию в социологии в Германии при нацистах в сопоставлении с внешним миром и не требует особых комментариев.

Отметим некоторые вопросы, поднятые Сорокиным в публикуемых статьях, но оставленные здесь без должного внимания. Речь идет, во-первых, о теории идеологии, обозначенной в статьях критикой большевизма, других идеологий, политиканства, а также художественным образом Тартюфа (герой комедии Мольера, излюбленная иллюстрация П.А. Сорокиным лицемерия и расхождения между словами и делами), указывающим на идейную связь с книгой «Социология революции». Во-вторых, это дальнейшее развитие методологических установок П.А. Сорокина от умеренного бихевиоризма, о котором здесь напоминает термин «речевые реакции» к логико-смысловой методологии в «Динамике», признаков которого в статьях немного, но они есть. Далее, это полемика об антропологических качествах человека, которая ведется не только с М. Вебером, но и с марксизмом (соревновательность в труде), судя по экспериментам и ссылкам на петроградские исследования труда в одной из дальнейших его публикаций, о чем упоминалось выше. Есть и другие даже незатронутые здесь вопросы.

В заключение несколько слов об интересе П.А. Сорокина к немецкой науке в целом. Напомним, что до Второй мировой войны она лидировала, в том числе в науках о культуре, достижения в которых были отмечены Нобелевскими премиями. Немецкий язык был премиущественным языком европейской науки. Образованная молодежь изучала его так, как сейчас учат английский, чтобы читать сочинения немецких коллег в оригинале.

При публикации сочинений в Германии П.А. Сорокин, прошедший научную социализацию в русской социологии, значительно ориентированной на французскую, включился в научную коммуникацию на английском языке, но влияние передовой немецкой науки от этого не уменьшилось. Судя по вышеуказанной редакционной корреспонденции, в публикациях в немецких периодических изданиях П.А. Сорокин пользовался услугами переводчиков. Их работу обычно оплачивал он сам, отказываясь от авторского гонорара за статьи в пользу переводчика. Гонорар, составлявший обычно 50 рейхсмарок (RM) за 1 печатный лист при курсе свыше 4 RM за 1 долл. и при средней зарплате в Веймарской республике несколько менее 200 RM был для переводчика привлекателен, а для высокооплачиваемого американского профессора сумма в 10 долл. была ничтожной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2020. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: эмоциональная психология. 2-е изд. М.: Либроком, 2011.

- Сапов В.В. Комментарии // Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А.К. Конюхова, В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2020. С. 689–741.
- Сапов В.В. О книге Питирима Сорокина «Пути и могущество любви» (The ways and power of love) // Наследие. 2015. № 1(6). С. 147–149.
- Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ., общ. ред., предисл. и примеч. А.В. Липского. М.: Терра; Московский рабочий, 1992.
- Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А.К. Конюхова, В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2020.
- *Тённис* Ф. Обшность и общество: основные понятия чистой социологии. СПб.: В. Даль. 2002.
- Тимошина Е.В. Социология как «строгая наука»: незавершенный проект Л.И. Петражицкого // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 115–125. DOI: 10.31857/S013216250007745-2.
- Jeffries V. Love in Marital and Family Relationships: Meaningful Structures and Interaction Processes // Наследие. 2020. № 2(17). С. 74–95. DOI: 10.31119/hrtg.2020.2.5.
- Sorokin P. Amitology as an Applied Science of Amity and Unselfish Love // Soziologische Forschung in unserer Zeit; ein Sammelwerk Leopold von Wiese zum 75. Geburtstag / Ed. by K.G. Specht. Köln: Springer, 1951. P. 277–279.
- Sorokin P. Arbeitsleistung und Entlohnung (Experimentelle Untersuchungen bei Kindern im Alter von 3 4 Jahren und von 13 14 Jahren) // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. 1928a. Jg. 7. Nr. 2. S. 186–198.
- Sorokin P. Die Soziologie als Spezialwissenschaft // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1930. Jq. 6. Nr. 1. S. 1–9.
- Sorokin P. Experimente zur Soziologie. Über die Intensität gewisser in Handlungen und Worten zutage treffender Gesellungserscheinungen (Altruismus), in Zusammenhang mit sozialem Abstand // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1928b. Jg. 4. H. 1. S. 1–10.
- Sorokin P., Tanquist M., Parten M., Zimmerman C. An Experimental Study of Efficiency of Work under Various Specified Conditions // American Journal of Sociology. 1930. Vol. 35. No. 5. P. 765–782. DOI: 10.1086/215194.
- Wiese L. von. Ideenkultur und Sinnenkultur. Zu Pitirim Sorokins Lehre von der Dynamik des sozialen und kulturellen Lebens // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1937/38. Jg. 31. Nr. 3. S. 371–385.

Статья поступила: 03.08.21. Финальная версия: 16.10.21. Принята к публикации: 01.12.21.

BETWEEN MINNESOTA AND HARVARD: COMMENTS ON THREE GERMAN JOURNAL ARTICLES BY P.A. SOROKIN IN 1928 AND 1930

GOLOVIN N.A.

St. Petersburg State University, Russia

Nikolay A. GOLOVIN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (n.golovin@spbu.ru).

Acknowledgements. The research was funded by RFBR according to the project No. 20-011-00451. Abstract. The Russian-American sociologist P.A. Sorokin (1889–1968) published several articles and reviews in German sociological journals in the 1920s and 1930s. Three of them are "Efficiency of Work and Remuneration" and "Experiments in Sociology" (1928), "Sociology as a Special Science" (1930). The articles reflect the growth of his scientific authority sinse publication of his books, an invitation to Harvard, to the editorship of the German-American journal "Sociologus". The publication of this articles in Russian and commentaries to them reveals little-known issues of the sociology institutionalization and P.A. Sorokin's scientific biography.

Keywords: Pitirim A. Sorokin, general sociology, German sociology, institutionalization of sociology, experiments in sociology, sociology teaching.

REFERENCES

- Jeffries V. (2020) Love in Marital and Family Relationships: Meaningful Structures and Interaction Processes. *Nasledie* [Heritage]. No. 2(17): 74–95. DOI: 10.31119/hrtg.2020.2.5.
- Petrażycki L. (2011) Introduction to the Study of Law and Morality: The Emotional Psychology. 2nd ed. Moscow: Librocom. (In Russ.).

- Sapov V.V. (2015) About the book by Pitirim Sorokin "The Ways and Power of Love". *Nasledie* [Heritage]. No. 1(6): 147–149. (In Russ.)
- Sapov V.V. (2020) The Comments. In: Sorokin P.A. Contemporary Sociological Theories through the First Quarter of the Twentieth Century. Transl. by A.K. Konyukhov, V.V. Sapov; the Introd. art. and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: OOO "Anbur": 689–741. (In Russ.)
- Sorokin P. (1928a) Efficiency of Work and Remuneration (An Experimental Study of Children 3–4 and 13–14 Years Old). Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie und Sozialpsychologie [Cologne Journal of Sociology and Social Psychology]. Vol. 7. No. 2: 186–198. (In Germ.)
- Sorokin P. (1928b) Experiments in Sociology: About the Intensity of Certain Social Phenomena that are Evident in Actions and Words (Altruism) in Connection with Social Distance. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie [Journal of Ethnopsychology and Sociology]. Vol. 4. No. 1: 1–10. (In Germ.)
- Sorokin P. (1930) Sociology as a Special Science. Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie [Sociologus. Journal of Ethnopsychology and Sociology]. Vol. 6. No. 1: 1–9. (In Germ.)
- Sorokin P. (1951) Amitology as an Applied Science of Amity and Unselfish Love. In: Specht K.G. (ed.) Sociological Research in Our Time: A collection of works by Leopold von Wiese to his 75th Anniversary. Cologne: Springer: 277–279. (In Germ.)
- Sorokin P.A. (1992) A Long Journey: The Autobiography of Pitirim Sorokin. Transl. from Eng., common. ed., compos., foreword and comments by A.V. Lipsky. Moscow: Terra; Moskovskiy rabochiy. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2020) Contemporary Sociological Theories through the First Quarter of the Twentieth Century. Transl. by A.K. Konyukhov and V.V. Sapov; the Introd. Art. and Comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: OOO "Anbur". (In Russ.)
- Sorokin P., Tanquist M., Parten M., Zimmerman C. (1930) An Experimental Study of Efficiency of Work under Various Specified Conditions. *American Journal of Sociology*. Vol. 35. No. 5: 765–782. DOI: 10.1086/215194.
- Timoshina E.V. (2019) Sociology as a "Strong Science": Leon Petrazhitsky's Unfinished Project. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 12: 115–125. DOI: 10.31857/S013216250007745-2. (In Russ.)
- Tönnies F. (2002) Community and Civil Society: Fundamental Concepts in Pure Sociology. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Weber M. (2020) Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. Moscow: AST. (In Russ.)
- Wiese L. von. (1937/38) Ideational Culture and Sensate Culture: On Pitirim Sorokin's Doctrine of the Dynamics of Social Life. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie* [Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy]. Vol. 31. No. 3: 371–385. (In Germ.)

Received: 03.08.21. Final version: 16.10.21. Accepted: 01.12.21.

П.А. СОРОКИН

ЭКСПЕРИМЕНТЫ В СОЦИОЛОГИИ. О СТЕПЕНИ ВЫРАЖЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ТОВАРИЩЕСТВА (АЛЬТРУИЗМА) НА ДЕЛЕ И НА СЛОВАХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ

Понятие товарищества (Gesellung) может иметь разные значения. Здесь под ним понимается готовность помогать другим людям, поддерживать их или оказывать им какиелибо иные услуги. Таким образом, здесь речь идет об альтруистической стороне товарищества¹. Данная форма поведения может проявляться как в деле, так и в словах. В словах – это когда она выражается лишь в речевой реакции, в деле – когда она реализуется в реальных поступках, полезных другим людям.

Известно, что степень выраженности товарищества (Vergesellung) среди отдельных индивидов весьма различается. Один и тот же человек проявляет разную степень товарищеской поддержки отдельных людей и групп. Например, товарищество среди членов семьи обычно очень велико, в то время как в отношении незнакомых лиц и групп оно незначительно. Во втором случае оно часто становится даже негативным, меняется на необщительность (Ungeselligkeit) и даже на готовность причинить вред.

Несмотря на известность этого обстоятельства, до сих пор нет более или менее точного метода измерения явлений товарищеской поддержки (Geselligkeitserscheinungen). Также весьма мало сделано и для изучения условий, определяющих, почему и к кому индивид проявляет высокую, низкую или негативную степень товарищества (Gesellungsgrad). Проблема соотношения товарищества на деле и на словах до сих пор тоже едва ли изучалась.

В данной статье изложены результаты двух экспериментальных исследований в указанном направлении. Разумеется, они могут рассматриваться лишь как материал для дальнейшего изучения без обобщения за пределы исследованных социальных групп. Прежде чем перейти к каким-либо обобщениям, нужны дальнейшие эксперименты. Методы измерения товарищеской поддержки в экспериментах также следует рассматривать лишь как пробные попытки поиска надежных методов. С учетом таких оговорок обратимся к исследованиям.

Критерии (тесты) товарищества на деле. У нас есть так называемые «интеллектуальные тесты», позволяющие измерять умственные способности, но нет аналогичных тестов на товарищество. Однако теоретически и практически важно задать критерии товарищества. Чтобы подступиться к этой проблеме, я предпринял эксперименты на детях дошкольного возраста, причем следующим образом: при полностью одинаковых условиях в отношении продолжительности, вида труда и так далее <сделал так, чтобы> одни и те же дети побуждались в одном случае к труду «на себя», в другом – к работе «на своего друга». В первом случае поощрение за труд выдавалось самим детям, во втором случае – их друзьям. Если товарищество между ребенком и его другом очень сильно, то и разница между производительностью труда «на себя» и «на друга» должна была быть незначительной. Если товарищество развито слабо, то разница в производительности труда должна быть велика, то есть она растет пропорционально уменьшению степени товарищества. Таким образом, в данном случае производительность труда была использована

Перевод с немецкого на русский язык, примечания и комментарии выполнены Н.А. Головиным при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-00451 по изданию: [Sorokin, 1928b].

как «термометр» «товарищества на деле». Серия из 6 парных экспериментов на 4-х детях показала следующее. Во-первых, интенсивность товарищеской взаимопомощи даже с «лучшим другом» дает более низкую производительность труда, чем работа «на себя». Общее количество достигнутых рабочих показателей (количество перенесенных мячей, шаров) в 6 парных экспериментах было таким: 282 при работе на «на себя», когда поощрение следовало самим работающим детям, и лишь 212 в случае работы «на друга», если вознаграждение за труд выдавалось другу. Во-вторых, четверо детей проявили явные различия в своих альтруистических установках. Некоторые из них показали относительно слабое различие в производительности труда «на себя» и «на друга»; другие оказались весьма производительными в работе «на себя» и весьма инертны в работе «на друга» (см. точное описание этих экспериментов в моей статье в журнале Kölner Vierteljahsrhefte für Soziologie. Vol. 5, Heft 1, 1927²). Я считаю данный тест на товарищество довольно надежным, если применять его правильно. Если мы варьируем условия его применения, то можно шаг за шагом выявлять более или менее социально настроенных индивидов и выяснять, в отношении кого и при каких обстоятельствах они ведут себя социально либо асоциально.

К сожалению, данный тест на товарищество не всегда может быть использован при таких обстоятельствах. Поэтому я создал для моих студентов Университета Миннесоты другой метод, позволяющий установить, как меняется их социальное поведение с увеличением социальной дистанции с разными социальными группами. В данном случае деньги, которые студенты готовы были пожертвовать на три указанные ниже цели, были «термометром» для измерения их товарищества. Разумеется, такого термометра мало, чтобы сравнивать социальную позицию разных индивидов, так как богатый может дать больше, чем бедный, но оказаться менее социальным. Однако денежная сумма от одного и того же индивида, единовременно пожертвованная в пользу разных социальных групп, кажется довольно неплохим критерием социальности личности по отношению к этим разным социальным группам. С таким предположением автор однажды обратился вместе с Г.Р. Хосеа (H.R. Hosea) и О.Д. Дункан (O.D. Duncan), преподавателями социологии в Университете Миннесоты, к шести группам студентов-социологов с просьбой пожертвовать деньги, кто сколько сможет, на три цели: 1) на приобретение диаграмм и калькуляторов для своего учебного отделения; 2) для трех талантливых студентов-социологов, разоренных недавним наводнением на реке Миссисипи и поэтому вынужденных бросить учебу, если им не помочь; 3) помощь по линии международного студенческого движения китайским и российским студентам университетов, умирающим от голода. Студентам было сказано, что диаграммы и калькуляторы будут им весьма полезны на экзаменах. Затем мы ярко изобразили им бедственное положение талантливых студентов, домохозяйства которых разорены недавним наводнением на реке Миссисипи. Аналогично мы живописали им критическое положение китайских и русских студентов. На некоторое время каждый из нас сделался актером, чтобы убедить студентов, что мы вполне серьезно собираемся найти деньги на три указанные цели.

Во всяком случае, мы делали все, чтобы студенты не заметили экспериментальную подоплеку нашего поведения. Каждому из них был выдан бланк с просьбой указать сумму денег, которую он сейчас же может пожертвовать на каждую из трех названных целей. Теперь, после обработки собранных заявлений, можно продемонстрировать результаты.

Характеризуя социальные группы, для которых нужно собрать деньги, следует подчеркнуть, что первая представляет собой само отделение, где учатся студенты, вторая состоит из студентов одного из отделений университета, но не того, из которого делаются пожертвования. Таким образом, вторая группа студентов более социально удалена от жертвователей, чем первая. Третья группа студентов отстояла от них еще дальше, пусть это тоже студенты, но китайские и русские. Таким образом, социальная дистанция увеличивается от первой группы к третьей. Важность поддержки, наоборот, снижается от третьей группы к первой: русским и китайским студентам помощь нужна, чтобы не умереть от голода, вторая группа рискует оставить учебу по экономической причине. В случае третьей

группы речь идет лишь о возможности облегчить себе подготовку к экзаменам. Если бы социальная дистанция не играла никакой роли в готовности оказать помощь, то ожидалось бы, что пожертвования на вторую и третью цели будут, по крайней мере, не меньше, чем на первую, а количество студентов, которые дали бы деньги на нее, конечно, было бы не меньше, чем число жертвователей на первую цель. Между тем реальная картина отличается от этого предположения и видна из следующей табл. 1.

Таблица 1 Пожертвованные денежные средства и число жертвователей на каждую цель 3

	Пожертвованные денежные средства			Число жертвователей на:			
Группы студентов- социологов	«цель» І Диаграммы и прочее для своего отделения	«цель» II Для нуждающихся студентов Универ- ситета Миннесоты	«цель» III Для китайских и русских студентов	цель I	цель II	цель III	на все цели
	\$	\$	\$	42	22	22	F0
I	7,30	6,00	3,55	43	33	23	50
II	6,25	3,90	2,65	27	16	11	30
III	5,30	6,60	5,00	40	36	29	42
IV	6,75	5,75	2,25	23	22	10	27
V	11.10	6,05	5,75	20	15	14	20
VI	11,55	4,70	3,25	32	16	12	33
Всего	48,25	33,00	22,45	185	138	99	202
Сравнительные индексы (пожертвова- ния на цель I = = 100)	100%	68,4%	46,5%	100%	74,6%	53,5%	

Табл. 1 показывает, что, во-первых, несмотря на наименьшую важность цели I, одни и те же студенты пожертвовали бы на нее больше, чем на цели II и III, и что, во-вторых, несмотря на максимальную потребность в помощи, сумма денег на цель III оказалась наименьшей. Наконец, число студентов, пожертвовавших деньги на одну или все три цели, было аналогичным. Из общего количества 202 студентов, откликнувшихся на обращение (те, кто ничего не жертвовал, в таблице не учитывались), 185, то есть подавляющее большинство, пожертвовали на наименее важную цель, и лишь меньшинство жертвовали на третью цель. Конечно, кто-то дал больше денег на вторую или третью цель, чем на первую; были и такие, кто дал денег лишь на третью или вторую, но ничего не пожертвовал на первую цель. Даже видно, что в третьем учебном отделении денежные пожертвования на цель II (6,60\$) больше, чем на цель I. Однако если рассматривать результаты в целом, то явно прослеживается снижение степени готовности оказывать помощь при увеличении социальной дистанции в отношении социальных групп, нуждающихся в поддержке. Этот факт подтверждает аналогичное обобщение К. Пирсона (Pearson) и экспериментально доказывает, что «космополиты» или «интернационалисты» бывают лишь на словах. Такое социальное поведение всего человечества практически невозможно. По крайней мере, это следует из вышеизложенных результатов.

Связь между товариществом на деле и на словах

Давно известно, что нельзя судить о человеке по его речевым реакциям. Это остается в силе и тогда, когда он не пытается вольно или невольно исказить истину. Это подтверждают новые эксперименты. С помощью описанного выше эксперимента мне

хотелось бы выяснить, до какой степени реальное товарищество студентов соответствует словесному, то есть, что, по их мнению, является правильным, «надлежащим» поведением в обществе. Чтобы определить их словесное товарищество, так сказать, в «чистом виде», необходимо было, прежде всего, соблюсти два условия: во-первых, студенты не должны были заподозрить попытку выяснить связь между товариществом на деле и на словах, иначе это повлияло бы на них так, что они стали бы соответствующим образом выстраивать свои ответы, по которым мы можем судить об их товариществе на словах и, соответственно, об их товариществе на деле по их денежным пожертвованиям. В таком случае наблюдались бы всяческие «мудрствования» и «лукавства», искажающие их речевую реакцию. Во-вторых, необходимо было, по возможности, исключить любой личный интерес и все эмоциональные факторы, влияющие на ответы. Ради этого мы пошли следующим путем: собрав пожертвования, через неделю мы заявили студентам, что профессор Смит из Корнельского университета исследует отношение американских студентов к политическим и моральным проблемам, прежде всего к национализму и интернационализму, социальному равенству и неравенству. Для этого он якобы попросил нас получить от студентов ответ «верно» либо «неверно» на следующие два вопроса.

- 1. Все люди братья, и мы не должны делать различий по расовому, национальному, религиозному признаку, роду занятий, социальному положению в нашем отношении к ним и в готовности им помочь. Мы должны в равной мере хорошо относиться ко всем. Укажите ответ «верно» или «неверно».
- 2. Мы должны по-разному обращаться с людьми, помогая лишь тем, кто принадлежит к нашей расе, нации, религии, к нашему роду занятий, социальному положению. Те, кто отличается от нас в этих отношениях, пусть сами себе помогают. Укажите ответ «верно» или «неверно».

Ознакомив студентов с этими вопросами, мы сказали им, что, ответив на них, они исполнили бы просьбу профессора Смита.

После этого они получили анкеты, заполнили их и в течение нескольких дней отправили обратно. Таким образом, здесь, как и в первом эксперименте, были исключены обе опасности: студенты не подозревали, что эти вопросы были связаны с нашим предыдущим тестом, но с помощью академично сформулированных анкет, насколько это возможно, было исключено влияние личных интересов и эмоциональных факторов. Я исходил из того, что такое противопоставление товарищества студентов на словах и на деле было правильнее, чем задавать студентам вопросы типа «Сколько денег вы могли бы пожертвовать на покупку учебников для вашего отделения; сколько денег вы пожертвовали бы для студентов Университета Миннесоты, которые по бедности не могут продолжать учебу, и сколько бы вы пожертвовали для китайских студентов, которым грозит голодная смерть?». Такое противопоставление было бы намного честнее, но тогда оно явно указывало бы на связь с прежними просьбами о пожертвованиях и потому сильно повлияло бы на речевую реакцию студентов. Поэтому я предпочел задать им два вышеуказанных вопроса. Пусть они и не были вполне конкретными, но требовали ясного ответа практически на те же самые вопросы, что и в случае денежных пожертвований. Если студент отвечает на первый вопрос «верно», а на второй – «неверно», то он явно склоняется к общей солидарности, требующей одинаковой поддержки всех с учетом их нужд. Этот ответ соответствовал бы денежному пожертвованию в пользу китайских и русских студентов, а также пожертвованию на цели I и II. Однако очевидно, что такой ответ несовместим с пожертвованиями на цель III, если они были бы меньше, чем на цели I и II; он был бы также несовместим с незначительными пожертвованиями на цели I или II, либо на цели I и II без пожертвований на цель III. Наоборот, если студент отвечает на первый вопрос «неверно», а на второй – «верно» и при этом жертвует деньги на цель III, причем больше, чем на цели I или II, либо если он жертвует деньги только на цель III, то вновь очевидно различие между словом и делом. Данные краткие комментарии поясняют, почему ответы на оба вопроса являются в принципе ответом на тот же самый вопрос, ранее заданный

студентам при сборе бланков заявлений с указанием суммы денежных пожертвований, и почему выраженное так товарищество на деле можно противопоставить товариществу на словах, как оно проявилось в ответах студентов на оба вопроса. В конечном итоге оба эти эксперимента дают ответ на вопрос, что здесь понимается под «последовательным» и под «расходящимся» товариществом испытуемых студентов на словах и на деле. Следует кое-что добавить о речевом товариществе у студентов.

Первой конкретной характеристикой их социальной установки, выраженной на словах, является то, что здесь равенство и интернационализм выступают гораздо сильнее, чем в их социальных действиях. В табл. 1 показано, что подавляющее большинство студентов в случае денежных пожертвований четко различает три поддерживаемые группы и действует максимально в пользу первой и не в пользу третьей группы. В своей словесной реакции подавляющее большинство студентов, а именно 154 из 179 = 86%, четко ответило на первый вопрос – «верно», а на второй – «неверно». Таким образом, на их действия повлияла социальная дистанция, в то время как в своей речевой реакции они в основном разделяют лозунг всеобщего равенства и братства.

Отсюда следует непомерное расхождение между словом и делом, наблюдаемое у студентов.

Это расхождение еще заметнее при поэтапном анализе и сопоставлении товарищества на словах и на деле. Основание тому дает нижеприведенная табл. 2 с данными о товариществе студентов на словах и на деле, в которой к несовместимым отнесены лишь речевые реакции, явно противоречащие социальным действиям студента, что следует из величины его пожертвований на каждую из трех вышеуказанных целей.

Таблица 2

Учебные группы	Количество ответов,	Количество ответов,	Неопределенные	Общее коли-
студентов-	соответствующих	не соответствующих	ответы: ни соответст-	чество ответов
социологов	товариществу	товариществу	вующие, ни	в каждом
СОЦИОЛОГОВ	на деле	на деле	несоответствующие	отделении
1	4	23	14	41
II	6	14	8	28
III	19	7	12	28
IV	8	12	1	21
V	7	12	1	20
VI	5	23	3	31
Всего	49	91	39	179
В процентах	27,4%	50,8%	21,8%	100%

Из табл. 2 видно, что 50% студентов демонстрируют явное расхождение товарищества на деле и на словах и лишь 27% из них последовательны в этом отношении. Большие различия такого рода в результатах данного эксперимента без влияния какого-либо личного интереса или возможности умышленного искажения действительности весьма примечательны. В соответствии со многими новыми данными об отсутствии или малой корреляции между словами и действиями человека, его пониманиями правомерного и неправомерного и о моральных поступках данный результат еще раз ясно показывает, сколь ненаучно судить о людях, социальных группах или исторических периодах по речевым реакциям этих людей, поскольку некоторые из них непроизвольно искажают ситуацию. Полученный результат предостерегает и от любых предсказаний будущего развития современного общества по его расхожим идеологиям и речевым реакциям. Если даже в нашем эксперименте проявляется столь сильное расхождение поведенческой и речевой реакции, то стоит ли удивляться еще большим расхождениям слова и дела у коммунистов, социалистов и революционеров? Они, думается, в своих делах асоциальны, что видно по

русским коммунистам и их приспешникам. Стоит ли удивляться тому, что на заседаниях Лиги Наций и в клубах с энтузиазмом упражняются в пацифистских речах, но в то же время эти нации наращивают вооружения? Результаты наших экспериментов создают основу, на которой следовало бы серьезно оценить научную значимость исторических и социальных исследований, базирующихся в основном на материалах речевых реакций. Поскольку значительное большинство людей на словах намного более социальны и космополитичны, чем на деле, данное исследование предостерегает от переоценки космополитических и интернациональных проявлений солидарности и недооценки социальной дистанции и роли, которую она играет у человека, живущего в современных социальных общностях. Многие социальные группы, на словах вообще не делающие различий по национальности, религии, расе и роду занятий, могут на деле руководствоваться в значительной степени чувством социальной «дистанции». Это проявилось в 1914 г. у большинства социалистов и интернационалистов, когда война подвергла их социальную позицию серьезному испытанию⁴; аналогичные процессы мы наблюдаем сейчас в Соединенных Штатах. По новому закону о мигрантах товарищество на деле явно отступает от основополагающих принципов американского товарищества на словах, как оно звучит в Декларации о независимости и в Конституции. Такие примеры многочисленны и есть в любые времена. В свете приведенных выше результатов они понятны и вполне ожидаемы⁵.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин «Gesellung» означает в немецких разработках экономической социологии поведение, направленное на поддержку совместной жизни с другими людьми. Он переведен на русский с учетом контекста как «товарищество», «товарищеская взаимопомощь». Это значение передано в производных от него терминах: степень выраженности товарищества (Vergesellung), явления товарищеской поддержки (Geselligkeitserscheinungen), степень товарищества (Gesellungsgrad). Благодарю за помощь в переводе этого термина коллегу А.А. Зотова (Москва).

² Библиографическое описание с указанным годом публикации см.: [Sorokin, 1928a].

³ Данная таблица с небольшой модификацией и фрагментом текста вошла в книгу П.А. Сорокина «Пути и могущество любви» (1954), глава 2, см.: [Сорокин, 2015].

⁴ Речь идет о голосовании за предоставление военных кредитов парламентами европейских стран в начале Первой мировой войны при участии социалистических и рабочих партий. Оказалось, что солидарность рабочих и буржуазных партий сильнее, чем международная солидарность социалистических партий.

⁵ Переводчик рукописи данной статьи с английского языка на немецкий не указан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сорокин П.А. Пути и могущество любви // Наследие. 2015. № 1. С. 150–191.

Sorokin P. Arbeitsleistung und Erholung (Experimentelle Untersuchungen bei Kindern im Alter von 3 – 4 Jahren und von 13 – 14 Jahren) // Kölner Viertelsjahrshefte für Soziologie. 1928a. Jg. 7. Nr. 2. S. 186–198.

Sorokin P. Experimente zur Soziologie. Über die Intensität gewisser in Handlungen und Worten zutage treffender Gesellungserscheinungen (Altruismus), in Zusammenhang mit sozialem Abstand // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1928b. Jg. 4. Nr. 1. S. 1–10.

EXPERIMENTS IN SOCIOLOGY. ON THE DEGREE OF EXPRESSION OF SOME FEATURES OF SOLIDARITY (ALTRUISM) IN DEED AND IN WORD IN RELATION TO SOCIAL DISTANCE

SOROKIN P.A.

Acknowledgements. The translation of this article from German into Russian and its preparation for printing by N.A. Golovin was funded by RFBR according to the project No. 20-011-00451.

П.А. СОРОКИН

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ И ПООЩРЕНИЕ ТРУДА (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ДЕТЯХ 3–4 И 13–14 ЛЕТ)

История современных физико-химических и биолого-номотетических наук показывает. что в зрелой стадии своего развития все они без исключения стали экспериментальными. Благодаря эксперименту они добились наиболее ценных результатов. Если социология является номотетической наукой и претендует на формулировку правил, точно описывающих функциональные и причинные связи в области социальных явлений, то рано или поздно должно прийти время экспериментального изучения ее проблем. Если социология должна стать базой для социальных реформ, требующих научного обоснования, то стадия эксперимента (при экспериментах автору помогала г-жа Милдред Партен (Mildred Parten)) неизбежна, а тот, кто следил за развитием социологии в течение последних десятилетий, должен констатировать, что тенденция к полностью или частично экспериментальному изучению социальных явлений видна яснее. Если учесть требования великого множества социальных мыслителей, то общее направление станет еще понятнее. К сожалению, имеется глубокая расселина между программными требованиями и экспериментальной работой, действительно проделанной в социологии. Большинство приверженцев экспериментальной социологии до сих пор довольствовались лишь разговорами об «экспериментальном исследовании». Лишь меньшинство всерьез бралось за них; но и они, столкнувшись с серьезными трудностями, до известной степени отказывались от этой важной задачи. Лишь относительно немногие реализовали свои планы и создали ценные труды отчасти экспериментального характера. К ним, например, относятся многочисленные количественные и эмпирические исследования, свободные от спекуляций, но не экспериментальные в точном смысле этого слова, так как при их выполнении исследователь недостаточно контролировал все анализируемые условия. Они скорее количественно описывают ситуацию как она есть, или как она сложилась без участия исследователя. Отсюда очевидно, что ее анализ, несмотря на применяемые порой точные математические методы, часто был лишь попыткой эксперимента, иногда весьма сомнительной.

Между тем потребность в хорошо обоснованной и точной социальной науке становится все настойчивее. В таких условиях требуется по-настоящему экспериментальное изучение социальных явлений. Разумеется, препятствия для этого велики и зачастую непреодолимы: в случае множества проблем чистый эксперимент невозможен. Несмотря на это, по-моему, уже сейчас есть много областей социальных явлений, где экспериментальное исследование возможно: ряд весьма важных социальных проблем можно исследовать экспериментально. Для этого требуются только немного остроумия, знания техники постановки эксперимента, умения использовать пригодные ситуации и запас терпения.

Из вышесказанного ясно, почему автор этих строк давно обратился к экспериментальному методу исследования ряда социальных явлений. Работа все еще продолжается. В данной статье изложены основные результаты одной из таких работ. С помощью эксперимента исследовалась проблема: проявляются ли различия в производительности труда одних и тех же работников, если поощрение труда в одном случае является равным, а в другом – неравным; если, кроме того,

Перевод с немецкого на русский язык, примечания и комментарии выполнены Н.А. Головиным при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-00451 по изданию: [Sorokin, 1928a].

одно и то же поощрение в одном случае входит в общую собственность, а в другом – распределяется между отдельными лицами? Так звучит основная тема. Ее исследование привело к возникновению ряда вторичных вопросов, среди которых назову два: 1) Оказывает ли влияние на производительность труда то, что работа выполняется «исключительно по желанию», бесплатно? Если да, то как велико это влияние? 2) Остается ли производительность труда испытуемых неизменной, если поощрение за труд получают не они сами, а их друзья? На первый взгляд может показаться, что это другая проблема, относящаяся к исследованию степени альтруизма и товарищеской поддержки. Мы исследуем эти проблемы, как уже заявлено, экспериментально. Обратимся к технике исследования, а затем к его результатам.

Техника исследования и испытуемые

Эксперименты проводились в группе детей-дошкольников в возрасте 3–4 лет в детской клинике Миннесотского университета и с 3 гимназистами в возрасте 13–14 лет. Я начал с детей дошкольного возраста, потому что они еще малы и не так сильно «испорчены духом капитализма» 1, как взрослые. Кроме того, они ничего не знали об эксперименте, поэтому он не влиял на их поведение. Для них все исследования были лишь «игрой», немного трудной, иногда скучной, но все-таки «игрой». Что касается гимназистов, то они были привлечены, чтобы установить, насколько верны результаты, полученные на дошкольниках, и для подростков. Они тоже не знали цель эксперимента. Они были просто «приглашены» выполнять некую работу за деньги. После первых 2 или 3 экспериментов подростки, видимо, догадались, что речь идет о каком-то эксперименте, но что это такое, им не сообщалось, и, судя по их обращениям к родителям и родственникам, они так и не поняли, для чего они выполняли порученную работу.

Исследование проводилось в апреле-мае до начала июня 1927 г.

«Работа» детей-дошкольников состояла в том, чтобы бегом из одного угла сада детской клиники переносить мячи в другой, доставать из ящика деревянные шары, трех- и четырехугольные предметы, наполнять ведерки песком, нести их на определенное расстояние и затем высыпать песок. Работа мальчишек заключалась в том, чтобы в определенном месте реки Миссисипи наполнить ведро водой, в другой – песком и перенести емкости на определенное расстояние; затем считать точки в тексте, выполнять сложение, решать арифметические задания на вычитание, умножение и деление.

При выборе таких заданий я руководствовался следующими соображениями: во-первых, работа ни в коем случае не должна быть так интересна, что ее можно было бы делать в свое удовольствие. Она должна требовать некоторого напряжения сил и воли, иначе невозможно будет установить влияние денежного поощрения и других стимулов на ребенка. Мы убедились, что это требование для порученных заданий было обеспечено. Если в первые минуты исследования эти «игры» были «увлекательны», то позднее под действием усталости и монотонности они переставали быть «игрой», а стали «работой», которую дети уже не исполняли без стимулирующего вознаграждения. Работа мальчишек была по-настоящему тяжелой. Уже после первых 5 или 6 минут они уставали и тяжело дышали. Вторым важным условием нашего эксперимента было исключение любых субъективных оценок выполненной работы. С этой точки зрения вышеуказанные работы были выбраны верно. Все, что нужно было для измерения производительности труда – подсчет количества полных ведер, доставленных в указанное место; количество доставленных мячей, шаров и так далее. По данному пункту все.

Следующий пункт: «равенство всех условий», кроме подлежащих исследованию. Его я пытался соблюсти следующим образом: в каждой либо в нескольких сериях экспериментов участвовали те же самые испытуемые; например, 1 июня те же самые 4 ребенка выполняли ту же работу в течение тех же минут при условии, что каждый из них должен был получать 2 пенса («равное поощрение за труд»), а затем при условии, что «сделавший больше всех», получит 3 пенса, второй – 2 пенса, следующий – 2 пенса, а сделавший

меньше всех – 1 пенс; в сумме – все те же 8 пенсов, как и при равном поощрении труда. Во всей серии экспериментов работа всегда выполнялась теми же самыми 5 детьми; в некоторые дни участвовали все 5, но иногда 4, а иногда лишь 2 или 3 ребенка; но в одной и той же серии экспериментов всегда работали одни и те же дети. Гимназисты тоже были теми же во всех экспериментах. Все иные условия, по возможности, также были одинаковы: время работы, вид работы, ящики, емкости для песка, воды, расстояния для доставки воды, песка, мячей, шаров и так далее. Обеспечить «одинаковость» этих факторов была легко. Труднее было обеспечить равенство условий, вытекающих из усталости либо наработки трудовых навыков и прочего. Через 2 или 3 минуты беготни дети уставали. Если работа начиналась на условиях «равного поощрения труда», то ее интенсивность должна была бы снижаться лишь под действием усталости в следующие 2 или 3 минуты. Такое наблюдалось, если работа начиналась с «неравного» поощрения труда, которое сменялось «равной оплатой». Различия, возникающие благодаря наработке навыков и за счет других факторов, были аналогичными. Чтобы их исключить, первые 2 или 3 эксперимента не учитывались, а так как работа была простой, дети правильно могли выполнять ее со второго или третьего раза. Что касается исключения влияния усталости и других подобных факторов, то единственной возможностью здесь является проведение серии совершенно одинаковых экспериментов несколько дней подряд так, чтобы один день начинался с «равного» «коллективного» поощрения труда, а затем следовал бы день с «неравным» или «индивидуальным» поощрением, и наоборот. Если проводится серия таких парных экспериментов и затем раскрывается их средний результат, то влияние усталости и других подобных факторов почти исключается и рассчитанную таким образом разницу можно рассматривать как следствие разных видов поощрения. Это было бы тем вернее, если бы таблицы показали, что результаты ежедневных экспериментов без учета последовательности, в которой проводились работы, выполняемые за малым исключением на условиях определенного дня эксперимента, очень точно подтвердили бы то же самое в случае совместной работы в целой серии опытов с одним определенным видом поощрения за труд.

В конечном итоге мне было важно знать, что дети правильно поняли различие видов поощрения труда. Для этого были сделаны необходимые разъяснения, даны наглядные пояснения и проведены пробы. Результаты самых первых опытов, по которым еще нельзя было считать, что дети все верно поняли, не учитывались. После 2 или 3 экспериментов разница в оплате стала детям полностью понятна, что следовало из разговоров детей даже без моих или госпожи Партен вопросов.

«Поощрением» детского труда были как игрушки, так и пенсы. Само собой разумеется, что общая сумма ежедневного поощрения труда всей группы детей-работников всегда оставалась одинаковой, трудись они «группой» или «на себя», с «равной» или с «неравной» оплатой труда. Если, например, дневное поощрение труда, выделенное для «всей команды игроков», состояло из «игрушечного самолета, автомобиля и заводного мышонка», то дети получали именно эти вещи, а если они работали за личное вознаграждение, то тогда лучший работник мог сам выбрать себе игрушку, второй выбирал из оставшихся игрушек и так далее. То же самое относится и к поощрению труда в пенсах. Ребята постарше получали только денежное поощрение: каждый подросток получал 15 центов за 10 минут труда в случае «равного» поощрения труда (всего 45 центов) и 20, 15 и 10 центов в зависимости от производительности труда за 10 минут работы при «неравном» вознаграждении за труд (в сумме те же 45 центов).

Не останавливаясь здесь подробнее на менее важных пунктах, отметим, что сказанное знакомит с характером и техникой экспериментов и показывает в известном отношении, что с нашей стороны было сделано все, чтобы рассматриваемые условия сделать как можно более одинаковыми с тем, чтобы обеспечить возможность контроля всех соответствующих факторов. Обратимся к результатам.

Таблица 1 Производительность труда дошкольников при коллективной (групповой) и при индивидуальной оплате труда: длительность работы в минутах (') и секундах ('')

Количество экспери- ментов и вид работы		Количество	Длительность работы при каждом виде оплаты труда	Количество доставленных мячей или ведер с песком		
		детей, работающих в каждом парном эксперименте		при групповом вознаграждении за труд	при индивиду- альном вознаграж- дении за труд	
N N	эксперимент № 1	2	2'45"	10	11	
Тереносить мячи	эксперимент № 2	4	2'45"	22	23	
енос	эксперимент № 3	3	5'	17 ¹ / ₂	18	
Пер	эксперимент № 4	2	5'	7 2/6	9 5/6	
Всего: 4 пары экспериментов		-	15'30"	56 ⁵ / ₆	61 5/6	
СТИ	эксперимент № 5	4	3'	11	17	
Наполнять носить емкости	эксперимент № 6	3	3'	14	14	
Напол СИТЬ	эксперимент № 7	2	6'	19	18	
z T d	эксперимент № 8	2	6'	15	21	
Всего: 4 пары экспериментов		-	18'	59	70	
Итого: 8 пар экспериментов		_	33'30"	115 ⁵/6	131 5/6	

При «коллективной или групповой оплате труда» игрушки нельзя было брать «с собой домой», в личное владение, они были предоставлены детям в общую «игровую команду», где каждый из них мог играть с ними на правах «совместного владения». «Индивидуальная оплата труда» означала, что заработанную игрушку можно взять «с собой домой», ребенок получал ее с полным «правом собственности». Результаты видны из таблицы. Они гласят о том, что во всех экспериментах за исключением эксперимента № 7, в котором «индивидуальная оплата труда» способствовала более высокой производительности труда тех же самых детей, чем «групповая оплата»; однако эксперимент № 7 является лишь мнимым исключением, так как работа в этот день длилась 6 минут и была начата с группового вознаграждения. После того как дети 6 минут наполняли большие, тяжелые ведра песком и переносили их, они уставали; поэтому привлекательность индивидуальной оплаты труда не могла полностью победить усталость. Однако на следующий день, когда та же самая работа начиналась при индивидуальном вознаграждении, получилось 21 ведро песка вместо 19 днем раньше и, соответственно, лишь 15 вместо 18 ведер еще одним днем ранее. Различие в производительности труда в четырех первых экспериментах при обеих системах оплаты труда составляет разницу в 56 и 61 ведро при работе продолжительностью 15'30", в четырех последних экспериментах – разницу между 59 и 70 ведрами при работе продолжительностью 18 минут. Для всех 8 пар опытов разница составляет 131-115 за 33 минуты и 30 секунд. Учитывая малую продолжительность экспериментов, разница в производительности труда довольно велика. Если взять вместо 33 минут 333 дня, а вместо 4 и 2 работников 40 000, тогда разница превратится в огромную величину, которая в значительной степени повлияла бы на всю экономику и промышленность.

Производительность труда при оплате работнику лично или его другу. Экспериментальное исследование товарищества

В связи с вышеизложенным исследовалась разница в производительности труда, если зарплата выдается самому ребенку-работнику либо если он работает фактически на другого ребенка в группе, а тот, другой, в свою очередь работает на первого. Легко понять, что, не будь «эгоизма», производительность труда ребенка или группы детей в обоих случаях была бы одинакова. Однако если «эгоизм» есть, то и разница должна ощущаться, и чем она больше, тем менее «социальными» являются индивидуумы. Такое исследование следует считать одним из надежнейших для изучения товарищества и солидарности. Несомненно, что оно гораздо достовернее «высокопарной альтруистской риторики». Мы наблюдаем, что множество людей на словах весьма «альтруистичны» и «социальны», но дела их выдают в них величайших эгоистов. Такая двойственность часто наблюдается у коммунистов, социалистов, коллективистов, разного рода «Тартюфов»². Здесь следует отметить, что при соответствующей модификации такие исследования товарищеской поддержки можно применять везде, где требуется точно знать ее степень.

Перед экспериментом мы заранее сообщали детям, будет ли оплата труда выдана каждому лично или по их указанию их другу по рабочей группе. В таких экспериментах я убеждался, что дети действительно понимали, работают ли они «на себя» или «на своих друзей». Как и прежде, другие условия здесь также были одинаковы. Результаты видны в нижеследующей таблице.

Таблица 2

Номер эксперимента	Количество детей, работающих в каждом	Продолжительность труда	Количество перенесен- ных шаров, мячей при оплате труда	
	парном эксперименте	. ,,,	«себе лично»	«другу»
Эксперимент № 1	4	2'	35 ¹ / ₂	32 1/2
Эксперимент № 2	4	2'	32	28 ¹ / ₂
Эксперимент № 3	2	4'	33	33
Эксперимент № 4	4	4'	68 ¹ / ₂	62 ¹ / ₂
Эксперимент № 5	4	2'	30	29 1/2
Эксперимент № 6	4	2'	33	26
Всего в 6 экспериментах	_	16'	232	212

Таким образом, при работе «для себя» дети делали больше, чем ради своих лучших друзей в одной группе с ними, работая на них. Лишь в одном эксперименте (№ 3) производительность труда случайно совпала. В остальных экспериментах, как и в их совокупности, производительность труда «на себя» была выше. Иными словами, дети были в определенной степени «эгоистичны» даже в отношении своих друзей. Есть основания полагать, что «эгоизм» детей проявился бы еще сильнее, если бы они работали на малознакомых или на незнакомых детей, и разница в производительности труда была бы наверняка тем больше, чем менее знакомыми и более «чужими» были бы те, ради которых они должны были бы трудиться. Эту гипотезу следует проверить дальнейшими экспериментами.

Результаты труда при «равной» и «неравной» оплате

Далее было исследовано, остается ли производительность труда такой же, если члены группы получают «равную» и «неравную» оплату труда каждого лично, при том, что вознаграждение всей группы всегда одинаково. Эксперименты дают следующие результаты.

Таблица 3

			.,		
Количество экспериментов,	Количество детей, работающих в каждом	Продолжительность	Количество перенесенных мячей		
проведенных на малышах	парном эксперименте	труда	при равной оплате труда	при неравной оплате труда	
Эксперимент № 1	3	3'	201	219	
Эксперимент № 2	3	3'45"	246	265	
Эксперимент № 3	2	3'55"	172	195	
Эксперимент № 4	3	2'45"	142	187	
Эксперимент № 5	3	5'30"	302	349	
Всего за 5 эксперим	ІЕНТОВ	18'55"	1063	1215	
			Количество перенесенных мячей		
Эксперимент № 6	3	3'50"	20	22	
Эксперимент № 7	3	3'15"	31	34	
Эксперимент № 8	2	3'	19	20	
Эксперимент № 9	3	3'	26	29	
Эксперимент № 10	5	2'	25	31	
Эксперимент № 11	3	2'	24	25	
Эксперимент № 12	3	2'	27	27	
Эксперимент № 13	3	2'	27	29	
Всего за 8 эксперим	ІЕНТОВ	21'5"	199	217	
			Количество наполненных и перенесенных емкостей		
Эксперимент № 14	4	4'30"	14	18	
Эксперимент № 15	4	4'30"	18	18 ¹ / ₂	
Эксперимент № 16	2	3'	6	7 1/2	
Всего за 3 эксперим	іента	12'	38	44	
Итого за 16 экспери	ментов	52'	1300 1476		
Эксперименты			Количество,	наполненных	
с гимназистами			водой или песком		
			и перенесен	ных сосудов	
Эксперимент № 1	3	10'	170	227	
Эксперимент № 2	3	10'	108	138	
Эксперимент № 3	2	5'	17	23	
Всего за 3 эксперим	іента	25'	295	388	
<u> </u>			Количество	———— подсчитанных	
			точек и арифметические ошибки		
Эксперимент № 4	3	13'	4963 при 19 ошибках	4965 при 26 ошибках	
		+_			
Эксперимент № 5	3	Решено одинаковое количество арифметических задач за 15'13" при «равной» оплате и за 13'50" при «неравной» оплате			

Приведенные выше данные четко показывают, что «неравная» оплата приводит к повышению производительности труда по сравнению с «равным» вознаграждением. Фактически все отдельные эксперименты подтверждают это, так что мне не приходится особо указывать на итоговый результат. Следовательно, вознаграждение за труд в зависимости от его напряженности и производительности, то есть неравное распределение вознаграждения в группе даже при постоянном общем вознаграждении группы в каждом случае «равной» и «неравной» оплаты при прочих равных условиях дает больший прирост производительности труда, чем его равная оплата. Это верно как для малышей, так и для мальчишек постарше. Другим интересным частным результатом является то, что

при чисто умственном труде (подсчет точек в тексте и решение арифметических задач) различие в производительности труда с «равной» и «неравной» оплатой меньше, чем при чисто физическом труде. Вероятно, причина в том, что эффективность, точность и быстроту умственного труда нельзя проконтролировать так же точно, как работу мышц рук и ног, телодвижений вообще.

Следует назвать еще один факт, выявленный в ходе экспериментов. Если ни в одном случае с «равной» оплатой труда среди работающих детей не наблюдалось каких-либо признаков забастовки, то забастовки прошли в 4 случаях при неравном «вознаграждении». Двое детей, которые иногда «сбивались с ног» на работе и получали самое маленькое вознаграждение, после своей неудачи заявили, что больше не будут работать, в ходе эксперимента дважды бросали ее и дважды отказывались работать на следующий день. Такую ситуацию я считаю «забастовкой». Их поведение фактически соответствовало тому, что везде считается забастовкой. Данные наблюдения склоняют меня к выводу о том, что «равное» вознаграждение действительно меньше стимулирует труд, чем «неравное», но и реже сопровождается «забастовками» и «беспорядками». Насколько данное заключение имеет обобщающее значение, и как объяснить «забастовки» и «бунты» в отдельных случаях, попытаемся выяснить с помощью следующих экспериментов.

По этому пункту пока все.

Влияние состязательности на производительность труда

Более высокая производительность труда при «неравной» оплате в приведенной выше таблице возникает, вероятно, из действия двух разных факторов: с одной стороны, из стремления, связанного с перспективой максимума оплаты труда (жажда денег), с другой стороны, из присущей такому стремлению состязательной тенденции (стремления «устранить конкурентов»). В случаях «равной оплаты» состязательность полностью не исключалась, но при «неравной» оплате к ней добавилась явная конкуренция за более высокую оплату и за победу. С помощью данной гипотезы я хотел бы точнее определить влияние чистой состязательности независимо от поощрения труда. С этой целью была выполнена серия экспериментов, которые еще продолжаются и нужно некоторое время, так как речь идет о весьма сложных и еще не вполне ясных вопросах. Нижеизложенные результаты первых серий таких экспериментов являются лишь первыми опытами. Эксперименты заключались в сравнительном исследовании производительности труда при «равной» оплате – детям не внушали, что следует добиваться наибольшего результата, не призывали поднатужиться. На каждом шаге такой работы делалось сравнение с результатом, когда детям заранее было сказано, что они не получат вознаграждения за труд, но зато всегда будет ясно, кто поработал лучше всех. Таким образом, создана следующая ситуация: в одном случае превалировала жажда денег при исключении явного состязания, а в другом – жажды денег не было, но явно действовала состязательность. Результаты первых пар экспериментов отражены в табл. 4.

Как показывают эксперименты, «чистое» состязание без вознаграждения за труд «зажигает» не меньше, чем «равная оплата» без явного состязания. Это относится как к малышам, так и к подросткам. Табл. 4 даже показывает, что стимул от «чистого состязания» немного сильнее денежного стимула при равной оплате. Если все-таки учесть малое число полученных результатов и что стимулирование денежным вознаграждением, наверное, было слабоватым (2 пенса для малышей и 15 центов для подростков), то необходимо проверить эти результаты, используя денежное стимулирование помощнее, а условия – разнообразнее. Это будет сделано в следующих экспериментах.

Индивидуальные различия

Из-за недостатка места приходится отказаться от изложения здесь других проблем, связанных с вышеописанными, которые также изучались экспериментально. Они будут опубликованы в другом месте 3 . Сейчас делаются лишь следующие дополнения: данные

Таблица 4

Число экспериментов	Varius arra paraŭ		Количество перенесенных мячей, шаров		
а) с детьми	Количество детей, работающих в каждом парном эксперименте	Продолжительность труда	при «равной оплате труда» без явного состязания	при «чистом» состязании без оплаты труда	
Эксперимент № 1	3	2'	26 1/2	28	
Эксперимент № 2	3	2'	26	26	
Эксперимент № 3	3	2'	27	24	
Эксперимент № 4	3	2'	25	30	
b) с подростками			Количество наполненных и перенесенных ведер		
Эксперимент № 1	2	8'	16 ¹ / ₂	18	
Всего	_	16'	121	126	

результаты относятся к работе, выполненной в каждом эксперименте группой либо малышей, либо мальчишек. Это не означает, что все дети во время эксперимента работали совершенно одинаково. «Индивидуальный облик» труда у каждого работника был разный: различие в производительности труда «на себя» и «на друга» при «равной» и «неравной» оплате, «индивидуальное» и «групповое» вознаграждение влияют на каждого ребенка опять-таки по-разному. На некоторых влияние весьма велико, на других, наоборот, гораздо меньше. Иными словами, некоторые «работники» при всех этих условиях трудятся с почти одинаковой производительностью, в то время как другие весьма успешно работают «на себя» или с «неравной» оплатой и очень вяло – «на друга» или при «равном» и «групповом» поощрении. Следовательно, можно вести научные исследования в обоих направлениях. Людям, демонстрирующим относительно высокую производительность труда «на группу» либо «на друга», следует отдавать предпочтение при замещении вакансий в тех местах, где они должны работать на «группу», «общество», «социальные учреждения». Тех, кто проявляет максимум энергии ради собственной выгоды, следует использовать в профессиях, которые при немалом напряжении сил «приносят плоды труда» в первую очередь им самим.

Итоги

При прочих равных условиях «индивидуальная оплата труда» обеспечивает более высокую производительность, чем «групповая»; труд на самого работника дает более высокую производительность, чем на друга или на третьих лиц; оплата труда согласно вложенным усилиям и выполненной работе приводит к более высокой производительности, чем «равномерное распределение» той же самой оплаты в группе работников. С другой стороны, «неравномерное распределение оплаты» способствует организации стачек и протестов отстающими в производительности труда. «Чистое состязание (без оплаты)» является не меньшим стимулом к труду, чем «равная оплата» без состязания. Однако у отдельных людей наблюдаются существенные различия в характере труда.

Есть веские основания полагать, что данные результаты можно распространить на отдельных людей и социальные группы, но прежде, чем обобщать, их следует проверить аналогичными экспериментами на других группах и индивидах. Если данная статья послужит исследователям примером таких экспериментов, то ее цель достигнута, неважно, будут ли полученные результаты отвечать вышеизложенным или \det^4 .

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь П.А. Сорокин критически отреагировал на сочинение М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), в котором во вводных замечаниях обсуждаются связь между повышением расценок и производительностью труда сезонных сельскохозяйственных рабочих.
- ² «Тартюф, или Обманщик» (1664) комедия французского драматурга Мольера. Излюбленный Сорокиным персонаж для иллюстрации расхождения между словом и делом в политике. Тезис о сложной связи между влечениями (потребностями) и их речевым оформлением восходит к анализу П.А. Сорокиным теории идеологии В. Парето. См.: [Сорокин, 2020; 2021].
 - ³ См.: [Sorokin, 1928b].
- ⁴ Перевод рукописи с английского на немецкий язык, направленной П.А. Сорокиным в редакцию журнала, выполнен д-ром Ханной Мойтер (Hanna Meuter, 1889–1964). Она переводила и другие его рукописи для «Кёльнского ежеквартальника социологии», в редакции которого она работала и одновременно преподавала социологию. Еще в Веймарской республике она стала видным общественным деятелем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Сорокин П.А. Современное состояние России. Сочинения: 1919–1923 / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.В. Сапова. М.; СПб.; Сыктывкар: ЦГИ, 2021.
- Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А.К. Конюхова, В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2020.
- Sorokin P. Arbeitsleistung und Erholung (Experimentelle Untersuchungen bei Kindern im Alter von 3 4 Jahren und von 13 14 Jahren // Kölner Viertelsjahrshefte für Soziologie. 1928a. Jg. 7. Nr. 2. S. 186–198.
- Sorokin P. Experimente zur Soziologie. Über die Intensität gewisser in Handlungen und Worten zutage treffender Gesellungserscheinungen (Altruismus), in Zusammenhang mit sozialem Abstand // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1928b. Jg. 4. Nr. 1. S. 1–10.

PRODUCTIVITY AND WORK INCEDENTIVES (EXPERIMENTAL RESEARCH ON 3–4 AND 13–14 YEAR OLD CHILDREN)

SOROKIN P.A.

Acknowledgements. The translation of this article from German into Russian and its preparation for printing by N.A. Golovin was funded by RFBR according to the project No. 20-011-00451. The bibliographical references in the text belong to P.A. Sorokin. Footnotes, notes and comments are of the translator.

П.А. СОРОКИН

СОЦИОЛОГИЯ КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУКА

1

Социология является номотетической наукой и этим резко отличается от всех идеографических наук. Это означает, что социология при изучении антропосоциальных феноменов занимается элементами, их характерными свойствами, их взаимосвязями, которые не уникальны в пространстве и времени, а повторяются во времени или в пространстве или во времени и пространстве и в равной мере лежат в основе всех антропосоциальных элементов определенного рода как их постоянный элемент. Например, историк занимается изучением города, но у него речь всегда идет о точно определенном, конкретном, уникальном во времени городе, например, о Бонне 1920-го или Нью-Йорке 1929-го г. Социолог также интересуется городом в качестве номотетического, антропосоциального феномена. Историк создает живой, конкретный эскиз индивидуального города, а социолог дает «обобщающее или типичное изображение» города, гораздо менее богатое, но зато охватывающее все города от Древнего Египта, Вавилона, Персии, Греции, Рима, Аравии до европейского средневековья и современного периода, короче говоря, «город» в общем и целом как номотетический тип особого класса социальных феноменов, когда и где бы он ни был (пример социологического определения города см.: [Sorokin, Zimmermann: Кар. II u. passim.]). То же самое относится и ко всем другим антропосоциальным феноменам или их отношениям, изучаемым социологией.

2

Исходя из этой номотетической точки зрения, социология изучает и описывает, анализирует и классифицирует три фундаментальные области антропосоциальных феноменов, которые специально не изучают какие-либо иные социальные и гуманитарные дисциплины и которые лежат в стороне от собственных предметных областей этих дисциплин: во-первых, существенные черты и связи, которые в качестве постоянных, присущих каждому антропосоциальному феномену элементов, обеспечивают ero conditio sine qua non 1 (разумеется, каждый волен использовать вместо моего выражения «антропосоциальные феномены» термины «общественные группы» или «социальные феномены»). Что же представляет собой антропосоциальный феномен (общество или общественное отношение) в общем и целом? Чем являются элементы, из которых он состоит? Что за отношения его образуют? Каковы его основные формы? Вот вопросы, относящиеся к первой области и как таковые не рассматриваемые политэкономией (или какой-либо иной специальной наукой), исследующей лишь экономическую сторону антропосоциальных феноменов, а не их типичные сущностные черты. Если политэконом или государствовед и занимается этой проблемой, то он больше не политэконом или государствовед, а социолог. Данная область относится к основному предмету исследования так называемой «общей социологии».

Во-вторых, социология изучает, исходя из все той же номотетической точки зрения, устойчивость (и степень изменчивости) причинных и функциональных связей между разными классами социальных феноменов, исследуемых другими социальными и гуманитарными дисциплинами. Хорошо известно, что до определенной степени все специальные

Перевод с немецкого на русский язык, примечания и комментарии выполнены Н.А. Головиным при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-00451 по изданию: [Sorokin, 1930].

формы социальных феноменов взаимозависимы. На экономические процессы и отношения влияют демографические, политические и даже религиозные процессы и отношения; преступность обусловлена рядом таких факторов, как бедность, низкий моральный уровень, право свободы выбора места жительства так далее.

В то время как изучением взаимосвязей в рамках этих специальных областей занимаются соответствующие специальные науки (политэкономия – экономическими феноменами, государствоведение – политическими и т.д.), нет специальной науки, которая исследовала бы отношения между этими различными классами социальных феноменов². Такие «посреднические отношения» лежат вне области исследования всех упомянутых специальных наук. Конечно, бывает так, что какой-либо представитель этих наук, например, политэконом, занимается их изучением, но тогда он выходит за границы своей области и становится социологом, точно так же, как он становится не политэкономом, а писателем или теологом, если пишет стихи или богословский трактат. Это позволяет нам понять, почему такие произведения, как «Полития» Аристотеля, «Пролегомены» Ибн Хальдуна, «Основания новой науки...» Вико, «О духе законов» Монтескье, «Опыт о законе народонаселения» Мальтуса или «Социология религии» Вебера по большому счету следует воспринимать не как этические, исторические, экономические, государственно-правовые сочинения, а как социологические, потому что их авторы изучают и раскрывают взаимосвязь между фундаментальными и относительно постоянными, повторяющимися во времени и в пространстве взаимосвязями между экономикой, религией, моралью, политикой и другими классами социальных феноменов. Следовательно, все эти проблемы взаимной связи разных классов социальных феноменов, каждый из которых рассматривается отдельной специальной наукой, образуют подлинную область исследования социологии. Сюда относятся взаимосвязи между преступностью и бедностью, между войной и нехваткой продуктов питания, между плотностью населения и революцией, между формами искусства и политической конституцией и сотни других «посреднических отношений». Не играет роли, занимается ли их изучением по роду свой деятельности социолог либо экономист или специалист по этике; важно, чтобы такие проблемы находились вне предмета всех специальных социальных наук, и чтобы их представители при их изучении вышли бы за рамки своей специальной области и стали чем-то другим, чем прежде, а именно - социологами. Ясно, что данная вторая область социологии логически вытекает из первой и является лишь ее логичным продолжением, потому что изучающий стабильные элементы и основополагающие формы социальных феноменов должен классифицировать их; а тот, кто их классифицирует, должен по необходимости исследовать фундаментально-логические, причинные и функциональные связи между ними. Поэтому обе названные области социологии не привязаны одна к другой механически, а связаны друг с другом эпистемологически и логически и вследствие этого раскрывают социологию как внутренне связанную, логично выстроенную и эпистемологически органичную дисциплину.

Третьей основополагающей областью социологии является номотетическое изучение устойчивости (и степени изменчивости) причинных и функциональных связей между различными классами антропосоциальных феноменов, а также а) биологических и b) географических феноменов. Биологическая и географическая окружающая среда является материнской породой, на которой возникает и изменяется любой социальный феномен, которая его обуславливает и на которую он, в свою очередь, оказывает влияние. Такие проблемы, как расовый фактор в истории, влияние географических условий (климат, флора, фауна, топография и т.д.) на социальные феномены, можно считать примерами проблем в этой области, которые опять-таки не охвачены какими-либо социальными (или биогеографическими) специальными науками. Они не связаны с чем-либо в своих областях, а находятся «между» ними. По вышеназванным основаниям они относятся к области социологии, а именно: по логике – к проблемам двух первых отделов социологии. В своей совокупности проблемы всех трех областей образуют логично выстроенное и внутренне связанное целое, исследование которого ведется исходя из специфической, а именно номотетической точки зрения. Наличия этих условий вполне достаточно, чтобы дать рассматриваемой дисциплине право на существование как специальной науке.

Вышесказанное позволяет нам определить сущность социологии как специальной науки. Во-первых, видно, что она имеет свою собственную позицию, отличную от других социальных наук; во-вторых, что она представляет особую область, лежащую вне иных областей науки. В этом отношении социология ни в коем случае не «винегрет» самых разных, тут и там собранных фрагментов знаний, а наоборот, является органическим, последовательным и взаимосвязанным целым. Такое понятие социологии не имеет ничего общего с социологией как «туманным философствованием» или разновидностью универсальной энциклопедии: ни в коем случае, так как ее область четко очерчена как природой ее проблем, так и особым подходом к ним.

В этом смысле социология является по-настоящему «специальной наукой» с узко ограниченными, сложными задачами и проблемами. Например, по сравнению с целостными объектами исторических исследований, экономической науки или правоведения объект социологии скорее более специализирован и ограничен. Однако даже при такой ограниченности ее исследование не может быть полностью обеспечено кем-то одним. Подобно сотням специальных областей в исторических исследованиях (по разным странам, учреждениям и процессам в разные эпохи), каждая из которых требует особых специалистов для сотен специальных областей; подобно экономической науке, где для каждой из таковых опять-таки нужен соответствующий специалист, также и здесь должны быть сотни самостоятельных социологических дисциплин (например, кроме общей социологии, социология города, деревни, религии, войны, революции и так далее), изучение которых возлагается на отдельных специалистов соответственно. В этом отношении положение дел в социологии аналогично множеству других социальных наук. Чтобы считаться социологической дисциплиной, каждое из названных направлений исследований уже должно иметь социологически описанные характеристики, также как каждая отдельная область исторических исследований должна быть действительно «историей», а не этикой.

Наконец, следует отметить: поскольку понятие социологии, разъясненное здесь, является внутренне согласованным и характеризует ее как уникальную специальную науку, оно, естественно, охватывает также почти все социологические «школы» и обеспечивает им пространство для органически связанного параллельного мирного сосуществования. Идет ли речь о «географической», «расовой»³, «демократической» или «понимающей социологии», о «формальной школе», о других течениях социологической мысли или о психологическом, культурном, экономическом и социологическом истолковании антропосоциальных феноменов: в нашем понятии социологии есть место для всех этих ответвлений, если они выступают как номотетических дисциплины. Поэтому не вижу причин возражать против какого-либо из них (если речь не идет об их рискованных и неверных выводах), и охотно признаю ценность и необходимость каждой в своих рамках в пределах социологической науки (в качестве доказательства этого см. мою книгу "Contemporary Sociological Theories", Нью-Йорк, 1928). Моя «миролюбивость» не является эклектикой, а идет от логической природы изложенного здесь определения и его требований.

Вышеизложенное относится к понятию социологии.

3

Что касается *методов социологии*, то достаточно отметить, что в ней могут и должны применяться все методы номотетических наук, начиная от дедукции и кончая статистическим, историческим и экспериментальным методами. Здесь особенно важно назвать «типологический метод», который великолепно описан Ф. Тённисом в его книге «Общность и общество» и применение которого обязательно во многих социологических дисциплинах. С другой точки зрения в нашей дисциплине опять-таки приемлемо и необходимо интерсубъективное наблюдение⁴, а также «интроспективная» индукция и интерпретация. Первый из этих двух методов особенно важен для охвата, наблюдения и проверки исследуемых причинных и функциональных взаимосвязей; второй служит для определения

«значения» и «ценности» изучаемых феноменов. Крайняя эксклюзивность, с одной стороны, «интроспективистов» и, с другой стороны, «объективистов» является не доказанной (в этом отношении см. мою книгу "Contemporary Sociological Theories", гл. XI и XII и мою русскую «Систему социологии», т. І. гл. III). Более того, чрезвычайная сложность рассматриваемых социологией феноменов легко приводит к неверным заключениям, если определенный класс этих феноменов исследуется лишь одним методом или одной методологической техникой. Например, многие чисто статистические исследования привели к ряду неверных корреляций; а многие интроспективные исследования внесли в социологию непомерные теоретические обобщения. Многие «сравнительно-исторические исследования» дали повод для недоразумений, которые можно найти в сочинениях Летурно⁵. Поэтому рекомендуется, а зачастую просто необходимо подходить к одному и тому же классу феноменов с использованием нескольких разных методов, чтобы проверить достоверность результатов, достигнутых лишь одним из них, с помощью результатов, полученных другими методами. Например, результат, полученный с помощью статистических методов, может быть перепроверен экспериментальным и историческим методами, либо непосредственным наблюдением типичных случаев и так далее. Если результаты, достигнутые разными методами, соответствуют друг другу, то есть основания полагать, что они соответствуют фактам; но если они не согласуются, то это служит для социолога предостережением о возможных ложных выводах.

4

Мы показали своеобразную логическую структуру социологии как науки, а теперь хотим кое-что сказать о технике обучения социологии в высших учебных заведениях. Нет необходимости напоминать о том, что организация учебного процесса представляет собой также чисто техническую проблему, решение которой зависит от конкретных условий и возможностей высшего учебного заведения. Если оно, как многие американские университеты, располагает средствами на вполне развитый социологический факультет, то, естественно, оно может позволить себе сотни специальных социологических курсов. Университет с меньшими средствами не может позволить себе такую роскошь, должен ограничиваться лишь базовыми социологическими курсами. На худой конец, можно выработать общий учебный план, который, в сущности, подходит всем университетам и который представляется таким:

Так как социология в вышеуказанном смысле предполагает серьезные знания по другим дисциплинам (социальным и биологическим), ее, во-первых, не следует изучать на первом году или в течение первых двух лет обучения, а только на третий и четвертый или также дальнейший учебный год, когда обучающиеся уже усвоили некоторые знания из других научных областей и тем самым в некоторой степени уже готовы к изучению социологии. Так называемые «вводные курсы» по социологии для новичков, практикуемые сейчас во многих университетах, кажутся мне весьма сомнительными. По-моему, они являются, как минимум, бесполезными, если даже не вредными, как для студентов, так и для самой социологии. Студентов, которые не подготовлены к серьезному социологическому курсу, эти курсы ведут к поверхностному и неясному пониманию, к легкомысленному отношению к изучению социальных феноменов и развивают у них самые смутные и странные представления о социологии как науке. Критика социологии как науки вытекает в своем большинстве из характера вышеупомянутых вводных курсов, которые и в самом деле ее заслуживают. С одной стороны, они служат лишь ширмой для некомпетентных преподавателей и безграмотных «реформаторов», а с другой – являются постыдным скандалом для социологии. Короче говоря, социологические курсы должны быть завершением обучения по другим дисциплинам, а не служить им чем-то вроде введения.

Совокупность социологических курсов можно разделить на базовые, то есть элементарные курсы, и на дополнительные, то есть специальные курсы, которые могут быть обеспечены в зависимости от возможностей университета. В качестве важнейших базовых

курсов следует назвать следующие: 1) «История социологических теорий и анализ современных теорий», 2) «Методология, эпистемология и логика социологии и социальных наук», 3) «Общая теория антропосоциальных феноменов, ее базовые элементы, структура, связи и формы», 4) «Организация общества» (морфология и структура общественных групп, их формы, их дифференциация, расслоение, интеграция и дезинтеграция). 5) «Социальные процессы» (теория динамики общества, социальных изменений и движений, их форм, ритмов, колебаний, тенденций, их причин, их функциональных отношений, их зависимостей и взаимозависимостей). Это программа-минимум элементарных курсов по социологии. Естественно, что приведенный здесь перечень довольно относителен, потому что содержащаяся в названных дисциплинах совокупность знаний может быть так или иначе распределена между большим или меньшим количеством дисциплин или даже разделена на таковые (например, наш перечень социологических дисциплин в целом хорошо согласуется с тем, который Андреас Вальтер представил в статье во втором номере «Журнала психологии народов и социологии», том 5)⁶. Важно лишь, чтобы базовые курсы, как бы они ни были представлены, в своей совокупности давали бы обучающимся знания о социальных феноменах, охватываемых этими курсами.

Кроме базовых дисциплин у университетов и других высших учебных заведений есть и иные широчайшие возможности организовывать другие социологические (специальные) курсы в пределах своих средств. В таком случае характер этих специальных курсов зависит, естественно, от многих конкретных условий: от локальных интересов высших учебных заведений и их студентов, от интересов страны, наличия компетентных специалистов в определенной области социологии и так далее. Короче говоря, вид и число этих специальных курсов должны быть адаптированы к конкретным условиям соответствующего высшего учебного заведения, но базовые курсы должны быть одинаковы во всех университетах и высших учебных заведениях.

В заключение этого короткого эссе о социологии как науке я хотел бы сделать еще одно замечание. Как весьма верно заметил Г. Зиммель, до сих пор социология была аурой и убежищем для некомпетентных незнаек, мелкотравчатых реформаторов, верхоглядов, политиканов и демагогов. Множество бездарных неудачников строили из себя социологов и под видом социологии публиковали заносчивое пустословие, подобающее их незнанию. Во многом в этом причина того, что многие серьезные ученые скептически относятся к социологии, а мы, социологи, можем в этом отношении лишь присоединиться к ним. Принимая во внимание, что социология теперь все больше развивается в реальную университетскую дисциплину и что настоящие социологи максимально заинтересованы в таком развитии, одной из важнейших практических задач данного момента является энергичное выступление против псевдосоциологии и псевдосоциологов. Необходимо задействовать все возможное, чтобы объяснить публике и другим ученым огромную разницу между социологией как подлинно научной дисциплиной и псевдосоциологией незнаек и демагогов. Наука Конфуция⁷, Платона, Аристотеля, Варрона⁸, Ибн Хальдуна⁹, Макиавелли, Т. Гоббса, Вико, Мальтуса, А. Фергюсона, А. Смита, Монтескье, Й.П. Зюсмильха¹⁰, Гердера, О. Конта и Г. Спенсера – вот лишь некоторые имена, которыми социология должна быть защищена от нашествия некомпетентных варваров-псевдосоциологов 11.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Conditio sine qua non (лат.) – необходимое условие.

 $^{^2}$ П.А. Сорокин здесь, как и в «Системе социологии» (1920), и в «Современных социологических теориях» (1928), следует теореме Л.И. Петражицкого о n+1 теорий, согласно которой наряду с конкретными науками об обществе и их теоретическими описаниями необходима более общая теория, охватывающая отношения между классами социальных явлений. Реконструкцию теоремы см.: [Тимошина, 2019].

 $^{^3}$ В конце XIX – начале XX в. расовые исследования получили широкое распространение в Англии, Франции, Германии и других странах. Даже в СССР, в Институте экспериментальной биологии в 1920 г.

был создан отдел «Российское евгеническое общество» под эгидой народного комиссара здравоохранения Н.А. Семашко, см.: [Пленков, 2017: 225]. Лженаучный характер расовых теорий до Второй мировой войны еще не был выяснен. В «Современных социологических теориях» (1928), как и в данном тексте, расоведческие исследования выделены автором в самостоятельную междисциплинарную научную школу. В «Теориях» ей дается научная оценка, включая отделение научного и идеологического содержания. Например, Сорокин уничижительно критикует расоведение немца Ф.К. Гюнтера (которого позднее, при нацистах, в шутку называли «расовым Гюнтером» за его одержимость примитивной расоведческой концепцией, по ненаучности схожей с нашумевшим в начале XX в. сочинением Э. Кречмара «Строение тела и характер»). Простота теоретических категорий таких опусов, доступность непосредственного наблюдения как эмпирической базы любому, пожелавшему теоретизировать, обеспечили им дешевую популярность. Правда, и у П.А. Сорокина можно найти обидные высказывания в адрес африканских негров, австралийских аборигенов, якобы в течение 5 тыс. лет не удосужившихся заняться развитием своей культуры, но, размежевавшись со лженаукой, П.А. Сорокин остается осторожен в итоговых заключениях, связывая расовые различия с длительной эволюцией человеческого рода. Подробнее см.: [Сорокин, 2020: 249, 278].

⁴ Термин философии интуитивизма, в частности, санкт-петербургского философа Н.О. Лосского. Указывает на неизменность теории истины, принятой Сорокиным из гносеологической программы интуитивизма как самостоятельной философской школы. В дальнейшем она реализована в сочинении «Социальная и культурная динамика» в методологическом положении о трех системах истины: разума, веры и чувств. Подробнее см.: [Лосский, 1991: 187].

⁵ Летурно Шарль (Letourneau, 1831–1902) – французский этнограф, философ и социолог.

⁶ Андреас Вальтер (Walther, 1879–1960) – немецкий социолог, в рамках данного журнального симпозиума его статья «К реализации самостоятельной социологии» опубликована первой, см.: [Walter, 1929].

⁷ Конфуций (или Кун-цзы, 551–479 до н.э.) – древнекитайский философ, чиновник, педагог. Сорокин считал его учение «системой прикладной социологии». «Конфуцианство содержит все основы современных социологистических теорий, особенно теории нравов, разработанной У.Г. Самнером, и "семейной социологии" школы Ле Пле и Ч.Х. Кули», – утверждает он [Сорокин, 2020: 392].

⁸ Варрон (Varro) Марк Теренций (116–27 до н.э.) – древнеримский государственный деятель,

писатель, ученый-энциклопедист.

⁹ Ибн Халдун (Ибн Хальдун Абдуррахман Абу Зейд ибн Мухаммед, 1332–1406) – арабский социальный мыслитель, историк и философ, кади (судья). Выступал за создание особой науки об обществе. П.А. Сорокин разделяет мнение о том, что Ибн Халдун является первым социологом задолго до Конта.

¹⁰ Зюсмильх Й.П. (Süßmilch J.P., 1707–1767) – немецкий протестантский пастор, статистик.

¹¹ Перевод рукописи английского оригинала текста на немецкий язык, направленной П.А. Сорокиным в редакцию журнала, выполнен Марией Лебедевой (Maria Lebedew), Мюнхен. Судя по библиографическим данным, она была профессиональным переводчиком научной литературы широкой тематики с 1920-х по 1960-е гг., в том числе нескольких статей и рецензий Сорокина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма. М.: Правда, 1991.

Пленков О.Ю. Государство и общество в Третьем рейхе: Проект национал-социализма. СПб.: Владимир Даль, 2017.

Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А.К. Конюхова, В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2020.

Тимошина Е.В. Социология как «строгая наука»: незавершенный проект Л.И. Петражицкого // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 115–125. DOI: 10.31857/S013216250007745-2.

Sorokin P. Die Soziologie als Spezialwissenschaft // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1930. Nr. 1. S. 1–9.

Sorokin P., Zimmerman C.C. Principles of Rural-Urban Sociology. New York: Henry Holt & Co., 1929.

Walter A. Zur Verwirklichung einer vollständigen Soziologie // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1929. Jg. 5. Nr. 1. 2. S. 131–143.

SOCIOLOGY AS A SPECIAL SCIENCE

SOROKIN P.A.

Acknowledgements. The translation of this review from German into Russian and its preparation for printing by N.A. Golovin was funded by RFBR according to the project No. 20-011-00451.

Дискуссия. Полемика

© 2022 г.

Д.В. ТРУБИЦЫН

КАПИТАЛИЗМ И ВЕБЕРИАНА В РОССИИ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ. Часть 1. КРИТИКА ВЕБЕРИАНЫ

ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Забайкальского государственного университета, Чита (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Аннотация. Представлен критический анализ части наследия М. Вебера, касающейся процедуры «отнесения к ценности» и понятия рационализации. В качестве объекта использованы труды «Протестантская этика и дух капитализма» и «Хозяйственная этика мировых религий», а также работы Н.Н. Зарубиной, предлагающей применять принципы и метод понимающей социологии для исследования современных социальных явлений и разрешения методологических проблем социологии. Обосновывается, что основными проблемами веберовского метода являются субъективизм как недостаточное внимание к объективной стороне социальных процессов и отказ от выявления законов истории. Подвергаются критике принцип культурного релятивизма и положение о первичности и примате рационализации, полностью блокирующие выполнение главной задачи исторической социологии – выявления причин и факторов явлений и процессов. Поскольку понимающая социология предлагает неверифицируемую научно картину истории, в которой господствует субъект, его ценности и случайность, исследование крупномасштабных исторических процессов представляет для нее большую проблему. Относительно них нельзя делать выводы только на основании веберовского подхода, особенно если полученная им картина противоречит данным позитивной социологии и экономической истории.

Ключевые слова: методология • понимающая социология • протестантская этика • культура • модернизация

DOI: 10.31857/S013216250017007-0

Наследие Максимилиана Вебера продолжает интересовать ученых разных отраслей гуманитарного знания. Столетие не утихают споры о возможностях его «понимающей социологии». В России этот интерес был особенно силен в 1990-х – начале 2000-х гг. на волне отрицательных последствий радикальных реформ, когда в творчестве немецкого ученого многие отечественные социологи и философы увидели основания отказа от либерального курса. В следующее десятилетие интерес к Веберу ослаб, сегодня он вновь пробуждается, но его научный результат остается прежним. Реальные исследования российского общества посредством данной методологии малозаметны. Как и раньше, все ограничивается призывами к ее применению. Теоретические конструкты и принципы – идеальный тип, рационализация, понимание, методологический индивидуализм – используются не как средство познания новых тенденций современного общества, а скорее для их критики. Нами взяты работы представителя российской веберианы – Н.Н. Зарубиной [2020; 2021], анализ которых позволяет понять, что именно в наследии Вебера актуально

и может быть использовано в познании современных явлений, а что нет. Нельзя забывать, что на протяжении ста лет некоторые его положения подвергались критике социологов и экономистов.

Приступая к анализу названных работ, отметим их достоинство. Они стремятся не стать тем, что Л. Гудков назвал когда-то «вечным началом», имея в виду многочисленные труды российских авторов в духе явной критики номотетики и позитивизма, всей западной социологии периода ее расцвета как эмпирической науки (1930–1970-е гг.), и неявной – капитализма, либерализма, западного пути развития [Гудков, 2011: 31]. Необходимо признать, что интерес российской общественной науки к западным авторам носил и во многом продолжает носить спекулятивный характер. Главная цель многих наших социологов состоит в декларации оставшихся неизменными идеологических установок (особый путь, сильная государственность, коллективизм), для чего в условиях крушения философской основы этой системы ценностей - советского марксизма - оказалось необходимым перекодировать на имперско-социалистический лад западные обществоведческие теории, обладающие социально-критическим потенциалом. «Понимающая социология» подошла для этого вполне, в результате чего русская вебериана стала больше критическим, чем созидательным направлением обществознания. Анализируемые здесь работы теоретически глубже, не являются повтором веберовских положений и механическим переносом их в российскую и/или современную мировую действительность, однако и к ним нужно отнестись критически для оптимального использования методологического наследия великого ученого. То же самое с положениями самого Вебера: их плодотворное применение в XXI в. требует не славословия, а обстоятельной критики.

ı

Наиболее существенная проблема веберовской социологии и социологии ее апологетов – крен в сторону субъективизма и, соответственно, недостаточное внимание объективному содержанию социальных процессов. Собственно веберовский субъективизм отрефлексирован давно, его причиной стало постулирование в социальной действительности примата культуры – этого, по меткому выражению Р. Инглегарта, «субъективного компонента жизненного потенциала общества» [Инглегарт, 1999: 282]. В нынешней российской вебериане эта черта обнаруживается в суждениях Н.Н. Зарубиной о сути рационализации. Она считает, что метафора «стального панциря» для обозначения протестантского этоса не подходит, реальная веберовская метафора означает не внешнюю структуру, а оболочку, «органично изоморфную внутреннему содержанию, подобную панцирю черепахи или раковине улитки». Слово «клетка», полагает она, носит коннотацию насильственного внешнего ограничения, в то время как панцирь – продукт внутреннего развития организма – больше похож на феномен «глубокой интериоризации принципов протестантского этоса» [Зарубина, 2020: 7].

Попытка поместить ценности внутрь актора и дать ему тем самым максимум индивидуальной свободы интересна, но верен ли результат? Метафора черепахи и ее панциря игнорирует объективность социальных структур и, следовательно, известную степень объективности их производных – ценностей и норм, если мы забудем о том, что в формировании панциря «поучаствовала» не только сама черепаха, но и окружающая среда, к которой данный биологический вид приспосабливался.

О том, что системы отношений выступают для индивида как объективная реальность, которую он не в состоянии отменить или существенно изменить, наиболее безапелляционно было заявлено в марксизме. Создатель этого учения, как известно, объяснял общество через систему экономических отношений, специфика которых в том, что они существуют объективно и реально, хотя их нельзя обнаружить физически. Объективность этих отношений и тот факт, что в них удовлетворяются базовые потребности, позволила объявить их «материальными», в то время как все остальное, в той или иной мере зависящее от

«духа», стало в его учении «идеальным». Материальны эти отношения или нет – вопрос спорный, но что можно утверждать наверняка, они более объективны, чем их оформление в индивидуальном или массовом сознании. Активная и в чем-то справедливая критика этого положения марксизма не значит, что его теоретическая предпосылка была неверна. «Для конкретного актора социальная структура всегда существует до его взаимодействия с миром», – констатируют более поздние авторы [Bhaskar, 1979: 36]. Не игнорировал это и Вебер, когда писал, что капитализм – это «чудовищный космос, в который каждый человек ввергнут с момента рождения и границы которого остаются для него раз навсегда данными и неизменными», и что «индивид в той мере, в какой он входит в рыночные отношения, вынужден подчиняться нормам капиталистического поведения» [Вебер, 1990в: 76]. Как видим, анализируя протестантскую литературу, он не всегда отказывался от исторического материализма: «религиозное учение Цинцендорфа определялось в первую очередь [курсив мой. – \mathcal{J} . \mathcal{I} . \mathcal{I} тем обстоятельством, что он был графом с чисто феодальными по своей сущности воззрениями... Если ее [эмоциональную сторону его религиозности. – $\mathcal{L}.T.$] противоположность западноевропейскому рационализму можно объяснить, то прежде всего – устойчивостью патриархальных связей в Восточной Германии» [Вебер, 1990в: 238].

Есть, таким образом, и общие тенденции общественного развития, не связанные с культурой и религией, и их «отражение» в общественном сознании. И «патриархальные связи» существенны для восприятия религиозных догматов, и классовая принадлежность субъекта. Помимо этого на страницах его работ многократно демонстрируется наличие и сила влияния независимых от субъекта социальных структур [Вебер, 1990в: 193–194, 197–198, 261; 2017: 162–163, 196, 231, 261, 276, 277, 286, 328, 341]. Но мысль, тем не менее, была направлена на доказательство обратного: в противоречие этим многочисленным фактам Вебер построил принципы своей методологии на активности субъекта. Возможно, возобладало стремление создать во что бы то ни стало альтернативную гегельянскомарксистскому и позитивистскому объективизму методологию. Уж очень настойчиво он повторял, что ищет причинную связь, обратную «материалистической», утверждал, что «религиозные идеи не могут быть просто дедуцированы из экономики», объявлял материалистическое толкование содержания религии ошибочным и заявлял, что религиозные взгляды класса нельзя назвать его «идеологией» или «отражением» его интересов [Вебер, 1990в: 77, 208, 266; 2017: 27].

Заметим, с господствующей в европейской науке формально-логической точки зрения делал он это бездоказательно. Методология «Протестантской этики» построена на силе и многочисленности примеров обнаружения в текстах проповедников этических обоснований коммерческой деятельности на основе их авторской интерпретации. «Выше мы указывали на то, что здесь не будем заниматься вопросами классовой обусловленности религиозных движений (об этом см. мои статьи, посвященные «хозяйственной этике мировых религий»)» [Вебер, 1990в: 265]. Однако, чтобы опровергнуть истмат, этим придется заняться – нужно увидеть взаимосвязь этих двух реальностей – религиозно-духовной и социальноклассовой, причем систематическую, если цель – доказать, что не экономика порождала дух, а дух порождал экономику. Выявлением единственной и неповторимой каузальной связи этого не достигнуть. Заметим, что «Хозяйственная этика мировых религий» этого тоже не делает. В ней лишь больше учета социальных структур (что является скорее доказательством истматовских тезисов, чем опровержением) и значительно меньше, чем в «Протестантской этике», интерпретации текста. Но итог такой же: избранный в качестве методологического принципа индивидуализм постулируется вопреки многочисленным фактам влияния надындивидуальных сил и закономерностей.

Поясним нашу позицию. У любого социального явления есть объективная и субъективная стороны. Субъективная связана с активностью человека и характеризуется его свободой, объективную он изменить не в состоянии, и вынужден ей подчиняться ¹. В рамках

¹Сочетание сложное: индивидуальный субъект подвержен воздействию объективного даже на уровне своей физической и психической организации, а объективное на уровне микросоциологии – институты, социальные организации – на макроуровне становится субъектом.

понимающей социологии, описывающей исторический феномен как уникальное явление, Вебер и его последователи логично делают упор на субъективном. Но для познания долговременных крупномасштабных процессов этого недостаточно. Как отметил, например, Р. Коллинз в отношении модернизации, Вебер хорош для объяснения части данного процесса, но не всей совокупности его факторов и механизмов [Коллинз, 2015: 358]. А если так, нельзя делать выводы относительно этого и других процессов только на основании веберовского подхода, особенно, если полученная им картина противоречит данным социологии как эмпирической науки.

Даже такой важный принцип веберовской исторической социологии, как «отнесение к ценности», требует учета объективной стороны, так как ценности не порождаются исключительно активностью субъекта, а формируются в системе объективно сложившихся отношений – для конкретного актора они тоже существуют «до его взаимодействия с миром». И тогда важнейший вопрос исторической социологии – о том, почему они меняются, – остается без ответа. Ведь Вебер объявил «материалистический» ответ на него неверным. В то же время, когда в вопросе о значении духовных предпосылок капитализма он обнажил проблему до предельно полного понимания, стало видно, что и его аналитическая цепочка небезупречна: «Генетически отдельные элементы этого образа жизни [ответственности за богатство. – \mathcal{L} .Т.], как и другие компоненты современного капиталистического духа, уходят в средневековье, однако свою действительную этическую основу этот жизненный уклад находит лишь в этике протестантизма. Значение его для развития капитализма очевидно» [Вебер, 1990в: 197]. Главный вопрос в том и состоит, почему этот потенциал был реализован только теперь. Если «компоненты капиталистического духа» существовали давно, почему только сейчас они стали значимыми? Не потому ли, что изменилась система отношений, в частности, количество и значение акторов, осуществляющих новую стратегию удовлетворения потребностей, превысило в данном регионе критическую массу, необходимую для ее нравственной легитимации? И, следовательно, эти отношения, а не религиозная этика, являются причиной победы капиталистической революции в экономике? Но это будет отвергнутый Вебером «материализм», вместо которого он предлагает неверифицируемую научно картину истории, в которой господствует субъект, его ценности и (де-факто) случайность. Это – вторая проблема веберианы.

Ш

Что касается рационализации, лучше всего отражает этот феномен понятие интериоризации как процедуры превращения внешнего во внутреннее. Н.Н. Зарубина этот термин использует. Если же говорить на языке метафор, ее функцию вернее уподобить не панцирю черепахи, а тому, как растения оплетают корнями и ветвями инородные объекты, приспосабливаясь к изначально чужому. Она адаптирует сознание к объективно сложившимся внешним структурам, порой даже враждебным культуре, каковыми являются капиталистические отношения для субъекта традиционного общества. И первое, что приходит на ум в результате применения этой метафоры, – гибкость.

Вопрос об устойчивости культурных установок в процессе социального развития спорный, в его истории озвучивались противоположные мнения. Л. фон Мизес писал: «Многие представители этих народов заявляют, что они хотят скопировать только материальную культуру Запада, но даже сделать это постольку, поскольку это не будет противоречить их идеологиям... Они не понимают, что перенимание того, что они уничижительно называют материальными достижениями Запада, несовместимо с сохранением их традиционных обрядов и привычного образа жизни. Они впадают в иллюзию, что могут позачиствовать технологию Запада и достигнуть более высокого материального уровня жизни без того, чтобы сначала в процессе Kulturkampf избавиться от мировоззрения и нравов, унаследованных ими от предков» [Мизес, 2001: 242]. Д. Лал, напротив, настаивает на способности традиционных обществ усваивать культурные установки Запада, если они идут

по пути капитализма. Объясняет он это, отделяя «материальные ориентиры» народа от его «космологических представлений». Первые являются представлениями об экономике и обеспечении средств существования, вторые связаны с пониманием окружающего мира и места в нем человека. Ученый считает, что в конкретной культуре они не так уж жестко связаны друг с другом. Поэтому «остальной мир может воспринять материальные ориентиры Запада, способствующие возникновению капитализма, не разделяя его космологических представлений... как показывает пример Японии, Китая и Индии, принятие западных материальных ориентиров при подключении к процессу глобализации капитализма не означает отказа от собственных традиционных представлений» [Лал, 2009: 27, 226].

Мы также склоняемся к тезису о гибкости культуры, ее способности меняться под влиянием социальных отношений. Это обусловлено тем, что в ее основе лежит мышление, создающее какие угодно логические и псевдологические цепочки. Здесь применимо веберовское понятие рационализации, но оно же указывает на неправоту его создателя относительно перспектив развития незападных обществ. Такая рационализация, подобно ризоме, может двигаться в каком угодно направлении, а значит, способна примирить сознание с любой реальностью. А если так, Запад не обладает этической монополией на капитализм. Надо лишь идти по этому пути, идеи же для приспособления сознания к данному способу производства и, что немаловажно, для сохранения идентичности в этом болезненном процессе найдутся. И теоретики, и эксперты, непосредственно изучающие культуру, общество и экономику развивающихся стран, не случайно фиксируют идущее вразрез с веберовскими прогнозами: «сегодня викторианские добродетели чаще встретишь у жителей Бомбея и Шанхая, чем на Уолл-стрит или в Голливуде» [Лал, 2009: 238]. «А конфуцианство? Конфуцианство – для души. Главное – дело» [Селищев, Селищев, 2004: 36]. «На самом деле различия в культуре при всей их очевидности, броскости – второстепенны, неглубоки. В конечном счете человеческими коллективами движут одни и те же пружины» [Ларин, 2004: 4]. «Нет ничего доказывающего с абсолютной точностью, что мусульманская религия не дает мусульманскому миру развиваться по пути современного капитализма.., ислам и модернизация не сталкиваются» [Хантингтон, 2003: 111].

Ш

Итак, культура гибка. Однако гибкость социальных систем, в которых присутствует не только активный человеческий разум, но и объективная реальность, не бесконечна. Чем же ограничена социальная действительность в отличие от того, что думают о ней субъекты? Для ответа на этот вопрос, а также для понимания того, почему метод Вебера не стал «мейнстримом» европейской науки, необходимо обратиться к ее истокам.

Полагаем, ключевые положения, придавшие западному мышлению объективный и рациональный (не в веберовском смысле) характер, были сформулированы в условиях острого познавательного кризиса, порожденного творчеством элеатов. Нас интересуют два положения выдающихся мыслителей, не всегда упоминаемых историками в числе первых, – Парменида и Горгия. Первый сказал, чем бытие отличается от небытия: бытие существует, небытие не существует. Второй дал блестящее доказательство нетождественности бытия и мышления. Они не тождественны, поскольку мы можем помыслить несуществующие объекты. Если бы мысль и бытие были тождественны, мы бы не смогли этого сделать, и наоборот, как только бы мы это сделали, они сразу должны были бы появиться. Но нет ни Химер, ни морских сражений на колесницах. Эти несуществующие объекты, следуя Пармениду, и нужно назвать небытием.

Однако нужно ответить на вопрос: почему их не существует? Не существуют они, потому что есть объективные законы материального мира, которые служат ограничением бытия, – оно существует лишь в границах дозволенного законами.

Перенос этого принципа в социальное познание выводит на проблему вариативности путей развития общества, на химеру «множественности модернов». Как не существует Химер и морских сражений на колесницах, так не существует, например, прогрессивно

развивающихся деспотических в древности или тоталитарных в новейшей истории обществ. Здесь максимально обнажается проблема субъективизма: он перерастает в волюнтаризм, когда действующий или познающий субъект допустит возможность существования «черепахи» каких угодно свойств и размеров, когда человек предположит существование любых социальных систем. Но предложенные нами ветви и корни, какими бы гибкими они ни были, как бы причудливо ни оплетали инородный объект (в «Протестантской этике» Вебер показал глубину и изощренность человеческой мысли в приспособлении религиозного сознания к раннеиндустриальной действительности), не могут двигать социум в произвольном направлении. Они ничего не поделают с препятствиями своему движению – объективными законами общества и природы.

Разумеется, надо признать известную вариативность, но не бесконечную. Вновь обратимся к естественной истории. На первый взгляд может показаться, что в организации живой материи отсутствуют всякие границы возможного – на Земле насчитывается более 8 млн биологических видов. Однако как ни велико это число, оно все же конечно – нет ни кентавров, ни летающих слонов. Наше воображение может создать бесконечное число фантастических организмов, но естественные законы наложат запрет на их существование. Поэтому естественные науки демонстрируют не только разнообразие материального мира, но и его границы.

Настолько ли иные социальные системы, что к ним невозможно применить методологические принципы естественных наук? Да и «системы» ли они тогда вообще? Отрицание закона как объективной упорядоченности феномена, не важно, естественного или социального, делает научное познание этого феномена невозможным. Это блестяще отметил Уайтхед: «Никакое знание или работающий метод не были бы возможны, если бы природа вещей не содержала в себе некоторую однородность. Без закономерности эта природа представляла бы собой лишь хаос разрозненных явлений, не имеющий ничего общего с другим таким же хаосом ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем» [Уайтхед, 1990: 506].

Поэтому, хотя на планете сложилось много разных обществ, путь в современность оказался относительно безальтернативным. Например, не удается создать полноценное современное общество, минуя капитализм, а эффективную экономику – без той или иной степени демократизации или хотя бы либерализации экономической деятельности². А значит, социальная история это не «безбрежный океан возможностей», а довольно узкие коридоры, твердые стенки которых образованны объективными законами общественного развития. Почти забытая (не без влияния веберианы) цель науки по имени социология – выявление этих законов. Н.Н. Зарубина верно констатирует отношение к ним Вебера: вслед за неокантианцами он признавал открытие законов целью естественных наук, но не гуманитарных и социальных [Зарубина, 2021: 9]. Однако именно это обстоятельство не позволяет данной части веберовского наследия стать мейнстримом социологии. И современному социологу придется выбирать между понимающей социологией и номотетической, поскольку наличное нужно изучать не только как возможное, но и как необходимое.

Когда же исследователи констатируют, что отрицание Вебером универсальных законов делает мировую историю непредсказуемой – «в ней нет ничего единообразного, предопределенного и неизбежного» [Зарубина, 2020: 4], это верно по отношению к понимающей социологии, но верно ли по факту? «Известные черты неустойчивости истории

²Не сказать, что без устойчивой демократии, но чтобы хоть как-то контролировать элиты и обеспечивать вертикальную мобильность, некоторая демократизация необходима. Ответим на возможные возражения в связи с «китайской моделью»: нынешний китайский «эксперимент» (капитализм без демократии) не завершен. Хотя экономический взлет налицо, 40 лет по историческим меркам – немного. Способна ли будет система интенсивного роста поддерживать себя в следующих поколениях без современного механизма смены элиты – открытый вопрос, особенно на фоне последних тенденций в политике КНР. Возможно, мы станем свидетелями прекращения модернизационного процесса и возвращения Китая на круг циклической динамики.

с ее ветвящимися паттернами и переломными моментами отнюдь не доказывают, что ее теоретическое объяснение невозможно» [Коллинз, 2015: 400]. Не противоречит этому и наличие в истории непреднамеренных последствий поступков людей. Да, «программа этической реформы никогда не стояла в центре внимания реформаторов», а исторические результаты Реформации были «непредвиденными и даже нежелательными» для них [Вебер, 1990в: 105]. Но непреднамеренность причинно-следственной связи не означает ни ее отсутствия, ни отсутствия ее закономерности.

Наличие и значимость объективных законов хорошо показывают «социалистические эксперименты». Волюнтаризм «большого скачка» и «битвы за сталь» в маоистском Китае споткнулся даже о технологические законы – если на некотором промышленном оборудовании за единицу времени можно произвести n количества продукции, никакие идеи не превратят его в 2n, а тем более – в 6n. Так же с социальными законами – ликвидация личной заинтересованности снижает экономическую активность, о чем красноречиво поведал один из лидеров КПК, комментируя результаты коллективизации: «Крестьяне побросали орудия труда и принялись греть зады на солнышке» Стоящие за этой фразой кошмарные гуманитарные последствия показывают, чем может обернуться игнорирование объективного в обществе. Поэтому совершенно верно замечено – «есть правильные и неправильные методы управления экономикой» [Инглегарт, 1999: 271], правильные и неправильные политические решения. Хотя и не методом Вебера, они рефлексируются. В противном случае ни социология, ни экономика, ни другие науки, выявляющие общее в поведении людей при всех культурных и индивидуальных различиях, никогда бы не существовали.

IV

Если так, веберовская рационализация, хотя и двигается в разных направлениях, может больше или меньше соответствовать действительности. А значит, культуры можно разместить по шкале не-веберовской рациональности. Выявление условий, от которых зависит степень объективной рациональности веберовской рационализации, – важная задача. Но чтобы хотя бы начать ее выполнять, необходимо освободиться от другого «идола» веберианы, касающегося процедуры «отнесения к ценности»: утверждения равнозначности для исследователя культурных картин мира [Вебер, 1990а].

Этот принцип Вебер переносит из социальной онтологии в методологию. Однако если в социальной реальности действительно «никакое научное мышление не в состоянии найти основания для предпочтения одной группы ценностей другой, а каждая картина мира является самодостаточной» [Зарубина, 2020: 7], то для познания это не так. Наука так, как она сложилась на Западе, это, прежде всего, измерение, число, на основании которого делается вывод относительного изучаемой действительности. Если невозможно определить, что «выше» – протестантская аскеза или индуистский мистицизм [там же: 7], это либо не наука вообще, либо наука, но в специфическом неокантианском ее понимании, построившем непреодолимую стену между природой и духом.

Важно, что ученые преодолевают этот «методологический мультикультурализм». «Если целью является полное понимание системы ценностей, отличающейся от собственной, этноцентризм может исказить процесс поиска и конечные выводы. Но что, если задача состоит в том, чтобы оценить степень способности культуры к продвижению к демократии, социальной справедливости и ликвидации бедности? В этом случае культурный релятивизм становится гигантским препятствием» [Харрисон, 2016: 15]. Заметим, Вебер и сам выяснял, «что выше», когда искал необъективистский ответ на вопрос, почему европейская «рационализация» стала универсальной [Вебер, 19906: 55]. Исследование, представленное в «Протестантской этике», демонстрирует противоречие: настаивая на

³ Цит. по: [Лал, 2009: 246].

ошибочности сопоставления разных картин мира с целью определения «лучшей», его автор ищет причины феноменального развития Европы. Но это можно сделать только на основе сопоставления систем ценностей по общим параметрам, в данном случае – их влияния на интенсивность экономической деятельности. В «Хозяйственной этике мировых религий» он столкнулся с этим вплотную, что и привело к созданию «типологии и социологии рационализма». Эта противоречивая и, прямо скажем, невыполнимая посредством идиографического метода задача – сравнение разных форм рационализации по шкале объективной рациональности – воплотилась в выделении им направлений и уровней религиозного неприятия мира [Вебер, 2017: 400–401].

Это хорошо показывает, что культурный релятивизм, будучи перенесенным в социологию, становится социальным релятивизмом, не позволяющим ни поставить, ни решить научную проблему о причинах некоего события или процесса. Разумеется, необходимо описание наличных социальных образований как уникальных явлений, однако нужна и социология, оценивающая их на основе универсальных сравнений. Хотя каждый из типов обладает собственными направлениями развития, пишет Н.Н. Зарубина, исследователи Вебера постоянно ставят вопрос об их иерархическом соподчинении [Зарубина, 2020: 6]. И правильно: они не желают останавливаться на «понимании», они хотят общих выводов, хотят законов.

\/

Есть проблемы с научной верификацией «понимания». У Вебера, пишет Н.Н. Зарубина, общество и история – «результат сплетения множества уникальных явлений, и задачи его познания могут быть решены лишь при выявлении "значимых связей проблем", а не "фактических связей вещей". То есть объект исследования не тождественен эмпирической данности. В этом принципиальное отличие веберовской методологии от позитивистов» [Зарубина, 2021: 6–7].

Верно, объект исследования не тождествен эмпирической данности, как мышление не тождественно сущему. Но в том и состоит парадокс познания, что при данной установке субъекта оно невозможно. Оказывается, не совсем соответствующая действительности установка на тождество эмпирической данности объекту – необходимое условие науки. Мы понимаем, что это не так, однако продолжаем действовать соответствующим образом: в мире возможно многое, но ученый исходит из того, что есть, иначе он потеряет связь с реальностью. Это обеспечивает дисциплину мышления – нельзя утвердительно говорить о существовании того, чего нет в фактах и на что не указывает логика (во втором случае можно только предполагать).

Что будет, если нарушить это правило? На практике это означает, что к эмпирической данности ученый добавляет некое знание, которого нет в опыте и которое якобы создает более верную картину. Но откуда это знание берется? Его источник – произвол. «Исследователь сам выделяет значимые связи из бесконечного многообразия эмпирической реальности, и делает это, руководствуясь надличностными смыслами, представляющими наибольшую значимость в конкретном обществе в конкретный момент времени», а «выбор наиболее существенной [курсив мой. – $\mathcal{L}.T.$] каузальной связи... представляет проблему для исследователя» [Зарубина, 2021: 7, 9]. Именно так социолог-веберианец познает историю, а «светом», «отбрасываемым на постоянно меняющуюся связь хаотического потока событий», является для него «отнесение к ценности» [там же: 7].

Вебер и его последователи как бы заявляют: перед тем, как изучать объективные результаты деятельности субъекта, надо узнать, к чему он стремился, во что верил и т.п. А о том, во что верил и к чему стремился исследуемый Вебером субъект, ему говорят тексты протестантских проповедников. Однако эти тексты тоже не являются конечной причиной изучаемого явления, потому что принцип «объект исследования не тождественен эмпирической данности» работает и в эту сторону: сами по себе тексты проповедников

говорят об обществе далеко не все. Они не случайно возникли в определенное время в определенном месте. Их появление и рост влияния излагаемых в них идей – также результат некоторых процессов. И то, что Вебер выбрал в качестве имеющего «наибольшую значимость» и посчитал «наиболее существенной связью», требует доказательств, равно как и то, что он призвал запомнить «раз навсегда: спасение души, и только оно, было основной целью их жизни и деятельности» [Вебер, 1990: 105]. Слово «наиболее» предполагает шкалу независимой оценки, но субъективизму и методологическому индивидуализму, принципиально сторонящимся обобщений, это недоступно. Они не в состоянии доказать, что идея спасения души посредством мирских дел была исторически более значимой, чем необходимость систематической коммерческой деятельности в тех условиях, в каких оказались в эпоху средневековья европейские бюргеры. Эти люди спасали не только душу, но и тело. Как бы они ни презирали материальные потребности, они соединили свои духовные воззрения со способом производства – в противном случае тезисы Вебера были бы лишены смысла.

Отсюда видна опасность принципа «объект исследования не тождественен эмпирической данности». Не беда, если добавленный «свет» соответствует действительности, а если нет? В юриспруденции (очень близкой науке сфере, особенно науке о свершившемся – истории) это подобно практике, при которой возможность совершения преступления подозреваемым является основанием для следственных действий в отношении его. В процессе расследования это оправдано, так как важен результат – поимка преступника. Но доказательством вины это не является. Вот чем отличается такая интерпретационная история или понимающая социология от социологии фактов - они соотносятся как версия следователя и решение суда. Строя версию, следователь по-своему интерпретирует факты, произвольно описывает поведение подозреваемого, добавляя от себя то, чего нет в фактах, например его мысли и намерения. Но суд принимает во внимание только факты. Поэтому, когда многочисленные ученые, опираясь на факты, опровергают Вебера, к ним стоит прислушаться. Особенно это касается данных экономики, внутри которой остается мало места для фантазии ученого. Не случайно больше всего возражений тезис Вебера о значении культуры и религии в развитии капитализма вызывает у историков-экономистов. И от них нельзя отмахнуться, назвав, в чем состоит привлекательность его теории «вопреки возможным эмпирическим неточностям и противоречиям» [Зарубина, 2020: 9].

Другая проблема понятия рационализации – чрезвычайно широкая его трактовка. Его понимание как логической или телеологической последовательности какой-либо интеллектуально-теоретической или практически-этической позиции [там же: 5] слишком широко для того, чтобы считать его научным. Н.Н. Зарубина и сама отмечает, что «при такой широкой сфере применения понятие может формулироваться лишь предельно абстрактно» [там же]. Будучи сопряженным с индифферентностью направлений рационализации как принципиальной исследовательской установкой, это чрезвычайно затрудняет его применение. Науке нужна локализация, без которой проверяемая рефлексия невозможна. Если рационализация – универсальное свойство человека, проявляющееся бессистемно, если это – любое упорядочивание действительности в соответствии со своими убеждениями, она ничего для познания не дает. Ее нельзя обобщить, из этого обобщения нельзя выявить законы, она становится марксистской «диалектикой общественного развития», которая была везде и нигде одновременно.

Может показаться, что Вебер, создав типологию рационализаций – уровней и направлений религиозного неприятия мира – опровергает сказанное. Это было бы так, если бы он и его последователи не объявили способ рационализации первичным отличием одного общества от другого. Исторической социологии важно выяснить, почему у того или иного социума, группы или актора сложилась картина мира, способствующая или не способствующая экономическому или техническому прогрессу. Но утверждение, что рационализация «не является результатом воздействия какого-либо другого, первичного по отношению к ней, фактора» [там же], встает здесь непреодолимой стеной, поскольку

превращает ее в «субстанцию», глубже которой в причинно-следственных связях ничего нет. Это настолько серьезно, что требует более фундаментального обоснования, чем постулированная позиция одного ученого, пусть и очень авторитетного. Что же касается трудов самого Вебера, многочисленные отсылки в них к социальным структурам и надындивидуальным силам при объяснении особенностей рационализации у представителей разных социальных групп указывают на то, что различия в направлениях и типах религиозного неприятия ими мира не являются первичными. А значит, они не являются и конечными причинами различий в темпах развития данных обществ.

Заключение. Оценка наследия М. Вебера в современной социологии напрямую вытекает из позиции относительного того, какой ей быть в XXI в.: продолжать ли ей двигаться в тренде генерализирующей науки или уйти в сторону «понимания» общества как индивидуального явления. Для современной российской социологии это актуально, но особенно важно – для развивающейся исторической социологии. Будет ли она ограничиваться предложением выявленных умозрительно «исторических концепций» или займется построением моделей, основанных на математической обработке данных?

(Продолжение в № 2, 2022 г.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990a. С. 345–415.

Вебер М. Предварительные замечания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 19906. С. 44–59.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения: М.: Прогресс, 1990в. С. 61–272.

Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль, 2017.

Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.

Зарубина Н.Н. Актуализация методологического наследия М. Вебера в поисках ответов на вызовы современной социологии // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 3–14. DOI: 10.31857/ S013216250013143-0.

Зарубина Н.Н. Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 3–15. DOI: 10.31857/ S013216250009355-3.

Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1999. C. 261–291.

Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности / Пер. с англ. *Н.С. Розова.* М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015.

Лал Д. Возвращение «невидимой руки»: Актуальность классического либерализма в XXI веке / Пер. с англ. М.: Новое изд-во, 2009.

Ларин А.Г. Президент, или Демократия с тайваньской спецификой. М.: Муравей, 2004.

Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. СПб.: Питер, 2004.

Уайтхед А. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2016.

Bhaskar R. The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences. New Jersey: Humanities Press, 1979.

Статья поступила: 30.09.21. Принята к публикации: 10.11.21.

CAPITALISM AND THE WEBERIANA IN RUSSIA: REVISITING THE POSSIBILITIES OF UNDERSTANDING SOCIOLOGY. Part 1. A CRITIQUE OF THE WEBERIANA

TRUBITSYN D.V.

Transbaikalian State University, Russia

Dmitry V. TRUBITSYN, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Transbaikalian State University, Chita, Russia (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Abstract. The article critically analyzes the part of Weber's heritage concerning the procedure of "referring to value" and the concept of rationalization. The subject of research are his works "The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism" and "The Economic Ethics of World Religions", as well as the works of N.N. Zarubina who suggests to apply the principles and the method of "understanding sociology" to studying contemporary social phenomena and to resolving methodological problems of sociology.

Subjectivism that neglects the objective content of social processes, as well as the dismissal of the idea of revealing the laws of history are regarded as the main flaws of Weber's method. The article criticizes methodological principle of cultural relativism and the thesis of the primacy and priority of rationalization that completely undermine the main goal of historical sociology – revealing causes and factors of phenomena and processes. Since understanding sociology offers a view on history that cannot be scientifically verified (dominated by subjective values and randomness), studies of large-scale historical processes based on it face significant problems. It is impossible to draw conclusions on them solely using Weber's approach, especially when his view contradicts the data of positive sociology and economic history.

Keywords: methodology, understanding sociology, Protestant ethics, culture, modernization.

REFERENCES

Collins R. (2015) Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Transl. from Eng.; afterword by N.S. Rozov. Moscow: URSS: LENAND. (In Russ.)

Gudkov L.D. (2011) Abortive Modernization. Moscow: ROSSPEN.

Harrison L. (2016) Jews, Confucians, and Protestants: Cultural Capital and the End of Multiculturalism. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Huntington S. (2003) The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Moscow: AST. (In Russ.) Inglehart R. (1999) Modernization and Postmodernization. In: Inozemcev V.L. (ed.) The New Postindustrial Wave in the West: Anthology. Moscow: Academia: 261–291. (In Russ.)

Lal D. (2009). Reviving the Invisible Hand: The Case for Classical Liberalism in the Twenty-first Century. Moscow: Novoye izd-vo. (In Russ.)

Larin A.G. (2004) The President, or Democracy with Taiwan Specifics. Moscow: Muravey. (In Russ.)

Mises L., von. Theory and History: An Interpretation of Social and Economic Evolution. Transl. from Eng. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)

Selishchev A.S., Selishchev N.A. (2004) Chinese Economy in the 21st Century. St. Petersburg: Piter. (In Russ.) Weber M. (1990a) Objectivity of Social Science and Social Policy. In: Weber M. Selected Works. Moscow: Progress: 345–415. (In Russ.)

Weber M. (1990b) Preliminary Remarks. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress: 44–59. (In Russ.) Weber M. (1990c) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress: 61–272. (In Russ.)

Weber M. (2017) The Economic Ethics of World Religions: Comparative Sociology of Religion. Confucianism and Taoism. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Whitehead A. (1990) Selected Philosophical Works. Moscow: Progress. (In Russ.)

Zarubina N.N. (2020) The Theory of Rationalization of Max Weber as a Methodology for Understanding Modern Sociocultural Processes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–15. DOI: 10.31857/S013216250009355-3. (In Russ.)

Zarubina N.N. (2021) Updating the Methodological Heritage of M. Weber in Search for Answers to the Challenges of Modern Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. DOI: 10.31857/S013216250013143-0. (In Russ.)

Received: 30.09.21. Accepted: 10.11.21.

Социологическая публицистика

© 2022 г.

А.Н. ДЕМЬЯНЕНКО, М.В. КЛИЦЕНКО

ХАБАРОВСКИЙ ПРОТЕСТ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (demyanenko@ecrin.ru); КЛИЦЕНКО Максим Вадимович – кандидат социологических наук, доцент Тихоокеанского государственного университета (007756@pnu.edu.ru). Оба – Хабаровск, Россия.

Аннотация. Авторами рассматриваются социальные аспекты Хабаровского протеста – массовых протестных выступлений в Хабаровске во второй половине 2020 г. Приведены результаты наблюдений паттерна участников, рассмотрены этапы развития и факторы, оказавшие влияние на формы и содержание протестных выступлений. Особое внимание уделяется динамике изменения количественных и качественных показателей участия в массовых протестных мероприятиях. Анализ осуществляется с опорой на современные концепты социологии города, на основе которых город рассматривается как социальное пространство, а события в Хабаровске – как реализация права жителей на свой город.

Ключевые слова: Хабаровский протест • протестное движение • городское социальное пространство • социология города

DOI: 10.31857/S013216250016854-2

Хабаровский протест рассматривается как социальное движение против неправомерных (по мнению участников протеста) действий центральной власти, которое началось в «столице» Хабаровского края в июле 2020 г. Авторы попытаются выявить основные причины и движущие силы Хабаровского протеста на его различных этапах. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач – прежде всего, выявление основных этапов Хабаровского протеста, что предполагает определение изменений в причинах и формах проявления протеста, а также определение социальных групп, вовлеченных в протестные акции, и их поведенческих паттернов. В финале авторы попытаются ответить на вопрос, в какой мере Хабаровский протест представляет собой уникальное социальное движение.

Попытка понять природу Хабаровского протеста – это тот случай социологического исследования, который Э. Гидденс определял как «головоломку»: «...не просто отсутствие информации, но пробел в нашем понимании. ...Исследование, связанное с решением головоломки, может приблизить нас к пониманию, почему события происходят именно так, как происходят, а не просто принять их так, как они выглядят» [Гидденс, 1999: 612].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32163.

Степень и методы изучения проблемы. Подавляющая часть исследований протестных движений в России последних 20 лет ([Бикбов, 2012; Желнина, 2014; Магун, 2014; Мирясова, 2012; Яницкий, 2013, 2013а] и др.) посвящена протестам в Москве и Санкт-Петербурге против фальсификации выборов в 2011–2012 гг.

Мы разделяем мнение О.Н. Яницкого, согласно которому протестное движение «как одна из форм существования гражданского общества возникает в результате столкновения его интересов и интересов государства» [Яницкий, 2013: 14]. Данная точка зрения согласуется с традицией, берущей начало в «Функциях социального конфликта» Л. Козера (1956): «Социальный конфликт отнюдь не представляет собой только "негативный" фактор, ведущий к разрыву и распаду, он может выполнять ряд определяющих функций в группах и межличностных отношениях» [Козер, 2000: 32]. Авторы согласны также с теми исследователями, которые относят протестные движения 2011–2012 гг. в Москве и Санкт-Петербурге (добавим, и в Хабаровске 2020–2021 гг.) к числу таких социальных движений, когда «...основанием для протеста становятся интересы не определенной социальной группы... а интересы всего общества, как их понимают протестующие». При этом «...протестующих объединяют не проблемы материального плана ...а ценностные основания, в частности ощущение от происходящего вокруг, возмущение пренебрежением власти к людям и невозможностью участия в принятии решений» [Яницкий, 2013а: 51].

Несмотря на большое внимание к протестным выступлениям, феномен Хабаровского протеста оказался не похож ни на один другой протест в современной России. Он был абсолютно неожиданным не только для власти, но и для научного сообщества, которое начало его изучать лишь постфактум (едва ли не единственное исключение – [Бляхер, Ковалевский, 2020]).

Поскольку Хабаровский протест представляет собой явление городской жизни, то нам никуда не деться от тех идей и концепций, которые сложились в настоящее время в микроурбанистике. В 1980-х гг. в рамках «пространственного поворота» ([Харви, 2018; Бляхер и др., 2021; Демьяненко, 2021] и др.) появилось немало исследований, содержащих теоретические концепции и идеи, которые полезны для понимания природы Хабаровского протеста. Наиболее значимыми среди них являются теоретические построения А. Лефевра [Lefebvre, 1996; Лефевр, 2015], связанные с пониманием природы социального пространства и взаимоотношений между властью и городом. Его тезис, что нет одного социального пространства, но есть несколько и даже бесконечное многообразие социальных пространств, позволяет говорить о том, что Хабаровский протест может быть понят, только будучи помещенным во вполне определенный контекст. Как и любое другое социальное движение, Хабаровский протест «зависит от экономической, социальной и культурной среды, в котором оно разворачивается» [Харви, 2021: 53].

Не меньшее значение для прояснения причин Хабаровского протеста и форм участия в нем различных социальных групп имеет и лефевровский концепт «право на город» [Lefebvre, 1996; Harvey, 2012]. Ключевая его идея заключается в том, что право на свой город включает и «крик», и «требование». И если «крик» – эмоциональный ответ на кризисные явления в городе, то «требование» – рациональный запрос на создание альтернативной городской жизни 1. Важно иметь в виду, что для А. Лефевра правом на город обладают не все его жители, а только те, для кого он является частью их повседневной жизни. По этой причине он отказывал в праве на город буржуазии, которая не укоренена в городе 2. Если придерживаться лефевровского концепта, то можно рассматривать Хабаровский протест именно как пример борьбы хабаровчан за свой город.

¹Д. Харви дает несколько иную (хотя и близкую по смыслу) трактовку: «право на город – это больше чем индивидуальная свобода доступа к городским ресурсам: это право изменять себя, изменяя город» [Харви, 2018: 399].

 $^{^{2}}$ Применительно к России, если следовать логике Лефевра, следует отказать в праве на город и столичным назначенцам.

Первоначально предполагалось, что основным источником информации станет массовый опрос горожан. Однако после начала Хабаровского протеста был принят ряд законодательных актов³, которые могут создать проблемы у участников протеста во взаимоотношениях с правоохранительными органами. Вполне понятный в этих условиях отказ обычных хабаровчан от участия в опросе можно рассматривать как проблему технического характера. Другая причина отказа от массового опроса имеет скорее методологический характер. О.Н. Яницкий по этому поводу отметил, что «...необходимо не "дистанцированное наблюдение", многократно искаженное опосредующими звеньями ...а все виды включенного наблюдения и непосредственного участия» [Яницкий, 2013: 15].

Эмпирической базой исследования стало несколько десятков экспертных интервью – как с непосредственными участниками протестных акций в Хабаровске, так и с теми, кто, не принимая участия в протестных акциях, обладал профессиональными знаниями в области исследования социальных процессов и имел возможность наблюдать Хабаровский протест. При этом исследовательский интерес был сфокусирован на «неизвестных» участниках протеста, а не на «активистах». Другим источником информации стали результаты включенного наблюдения самих авторов за ходом протестных акций в Хабаровске с июля 2020 по август 2021 г. В ходе исследования использовались и другие источники информации, в частности материалы СМИ.

Предыстория протеста. Хабаровский протест как социальный феномен имеет не только свою историю, но и предысторию, без рассмотрения которой трудно понять его природу. В качестве отправной точки надо взять выборы 2018 г., в результате которых С.И. Фургал стал губернатором края.

Почему выборы губернатора, событие вполне рядовое, стало триггером к массовым протестам по истечении немногим менее двух лет? Ответ прост и очевиден: электоральное поведение жителей Хабаровского края (и в первую очередь региональной «столицы») в явном виде показало наличие потенциала протестных настроений. Если выборы губернатора являются рядовым процессом, то появление второго тура на выборах 2018 г. в Хабаровском крае стало поводом для увеличения явки избирателей. Протестные настроения были при этом направлены не на личность действующего губернатора, а на сложившуюся систему государственной власти в регионе. Иначе говоря, существовал запрос на перемены, и перемены в системе региональной власти произошли: С.И. Фургал как кандидат от ЛДПР сменил предшествующего губернатора, представлявшего «Единую Россию».

Но предыстория – это не только выборы губернатора, но и последовавшие вслед за ними выборы в законодательные собрания Хабаровского края и Хабаровска. Выборы в Законодательную думу Хабаровского края в сентябре 2019 г. тоже выиграли представители ЛДПР, хотя не секрет, что эта парламентская партия была не заинтересована в таких беспрецедентных победах. Выигрывали выборы те, кто, по мнению электората, выступал против «Единой России» и за С.И. Фургала. Жириновский и ЛДПР здесь были ни при чем. Эти события происходили на фоне достаточно жесткой критики губернатора в СМИ, но электорат демонстрировал высокий уровень доверия к выбранному им губернатору.

Если предыстория Хабаровского протеста начинается избранием С.И. Фургала, то его арест 9 июля 2020 г. – ее завершение и начало собственно истории Хабаровского протеста.

Начало протеста. Реакция населения края и, прежде всего, жителей краевой столицы, которая на тот момент была и столицей ДВФО, оказалась неожиданной для власти – как местной, так и в еще большей мере для власти федеральной. Уже в первом субботнем митинге на центральной площади города, а затем и в шествии по центральным улицам приняли участие десятки тысяч человек.

 $^{^3}$ Поправки в 54-Ф3 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в части деятельности иноагентов (от 30.12.2020 № 497-Ф3, от 30.12.2020 № 541-Ф3); поправки в 114-Ф3 «О противодействии экстремистской деятельности» (от 31.07.2020 № 299-Ф3, от 15.10.2020 № 337-Ф3, от 08.12. 2020 № 429-Ф3).

Требования участников протеста на этом начальном этапе были просты и понятны: открытый суд в Хабаровске. Предъявленные обвинения в организации и совершении убийств, которые вменялись губернатору, участникам протеста казались абсурдными. Среди участников протеста были широко распространены суждения такого рода: «Ага, два созыва пробыл депутатом Государственной думы, и никто не знал о его преступном прошлом, а через 15 лет вспомнили», или «Арест – месть Москвы за поражения "Единой России" на выборах».

Все это – свидетельство того, что жители города на этом этапе протеста хотели быть услышанными теми, кто принимал участие в преследовании выбранного ими губернатора. На первом митинге, который перешел в шествие по центральным улицам города, определяющими настроение участников этих несанкционированных акций лозунгами были «Свободу Фургалу!», «Фургал – наш выбор!», «Открытый и честный суд в Хабаровске!».

Однако реакция «центра» оказалась не той, на которую рассчитывали участники протеста; центральная власть была готова на что угодно, но только не на диалог. Вместо диалога последовала шумная кампания в центральных СМИ, из которой не только протестующие, но и жители края узнали о себе много нового 4 . Например, они узнали, что протест был организован извне.

Удивительно, но – факт: организующего центра протеста в явном виде в Хабаровске не было, как не было в явном виде и лидера протеста. Имела место *самоорганизация*, чему в немалой степени содействовали социальные сети. Именно социальные сети – как использующие возможности IT, так и сети межличностных коммуникаций в их традиционном понимании – не только стали на первом этапе протеста своего рода организатором движения, но и придали самому движению сетевую структуру.

Еще одно важное явление, наблюдавшееся на начальном этапе Хабаровского протеста и в значительной мере определившее дальнейшее его течение, это то, что «тема Фургала» уже в ходе первых митингов и шествий была дополнена другой темой, выраженной в лозунге «Мы здесь власть!». Иначе говоря, протестующие демонстрировали не только несогласие с действиями власти в отношении избранного ими губернатора, но и прямо заявляли свое право на власть.

Публичное пространство протеста. Особого внимания заслуживает формирование уже на начальном этапе протеста того публичного пространства, которое хабаровчане «отвоевали» у власти. Уже самый первый митинг и последующее шествие заложили основные элементы нового публичного пространства, которое стало надолго ареной протестных действий, – тем местом, где протестующие демонстрировали свое право на город. Основные его структурные элементы – это пространства протеста. Речь идет, прежде всего, о центральной площади имени Ленина, которую, пользуясь терминологией Д. Харви, можно назвать «сакральным пространством», выполняющим функции координационного центра. Оно выделяется из общей массы застройки и им «манипулируют для того, чтобы показать статус и престиж» [Харви, 2018: 356]. Второй элемент пространства протеста – кольцевой маршрут по центральным улицам города, протяженностью примерно в 4 километра, который начинался и заканчивался все на той же центральной площади.

Уместно привести мнение А. Лефевра относительно центр-периферийных отношений: «Форма центральности, пустая, как любая форма, требует содержания, влечет к себе и вбирает в себя те или иные предметы. Становясь местом действия, ...она обретает функциональную реальность» [Лефевр, 2015: 389]. Примерно так и происходило: для протестующих площадь имени Ленина – не просто «сакральное пространство», но и форма центральности. Став местом действия, сбора и координации участников протеста, она обрела реальную функциональность.

⁴Например, что они «потомки каторжан», «пьяная погань», к тому же еще и «проплаченная». Речь идет, например, о выступлении В. Соловьева на канале «Русская политика». URL: https://www.youtube.com/watch?v=8-WpCHj9vcg (дата обращения: 31.10.2021).

Кроме центра в пространстве протеста была и периферия. Мы имеем в виду, во-первых, потоки участников протеста из периферийных районов города и пригородов в «центр». Во-вторых, на короткое время «периферией» пространства Хабаровского протеста стали не только города Хабаровского края (Комсомольск-на-Амуре в первую очередь) и Дальнего Востока (Владивосток, Южно-Сахалинск, Якутск), но даже Москва и Санкт-Петербург. Удивительно, но факт: для пространства Хабаровского протеста «периферией» оказались обе российские столицы.

В этой связи мнение многих отечественных и зарубежных экспертов, что существует глубокий раскол между более богатыми и образованными москвичами/питерцами и всеми остальными, и он останется надолго, вовсе не представляется бесспорным. Еще более дискуссионным представляется устойчивое представление значительной части научного сообщества, что «периферию не интересует степень легитимность власти всех уровней. Ее население, а это, по разным подсчетам, 60–70% всего населения страны, озабочено [главным образом] проблемами своего физического существования» [Яницкий, 2015: 16]. На самом деле не все так просто: российская периферия крайне неоднородна и в социальном, и в политическом отношениях. Хабаровский протест свидетельствует, что общественно-политические проблемы их волнуют не менее остро, чем жителей столиц. Другое дело, что формы выражения могут быть иными.

Участники протеста. При оценке численности протестующих мы сталкиваемся с целым рядом проблем методологического и методического свойства.

Для начала попытаемся определиться, кто есть участник протестных акций. На первый взгляд, все просто: кто принял участие в несанкционированных протестных акциях, тот и участник. Но как быть с теми, кто не идет в колонне, а сопровождает колонну по тротуару? Другой вопрос: как быть с теми, кто участвовал в митинге или в шествии всего несколько минут? Наконец, являются ли участниками протестных акций сотрудники силовых структур (в форме и без нее) или пассажиры общественного транспорта, приветствующие участников шествия? Оценка численности участвующих является также предметом политических споров между протестующими, с одной стороны, и официальными инстанциями.

Наши оценки в отношении численности участвующих в протесте на первом этапе и на всех последующих имеют весьма приблизительный характер. По нашему мнению, которое опирается не только на собственные наблюдения, но и на мнения экспертов, можно говорить примерно о 50 тыс. человек. Для города с населением чуть более 600 тыс. человек – это очень высокий показатель, более 10% взрослого населения.

Социальная структура участников протеста отличалась высоким разнообразием. На первых митингах и шествиях мы могли наблюдать людей с самыми разными доходами, имеющих самую различную политическую окраску и не имеющих таковой, в профессиональном отношении разнообразие тоже было предельно широким. Еще одна особенность протеста на начальном этапе – участие в нем не только жителей Хабаровска, но и жителей из ближней и дальней периферии Хабаровской агломерации и даже приезжих из других городов (в частности, из Комсомольска-на-Амуре и Биробиджана).

Относительно поведенческих паттернов надо отметить предельную концентрацию участников, независимо от их социальных статусов, на предотвращение ситуаций, которые могли бы спровоцировать полицию на применение силы. Поэтому в колоннах не было пьяных и людей, отличающихся агрессивным поведением. Преобладало доброжелательное отношение между участниками протеста друг к другу. У читателя может возникнуть подозрение, что авторы рисуют некую идеализированную картину. Однако как тогда

⁵Несколько замеров трафика свидетельствует, что если в обычные дни движение в прямом и обратном направлении по тротуарам центральных улиц было примерно 1 к 1, то во время движения колонны протестующих – примерно 1 к 9–10.

⁶В этом отношении Хабаровский протест не отличается от протестных акций в Москве и Санкт-Петербурге в 2011–2012 гг., где «данные в официальных полицейских сводках были в разы меньше, чем подсчеты оппозиции» [Желнина, 2014: 284].

объяснить факт, с которым согласны не только мы, но и все информанты: на митингах и шествиях не было слышно нецензурной брани, не было практически и мусора, каких-либо повреждений объектов городской инфраструктуры, зеленых насаждений и т.п.?

Развертывание и свертывание протеста. Второй этап Хабаровского протеста начинается с принятия президентом РФ 20 июля 2020 г. решения об отрешении С.И. Фургала от должности губернатора и назначении вместо него М.В. Дегтярева. Это решение было воспринято большинством протестующих как не только неожиданное, но и оскорбительное.

По этой причине «тема Фургала», оставаясь доминирующей, дополнилась «темой Дегтярева», а требования восстановления справедливости обогатились уже политическими лозунгами. И если на первом этапе политические лозунги (в частности, «Мы здесь власть!») имели достаточно абстрактный характер, то на втором этапе (особенно после инцидента с А. Навальным и протестными акциями в Белоруссии) характер требований меняется. Появляются качественно иные лозунги: «Просыпайтесь, города, с нашей родиной – беда!», «Живе Белорусь!», «Леха – живи!» и т.п. Можно предположить осознание протестующими, что ресурсов Хабаровска явно недостаточно. К тому же они все более явственно стали понимать, что конфликт явно переходит из фазы борьбы за справедливость в фазу неприятия политики «центра» в отношении Хабаровска – и шире – Дальнего Востока. В этой связи не случайно появление лозунгов «Мы не колония!» и ему подобных.

Рубежом между вторым и третьим этапами стали события 10 ноября 2020 г., когда власть применила неоправданно жесткие меры против участников протеста. Это вызвало очередной всплеск активности – как уличной, так и в социальных сетях. Но в целом протест пошел на спад, к зиме шествия и митинги уже собирали всего несколько сот участников. Конечно, дело не в зимних холодах (хотя и это – веская причина), а в том, что начались массовые преследования, прежде всего активистов (таковые появились уже в самом начале второго этапа) протестного движения. В нашем распоряжении нет точных данных об общем количестве задержанных и наказанных, но речь идет о нескольких сотнях человек, что для города с населением немногим более 600 тыс. человек совсем немало. Третий этап протеста продолжался вплоть до конца января 2021 г., когда имела место очередная активизация протеста, но уже связанная с общероссийскими протестными акциями по поводу ареста А. Навального.

По завершении протестной активности в январе 2021 г. протест переходит в латентную форму – массовых несанкционированных акций больше не наблюдается. Однако при этом происходит ряд важных событий: смена основной площадки, где происходят акции протеста (уход с площади им. В.И. Ленина, где расположено здание Правительства Хабаровского края, на Комсомольскую площадь и Амурский бульвар), а также смена лозунгов и формата акций. Пассивные наблюдатели уже не переходили в активные, наблюдалась цикличная последовательность «кричалок», которая не имела завязки на каком-то главном аспекте (например, «Нам нужна поддержка всей страны!», «Один за всех и все за одного!», «Вместе мы сила!», «Спасибо за поддержку всей стране!» и т.д.). Важно отметить, что в день годовщины ареста С.И. Фургала не было никаких особенных лозунгов и не устраивались акции, чтобы подчеркнуть значимость даты для протестующих. Все это говорит о том, что среди активных участников протеста уже не было людей, имеющих отношение к событиям летом 2020 г., а преобладали люди, для которых сам факт протеста является самоцелью.

Такая мутация Хабаровского протеста может дать ложное предположение, что весь протестный потенциал сошел на нет. На самом деле протест переместился в социальные сети, конфликт остался, и осталась память, а это – совсем немало.

Заключение. Хабаровский протест – вроде бы явление вполне заурядное, если рассматривать его в глобальном контексте, но, если поместить его в российский контекст последнего десятилетия, – уникальное событие. Уникальным его делает, во-первых, массовость, во-вторых, длительность, в-третьих, локализация в относительно небольшом по российским

меркам городе – в городе провинциальном, хотя и обладавшем недавно статусом столицы Дальневосточного федерального округа (которого Хабаровск лишился в 2018 г.).

Цели, движущие силы и формы проявления протеста не оставались неизменными. Поскольку этот «проект» все еще не завершен, наши выводы имеют предварительный характер. Рискнем представить некоторые из них.

Во-первых, Хабаровский протест представляет собой крайне сложный социальный феномен, который к тому же все еще находится в состоянии перманентных изменений, и трудно предположить, как долго он будет длиться. Однозначно можно заключить, что Хабаровский протест не исчерпал себя, поскольку его переход в латентную форму не означает разрешения конфликтной ситуации.

Во-вторых, многообразие социальных групп, участвующих в протестных акциях, и форм проявления их активности, постоянно меняющийся контекст предполагают использование аналитического инструментария, присущего «кейс-стади». Это позволяет рассматривать Хабаровский протест в контексте городского пространства, учитывать факторы, объясняющие паттерны гражданской активности населения города.

В-третьих, хотя протестный потенциал в крае и в Хабаровске формировался достаточно долго, переход к активной фазе протеста оказался неожиданным как для жителей города и края, так и для власти, и даже для самих участников протестных митингов. Показательно, что участники протеста, принадлежа к различным социальным группам, оказываясь в пространстве протеста, образовывали относительно гомогенную общность, недовольную существующим положением дел.

В-четвертых, протест явно имеет волновую природу: периоды активных действий перемежаются периодами спада протестных акций. В самом общем виде Хабаровский протест можно представить следующим образом. Сначала происходило длительное и по большей части проявляющееся в латентной форме формирование протестного потенциала. Затем наблюдался «крик» – эмоциональный ответ на несправедливость со стороны власти (арест губернатора С.И. Фургала), который проявил себя в массовых *несанкционированных* митингах и шествиях. Вслед за «криком» последовали «требования», рациональные действия, и здесь на первый план вышли требования, имеющие отношение не только к местной тематике, но и, как минимум, дальневосточной. Силовое подавление протестных акций, как и психологическая усталость протестующих, привели к уходу протестных действий снова в латентную форму. Затем протест опять вышел в «крик», но это уже другой «крик» – в форме санкционированных митингов с крайне ограниченным числом участников (до 10 человек).

Наконец, Хабаровский протест свидетельствует о том, что не только столицы могут выступать в качестве центров протестных движений, но и города гораздо меньших размеров. Более того, очевидно, что центрами протестных движений становятся не города сами по себе, а городские агломерации, так как в протестные акции оказываются вовлеченными не только жители городов, но и, как минимум, жители пригородов. Всё это придает высокую актуальность социологическим исследованиям пространства протестных движений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 июнь 2012) // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2012. Т. 4. № 2. С. 130–163.
- Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Клиценко М.В., Ламашева Ю.А., Лебедева М.М., Леонтьева Э.О., Малкова Н.Ю., Украинский В.Н., Ярулин И.Ф., Ячин С.Е. «Пространственный поворот» и его интерпретация в российской науке и институциональной практике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 46–59. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/46-59.
- Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В. Что это было? (Предварительная рефлексия о хабаровских митингах) // Полития. 2020. № 4. С. 108–136. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-108-136.

Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Демьяненко А.Н. Особенности городского пространства Хабаровской агломерации // Тихоокеанская география. 2021. № 3. С. 51–64. DOI: $10.35735/26870509_2021_7_51$.

Желнина А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство в России до и после протестной волны 2011–2012 годов // Стасис. 2014. Т. 2. № 1. С. 260–295.

Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.

Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.

Магун А. Протестное движение 2011–2012 годов в России: Новый популизм среднего класса // Стасис. 2014. Т. 2. № 1. С.192–226.

Мирясова О.А. Российская глубинка и мегаполисы: ценностные основания протестных выступлений // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 4. С. 50–56.

Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: НЛО, 2018.

Харви Д. Состояние постмодерна: Исследования истоков культурных изменений. М.: ВШЭ, 2021.

Яницкий О.Н. Социальные движения в современном обществе: вопросы теории // Социологические исследования. 2013а. № 3. С. 50–59.

Яницкий О.Н. Протестное движение 2011–2012 гг.: некоторые итоги // Власть. 20136. Т. 21. № 2. С. 14–19. Яницкий О.Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня // Власть. 2015. Т. 23. № 2. С. 53–60. Harvey D. Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. London; New York: Verso, 2012. Lefebvre H. The Right to the City // Writings on Cities / Ed. by E. Kofman, E. Lebas. Cambridge, MA: Blackwell, 1996. P. 61–181.

Статья поступила: 20.09.21. Финальная версия: 31.10.21. Принята к публикации: 02.11.21.

KHABAROVSK PROTEST: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

DEMYANENKO A.N.*, KLITSENKO M.V.**

*Economic Research Institute of FEB RAS, Russia; **Pacific National University, Russia

Aleksandr N. DEMYANENKO, Dr. Sci. (Geog.), Chief Researcher, Economic Research Institute of FEB RAS (demyanenko@ecrin.ru); Maksim V. KLITSENKO, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Pacific National University (007756@pnu.edu.ru). Both – Khabarovsk, Russia.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EIRS, project № 21-011-32163 "Civil activity of the population of the city of Khabarovsk in the prism of political events".

Abstract. The article examines social aspects of Khabarovsk protest, the active part took place in 2020, Khabarovsk. The pattern results are given, the chronological order of Khabarovsk protest development is considered, the factors influencing forms and content of protests in the capital of Khabarovskiy Krai are considered. Particular attention is paid to the degree of involvement of various social groups in the protest movement, as well as the changes dynamics in the quantitative and qualitative indicators among people in mass events. The city itself is seen as a social space, and city events are seen as the right of this city residents.

Keywords: Khabarovsk protest, protest movement, urban social space, sociology of the city.

REFERENCES

Bikbov A. (2012) The Methodology of Studying "Spontaneous" Street Activism (Russian Protests and Street Camps, December 2011 – July 2012). *Laboratorium: Zhurnal sotsialnykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 4. No. 2: 130–163. (In Russ.)

Blyakher L.E., Dem'yanenko A.N., Kireev A.A., Klitsenko M.V., Lamasheva Yu.A., Lebedeva M.M., Leont'eva Eh.O., Malkova N.Yu., Ukrainskij V.N., Yarulin I.F., Yachin S.E. (2021) "Spatial Turn" and its Interpretation in Russian Science and Institutional Practice. *Ojkumena. Regionalnye issledovaniya* [Oecumene. Regional Researches]. 2021. No. 2: 46–59. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/46-59. (In Russ.)

Blyakher L.E., Kovalevskiy A.V. (2020) What Was It? (Preliminary Reflection on Khabarovsk Rallies). *Politiya* [Politeia]. No. 4: 108–136. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-108-136. (In Russ.)

Coser L. (2000) The Functions of Social Conflict. Moscow: Ideya-Press; Dom intellektualnoy knigi. (In Russ.)

Demyanenko A.N. (2021) Features of the Formation of the Urban Space of the Khabarovsk Agglomeration. *Tikhookeanskaya geografia* [Pacific Geography]. No. 3: 51–64. DOI: 10.35735/26870509_2021_7_51. (In Russ.)

Giddens A. (1999) Sociology. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

- Harvey D. (2012) Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. London; New York: Verso. Harvey D. (2018) Social Justice and the City. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Harvey D. (2021) The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Lefebvre H. (1996) The Right to the City. In: Kofman E., Lebas E. (ed.) Writings on Cities. Cambridge, MA: Blackwell: 61–181.
- Lefebvre H. (2015) The Production of Space. Moscow: Strelka-Press. (In Russ.)
- Magun A. (2014) The Russian Protest Movement of 2011–2012: A New Middle-Class Populism. *Stasis*. Vol. 2. No 1: 192–226. (In Russ.)
- Miryasova O.A. (2012) Russian Hinterland and Metropolis: Value-based Reasons for Protests. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion]. No. 4: 50–56. (In Russ.)
- Yanitskii O.N. (2013a) Social Movements in Contemporary Society: Issues of theory. Sotsiologishcheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. No. 3: 50–59. (In Russ.)
- Yanitskii O.N. (2013b) Protest Movement of 2011–2012: Some Outcomes. *Vlast'* [The Authority]. Vol. 21. No. 2: 14–19. (In Russ.)
- Yanitskii O.N. (2015) Public Activism in Russia: Today and Yesterday. *Vlast'* [The Authority]. Vol. 23. No. 2: 53–60. (In Russ.)
- Zhelnina A. (2014) "Hanging Out", Creativity, and the Right to the City: Urban Public Space in Russia before and after the Protest Wave of 2011–2012. Stasis. Vol. 2. No. 1: 260–295. (In Russ.)

Received: 20.09.21. Final version: 31.10.21. Accepted: 02.11.21.

ВАН СЯО, ЛИ ЦЗЫХАНЬ

ВАКЦИНАЦИЯ ОТ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

ВАН СЯО – кандидат психологических наук, старший преподаватель Юго-западного медицинского университета (wangxiao@mail.ru); ЛИ ЦЗЫХАНЬ – кандидат психологических наук, старший преподаватель Юго-западного национального университета Миньцзу (li.tszihan@yandex.ru). Оба – Сычуань, КНР.

> Аннотация. Исследованы социально-психологическая история становления вакцинопрофилактики как способа предупреждения смертельных болезней, охраны общественного здоровья и факторы социального ответа на нее. Раскрыты тенденции отношения социума к вакцинации на этапах развития здравоохранения разных стран. Анализируются факторы и причины выступлений против вакцинации: социальные, психологические, культурно обусловленные. Охарактеризованы ключевые опасения и заблуждения вакциноскептиков относительно рисков вакцинопрофилактических мероприятий. Делается вывод о психологических и социальных предикторах восприятия вакцинации как угрозы безопасности и здоровья, веры в мифы и сенсационные заявления. Затрагиваются вопросы легитимности и эффективности программ обязательной вакцинации. Предлагаются некоторые меры по политической и коммуникативной стратегии повышения информированности населения о пользе иммунизации и вакцинопрофилактики. Основу предлагаемых мероприятий должны составлять данные качественных исследований и детального изучения социально-демографических и культурных характеристик вакциноскептиков.

> **Ключевые слова:** вакциноскептицизм • вакцинопрофилактика • иммунизация • социология вакцинации • психология вакцинации • антивакцинное движение • антивакцинаторство • право на здоровье

DOI: 10.31857/S013216250016974-4

Введение. Практика введения в организм человека вакцин для профилактики заболеваний имеет давнюю историю. Прогрессивные представители медицинского сообщества, ориентирующиеся на систему доказательной медицины и биомедицинские технологии, признают, что вакцинопрофилактика является одним из наиболее действенных средств защиты от грозящих жизни и здоровью человека вирусов. За последние десятилетия благодаря научным разработкам в сфере медицины, биологии, фармакологии риск заражения более чем 50 болезнями, имеющими смертоносный характер, фактически сведен к нулю. Для современного поколения такие страшные заболевания, как оспа, холера, дифтерия, коклюш, полиомиелит и десяток других, навсегда останутся лишь терминами и названиями из научной литературы, частью истории эпидемий в мире.

Тем не менее ни прогресс научных знаний, ни положительная статистика борьбы с болезнями не убедительны для всех. Несмотря на эффективность и последовательную результативность иммунопрофилактики сегодня, открытия, изобретения в сфере медицины и биологии, вирусологии, существенная часть общества демонстрирует колебания, отказ от участия в вакцинопрофилактических мероприятиях. Данная проблема не так проста, как может показаться на первый взгляд, она имеет глубокие социальные, культурные и психологические корни.

Среди социальных причин ключевой движущей силой выступает внешняя опасность, в которой убежден человек. Убежденность способствует объединению людей, создает

Статья подготовлена при поддержке гранта RQD2021013. Авторы сердечно благодарят анонимных рецензентов журнала «Социологические исследования» за ценные критические замечания.

внутригрупповой климат, активизирует групповые защитные механизмы, формирует «внутренний» идеологический план совместной деятельности по сохранению привычной социальной реальности. Среди обстоятельств, способствующих объединению таких общественных сил, можно назвать: сложность социальной обстановки, низкое доверие к государственным институтам, сомнения в эффективности вакцинации, преобладание мифологической картины мира, ориентация на конспирологические теории. Сложность выбора и неочевидность выхода из проблем порой заставляют человека искать лидера мнений с надеждой, что он поможет сформировать правдоподобное устойчивое представление об угрожающем жизни и здоровью явлении. В таких социальных обстоятельствах антивакцинаторное движение выступает формой гражданской самоорганизации, вполне реакционнотрадиционалистской по идеологии и демократической (популистской) по структуре.

Психологическая (личная) причина заключена в том, что человек по природе склонен настороженно относиться ко всему новому, стремиться к конформизму. Это – основа потребности в безопасности. Она приводит в действие защитный механизм обдумывания любых предложений, обращения к «народной мудрости», унаследованной от досовременных эпох в общественной памяти для принятия решения. Единицей абсолютного значения в таком случае выступает субъектность.

Каждый из макро- и микрофакторов отказа от участия в профилактических мероприятиях делит людей на два лагеря. Оказавшись по разные стороны баррикад, они готовы на все, чтобы доказать свою правоту. Опасность массового противостояния и пассивноагрессивной демонстрации вакциноскептицизма усиливается влиянием напряженности в сфере здравоохранения, в то время как социум нуждается в максимальной кооперации и сотрудничестве для устранения угрожающей опасности здоровью и жизни. С другой стороны, чрезвычайные условия эпидемии, вспышки заболеваний и общественные кризисы являются «благоприятным» подспорьем для рождения и распространения суеверий, предрассудков, вымыслов, конспирологических теорий, идей всемирного заговора. К тому же в условиях распространения COVID-19 настороженность к массовой обязательной вакцинации демонстрируют не только социум, но и представители медицинской элиты. Это усугубляет общественные разногласия и ставит под угрозу уклад жизни и здоровье людей.

Несмотря на актуальность исследований скептических настроений относительно массовой вакцинации и факторов, их вызывающих, в условиях кризиса здравоохранения и глобальной пандемии COVID-19 ни у кого не вызывает сомнения, этой теме посвящено мало научных работ. В науке отсутствуют данные, в которых бы детально раскрывался или хотя бы косвенно затрагивался вопрос механизмов вакциносцептицизма и социального согласия на вакцинацию. При этом разработка эффективных коммуникативных вмешательств и повышение доверия общества к вакцинопрофилактическим мероприятиям требует понимания детерминант проявлений нерешительности относительно вакцинации среди групп населения.

Историко-социологический аспект антивакцинаторного движения. Намеренное заражение организма вирусом для создания антител к нему – метод укрепления иммунитета человека, берущий начало в древности. Одним из ранних донаучных источников, упоминающих термин «иммунитет», является древнеримская поэма «Фарсалия, или Поэма о гражданской войне» (60-е гг. до н.э.); иммунитет описывается там как «сопротивляемость змеиному яду». Это стало начальным базовым представлением о механизме получения иммунного ответа на чужеродные агенты, попадающие в тело человека, и о способе предварительного формирования устойчивости организма к заболеванию.

Первыми к такому способу защиты от болезней начали прибегать представители нетрадиционной медицины в Китае. Примерно в 1000-е гг. н.э. китайские экспериментаторы, собирая, высушивая и измельчая до порошкообразного состояния струпья от легких случаев «дикой» оспы, получали «присыпку», вдыхая которую человек заражался легкой формой заболевания. Это позволяло «познакомить» организм с вирусом и выработать стойкий иммунитет на случай заражения вирусом натуральной оспы. Впоследствии такой способ иммунизации назвали вариолизацией.

В Европе о вариолизации как способе борьбы с вирусными заболеваниями узнали в XVII–XVIII вв. – период пика эпидемии и уровня смертности от тяжелых форм оспы. В 1717 г. супруга британского посла леди Мэри Уортли Монтегю «привила» своих детей от оспы в Турции таким способом, что вызвало огромный общественный резонанс.

Идея борьбы с эпидемией оспы посредством втирания инфицированных струпьев, гноя в кожный прокол была воспринята в сознании масс как провальная. Основной аргумент был таков: этот путь формирования иммунитета крайне небезопасен, существует большой риск заражения натуральной оспой. К тому же при проведении процедуры «вакцинации» существовала высокая вероятность инфицирования другими патогенами. Однако экспериментаторов это не остановило. В попытках монополизировать, запатентовать на официальном уровне такой метод иммунопрофилактики в начале XVIII в. некоторые медики начали массово использовать вариолизацию для выработки иммунитета к заболеванию оспой [Callender, 2016]. Такие эксперименты были не всегда успешны, но ученые и биологи всего мира начали проявлять заинтересованность к методу вариолизации.

В России к 1768 г. от натуральной оспы умирал каждый седьмой ребенок, смертельность зараженных составляла примерно 40%. Общественные настроения доходили до паники, болезнь не щадила никого, ни крестьян, ни высшие слои общества. Молодая графиня Шереметьева, заболев вирусом оспы, скончалась накануне свадьбы. Это насторожило императрицу Екатерину II, которая всю жизнь опасалась подобного сценария. 12 октября 1768 г. английским врачом Т. Димсдейлом, приглашенным в Россию, Екатерине II и ее сыну была сделана первая в российской медицинской практике прививка от оспы. Шаг этот был рискованным, но императрица одержала победу 1. Екатерина II для российского царского общества стала образцом «ответственного отношения к здоровью». В рамках этого действа в России была запущена пропагандистская кампания. 21 ноября 1768 г. был объявлен день торжества в честь «великодушного, беспримерного и знаменитого подвига» Екатерины II. Была выбита медаль с изображением императрицы и надписью «Собою подала пример», в театре спешно поставили балет «Торжествующая Минерва, или Побежденное предрассуждение». Для простонародья буквально сотнями печатались красочные картинки. В российском обществе прививаться стало модным.

В 1786 г. при поддержке Екатерины II был учрежден первый Оспенный дом в Петербурге, после него открыли оспенные дома в Москве, Царском Селе, Киеве и Иркутске. На официальном уровне государство выпускало постановления и наставления о прививании от инфекции оспы. Все это постепенно популяризировало применение вариолизации среди населения России². Историки отмечают, что примерно на рубеже XVIII–XIX вв. прививка от оспы начала приобретать стандартно-обязательный характер и стала неотъемлемой процедурой императорской фамилии [Зимин, 2018].

Однако подобные практики далеко не всегда однозначно воспринимались и трактовались политиками, философами, мыслителями и некоторыми медиками. Преподобный Мэсси, монашествующее лицо Соединенного Королевства, в 1803 г. объявил вакцинацию «дъявольским промыслом». Его поддержала парижская элита, говоря, что в руках недоброжелателей прививка может быть использована с целью массового убийства детей. Такие заявления стали почвой для построения цепочки лжефактов, активизации антивакцинаторного движения, которое заявляло о том, что такое вмешательство в организм серьезно нарушает телесные свободы человека [Otter, 2015].

Под влиянием подобных мнений в западном мире множились сопротивление, протесты и отказы от вакцинации под предлогами научных и идеологических факторов. Те, кто по тем или иным причинам соглашались на прививку, как правило, высмеивались и становились

¹ Четверикова А. Почему Императрица Екатерина II первой в России сделала себе и сыну прививку от оспы // Родина. 2020. 1 июня. URL: https://rg.ru/2020/05/28/pochemu-ekaterina-ii-pervoj-v-rossii-sdelala-sebe-i-synu-privivku-ot-ospy.html (дата обращения: 02.10.2021).

²Там же.

изгоями. Такие общественные практики напоминают поведение русских старообрядцевраскольников XVII и последующих столетий, чья борьба за традиции была исторической новацией: до того времени видоизменения обряда и учения воспринимались покорноравнодушно, а здесь сразу всплеск социальной активности и институализация альтернативной комьюнити/субкультуры. Однако даже это не помешало английским дипломатам в начале 1800-х гг. на официальном уровне ввести штрафы и ограничения для отказываюшихся от иммунопрофилактических мероприятий.

Такое решение, принятое в Великобритании на государственном уровне, многими было воспринято с непониманием. В России общественные деятели В. Острогорский и Ф. Батюшков писали, что насильственный и грубый призыв, принуждение к вакцинации в совокупности с общей неразвитостью общественных представлений о пользе такого метода иммунопрофилактики не приведут ни к чему хорошему. Принятие аналогичных европейским мер вакцинации в России не увенчалось успехом [Острогорский, Батюшков, 1986].

Постепенно многие страны начали разочаровываться в практике массовой вакцинации. В числе основных причин были не только опасения заражения вирусом оспы, но и то, что правительства пытались сделать вакцинацию обязательной для детей. Обосновывалась антивакцинаторная позиция тем, что подобные манипуляции противоречат якобы религиозным, научным и политическим догматам [lannelli, 2021]. В России, отмечал историк С.М. Соловьев, медики под влиянием общественных настроений фактически поголовно выступали против новинки, с церковных кафедр звучали проповеди против прививок [Четверикова, 2020]. Вплоть до Октябрьской революции в стране не была введена обязательная вакцинация, что негативно влияло на статистику смертности от оспы.

В конце XIX в. в течение многих лет одним из очагов активности противников вакцинации, местом проведения десятков митингов протеста был город Лестер в Великобритании [Swales, 1992]. Среди знаковых событий для борцов с вакцинопрофилактикой стал Лестерский марш 1885 г. Он остается одной из самых громких общественных демонстраций против вакцинации, когда-либо организовангых в мире [History of Anti-vaccination Movements, 2018]. В 1898 г. после многочисленных забастовок и протестов британские родители добились возможности отказа от вакцинации детей.

В отличие от Европы и США в России ситуация в отношении массовой иммунизации посредством вакцинации складывалась иным образом. В 1919 г. 10 апреля был выпущен декрет СНК РСФСР «Об обязательном оспопрививании». Несколькими годами позднее был издан новый закон об обязательной вакцинации и ревакцинации. Несмотря на то что многие так и продолжили считать такие меры «негуманными» и антидемократичными, к 1936 г. в СССР удалось полностью ликвидировать заболевания натуральной оспой. В 1958 г. замминистра здравоохранения СССР В. Жданов выступил на XI сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения с программой искоренения оспы во всем мире [Жданов, 1984]. В 1967 г. ВОЗ приняла решение об интенсификации борьбы с вирусом натуральной оспы посредством массовой вакцинации.

Вакцинопрофилактика, приобретя научно обоснованные черты, казалось бы, должна была удовлетворить интерес каждого, снизить уровень недоверия к ней в обществе. Однако ситуация в среде вакциноскептиков разворачивалась кардинально противоположным образом. Ни достижения в области иммунизации, ни изменение статуса данной практики – признание на государственном уровне – не повлияли на доверие к вакцинации среди ее противников. Большую роль в этом сыграли неоднократные эксперименты, не до конца удавшиеся попытки защитить организм человека посредством вакцинаторной иммунизации.

В 1929 г. в Любеке (Германия) от использования зараженной партии вакцины от туберкулеза умерли 72 младенца. В 1974 г. в рамках исследования, опубликованного в «Архиве детских болезней», отмечалось, что у 36 детей, привитых от дифтерии, столбняка и коклюша, в течение 11 лет развивались неврологические осложнения, первые признаки которых диагностировались в течение первых 24 часов после введения вакцинации. Данная публикация спровоцировала массовые протесты в США и Великобритании, заметное снижение статистики вакцинированных. В России к 1986 г. охват вакцинацией упал до

70% – критическая отметка за всю практику массовой иммунизации. Люди массово отказывались делать прививку своим детям и прививаться сами, несмотря на то, что большинству людей для полноценной защиты организма нужна ревакцинация от дифтерии каждые десять лет. На фоне этого к антивакцинаторному движению и к движению «за вакцинацию» активно начали присоединяться «селебритиз», деятели кино и телевидения, а вместе с ними самопровозглашенные «эксперты», часто не имевшие опыта ни в медицине, ни в инфекционных заболеваниях [lannelli, 2021]. Такая ситуация обострила общественные настроения против вакцины на всех континентах, но и увеличила процент заболеваемости смертельно опасными недугами.

В свете сказанного у читателя могут возникнуть закономерные вопросы. Почему с прогрессом вакцинаторной практики, ее более четким научным, логичным обоснованием, эмпирическим доказательством эффективности, доступностью препаратов для вакцинации, доверие к вакцинопрофилактике как средству защиты от вирусов и болезней среди населения регрессирует? Почему в XXI в. существуют сторонники антивакцинаторных движений, которые демонстрируют все более скептичное настроение относительно безопасности вакцины, чем когда-либо в истории медицины? Почему в сегодняшних условиях новой формы коронавирусной пневмонии общество дошло до максимума в колебании относительно вакцинации?³

Предикторы вакциноскептицизма и антивакцинаторного движения. Несмотря на то что с точки зрения прогрессивной, доказательной медицины фактически не осталось сомнений в том, что всеобщая вакцинация – единственный и наиболее рентабельный медицинский ресурс, с помощью которого может быть побеждена передача смертельных болезней и вирусов, на международном уровне в течение последних двух лет ведутся острые дебаты относительно легитимности и законности программ обязательной вакцинации [D'Errico, 2021]. Поспешная разработка вакцины против новой формы вирусной пневмонии COVID-19 обострила не только общественные настроения в отношении обязательной вакцинации, но в значительной степени подорвала интеллектуальную основу современного мира, бросив вызов врачам и ведущим медицинским специалистам, сформировав фундаменталистскую реакционную оппозицию им.

В рамках опроса сотрудников системы здравоохранения, проведенного Мичиганским университетом в Анн-Арборе, выяснено, что 8,4% (954 человека из 11 387) медицинских работников проявляют нерешительность в отношении вакцинопрофилактических мероприятий [Gustafson, 2021]. Можно утверждать, что подорваны усилия по вакцинации населения, достижению коллективного иммунитета; формируется сложная социальная реальность – ключевой фактор развития антивакцинаторных движений.

Вакциноскептицизм, проявление недоверия, чрезмерная бдительность и осторожность в принятии решения о вакцинации сегодня в своем основании имеют разные предикторы. В течение последних десятилетий ученые неоднократно признавали, что отношение к вакцинированию зависит от социального и культурного измерения, в котором находится человек. На признание действенности вакцин как эффективного средства защиты от болезней влияют прежде всего уровень образования, объем и качество знаний, взаимоотношения в кругу семьи, ее благополучие и финансовое положение, настроение относительно вакцинации в обществе и другие факторы [Luman, 2002; Bardenheir, 2004]. Недавнее исследование в африканском городе Мозамбик показало, что стремление сохранить здоровье детей и ценность общественного благосостояния являются главными мотивами родителей, принявших решение сделать вакцинацию себе и своим детям [Bingham, 2012].

Ключевыми предпосылками веры современного человека в конспирологические теории являются чувство потери контроля над ситуацией и низкий уровень социального доверия.

³ Spinney L. Could Understanding the History of Anti-Vaccine Sentiment Help us to Overcome it? // The Guardian. 2021. January 26. URL: https://www.theguardian.com/society/2021/jan/26/could-understanding-the-history-of-anti-vaccine-sentiment-help-us-to-overcome-it (дата обращения: 19.06.2021).

Повышение доступности информации, общее состояние неопределенности приводят к широкому распространению псевдонаучных заявлений [Kollataj, 2020]. Сталкиваясь с редукционистской, шаблонной, стилизованной информацией вместо экспертных мнений, люди в них находят подтверждение своим опасениям. При этом, чем глубже базовый страх человека относительно вакцинации, тем большей будут толерантность и интерес к псевдонаучным каналам коммуникации, где такие концепции поддерживаются и распространяются. В таких условиях при срабатывании механизмов психики человека попытки оспорить аргументы противников прививок провоцируют эффект бумеранга: развенчание мифов закрепляет сами мифы. Внутри мифа хаос представляет собой нечто упорядоченное, любая бессмыслица обретает смысл [Автономова, 1990]. Теории заговора, конспирологические концепции, несомненно, одни из самых несложных объяснений необъяснимо сложной социальной реальности посредством максимально простых схем. Собственно, поэтому современные психологи, социологи и ученые других областей говорят, что приводить нужно не только актуальные научные данные о безопасности вакцин, но и объяснять на государственном уровне то, как и откуда появляются конспирологические теории, повышать уверенность населения в том, что они в силах контролировать ситуации, поддерживать самооценку, демонстрировать доверие к рекомендуемым средствам.

Медицинский персонал проявляет некоторое недоверие в отношении вакцин. Однако оно коренится не в общем скептицизме относительно вакцинопрофилактики, а скорее в конкретных опасениях по поводу отсутствия долгосрочных данных о безопасности, эффективности и потенциальных побочных эффектах конкретного препарата, незавершенности клинических его испытаний. В таком контексте озабоченность относительно вакцин хоть и видится рациональной [Gustafson, 2021], но далеко не всегда является обоснованной. К примеру, недавние опасения по поводу скорости разработки вакцины против COVID-19 со стороны медицинских работников были основаны на ошибочном убеждении, что технология мРНК, используемая для некоторых препаратов, совершенно новая. Однако первое успешное использование их на животных подтверждено клиническими испытаниями более 30 лет назад; за последнее десятилетие сделан настоящий прорыв в области РНК. Все это говорит о том, что уровень восприятия и своевременная эффективная коммуникация между медицинскими работниками – важнейший инструмент понимания новаторских эмпирических данных в области иммунологии, ключевой фактор принятия решений об участии в вакцинопрофилактических мероприятиях.

Россия сегодня одна из стран с критически низким уровнем доверия к массовым мероприятиям в области здравоохранения. Во многом причиной этому являются слабое общественное доверие к институтам власти и официальным ее заявлениям, политические разногласия вокруг вакцинации⁴. В таких условиях люди, придерживающиеся разных политических взглядов, по-разному воспринимают социальные проблемы из-за скептицизма к правительственным решениям и действиям. Данный фактор остается серьезным барьером к формированию коллективного иммунитета в России посредством массовой вакцинации.

Практика иммунизации населения в странах мира показывает, что наиболее эффективной моделью здравоохранения XXI в. может стать политика перехода от медицинского патернализма к терапевтическому альянсу [D'Errico, 2021]. Безусловно, прямой обязанностью правительства является обеспечение гарантий надлежащего уровня вакцинации населения с целью защиты права человека на здоровье, особенно – наиболее уязвимых с этой точки зрения групп, которым противопоказана вакцинация по тем или иным клиническим причинам. Соответственно, современные социологи, психологи, иммунологи, медики, ученые других специальностей, занимающиеся вопросами общественного здравоохранения, признают, что единственным действенным способом достижения минимального уровня вакцинированности населения может стать внедрение процедуры

 $^{^4}$ Директор Института психологии РАН: нет ясности – нет веры в вакцину // Интерфакс. 2021. 25 июня. URL: https://www.interfax.ru/interview/773533 (дата обращения: 09.07.2021).

информированного согласия [D'Errico, 2021]. Речь идет о выработке интегрированной политической стратегии формирования научно обоснованных убеждений, опровержения лжефактов относительно иммунизации и вакцинопрофилактических действий.

В современной ситуации это может быть достигнуто путем:

- 1) повышения уровня общественного доверия к политическим институтам власти, государственной политике, выстраивания структур коммуникации между работниками сферы образования, здравоохранения, государственными и правительственными институтами разных уровней, мер просвещения и убеждения населения о балансе рисков и премуществах вакцинации посредством введения алгоритма подготовки работников сферы здравоохранения к противодействию антивакцинаторам. Это позволит создать условия свободного выбора, самоопределения и культуру осознанного участия в мероприятиях по иммунизации населения, снизить конвергенцию движения против вакцин с крайне правым антипрививочным экстремизмом;
- 2) введения системы научного и эпидемиологического просвещения всего населения для повышения уровня научной грамотности и сознательности, формирования правильной свободной гражданской позиции относительно вакцинопрофилактических мероприятий [Doustmohammadi, 2020]. Важно проявлять сочувствие к людям, опасающимся вакцинации, со стороны работников общественного здравоохранения, медицинского персонала и понимать обоснованность их сопротивления; последствия перенесенного вируса в условиях социально чрезвычайной ситуации могут оказаться гораздо сложнее, страшнее и опаснее, чем незавершенность финальных клинических испытаний препарата. Правительство, органы общественного здравоохранения и частные медицинские службы в условиях повышенного общественного риска должны вместе своевременно предоставлять медработникам точную информацию о механизмах разработки вакцин, об их безопасности и эффективности. Доверие среди врачей может быть повышено посредством дискуссий, выявления опасений и вовлечения в разработку рекомендаций по вакцинам. Когда каждый ответственный работник сферы здравоохранения будет чувствовать, что его мнение слушают и ценят, возможно, он будет более склонен рассматривать участие в вакцинопрофилактике как личный выбор, а не принуждение. Впоследствии прямые сообщения от личных врачей, сотрудников медицинской помощи относительно эффективности и безопасности вакцин могут быть особенно эффективны для уменьшения сомнений относительно вакцинации и противодействия антивакцинным настроениям;
- 3) ремифологизации общественных предрассудков, стереотипных и упрощенных, ненаучных объяснений в отношении опасности вакцинации, побочных эффектов и возможных проблем со здоровьем, а также в отношении естественного физиологического иммунитета, который часто предпочитается лицами, считающими опасность вирусов преувеличенной, следует противопоставлять формулирование репрезентативных и полных научных, логически обоснованных доказательств в пользу принятия решения о вакцинации, выходящих за рамки ошибочного восприятия представителей антивакцинаторного движения, их распространение с помощью медиа-источников и цифровых технологий, повышение публичной роли ученых и задействование их лично в предотвращении информационных войн. Это позволит общественности начать идентифицировать себя не с некими «авторитетными публичными лицами», распространяющими часто недостоверную и запутанную информацию, способствующую антивакцинным настроениям, а с учеными, научными брендами, что может способствовать противостоянию ложным и оскорбительным заявлениям противников вакцинации, предотвращению развития неправильных представлений о рисках и созданию дополнительных стимулов к иммунизации тех, кто и без того по собственным убеждениям является сторонником вакцинопрофилактики.

Важно, чтобы реализация этих мер осуществлялась на основании данных качественных научных исследований и детального изучения социально-демографических и культурных характеристик вакциноскептиков. Несмотря на сложность и дороговизну, в долгосрочной перспективе это позволит полноценно реализовать программы иммунизации населения, фундаментом которых будет поощрение, а не принуждение и наказание. Это

создаст беспроигрышную ситуацию для здоровья общества и обеспечит соблюдение прав каждого человека.

Выводы. Проблема вакциноскептицизма в современном мире является многогранной, исторически сложной и острой. Несмотря на развитие технологий, доступность вакцин, спасение миллионов жизней по всему миру, в отдельных странах и регионах высока степень опасений по поводу безопасности, низок уровень общественного и политического доверия к вакцинации и программам массовой вакцинопрофилактики, в том числе среди медицинского персонала. В сегодняшних условиях наибольший риск и опасность принятия населением неверных решений представляет низкий уровень объективной информированности и Интернет, многообразие ценностно-смысловых конструкций в быстро меняющемся мире; мифологичное мышление как фактор национальной идентификации и способ упорядочивания мира. На самом деле, если кажется, что многие из причин отказа от вакцин абсурдны, научно не обоснованы, далеки от реальности, механизм психики человека таков, что в определенных обстоятельствах, особенно с учетом негативного опыта прошлых поколений, связанного с вакцинированием, проявлением медицинского расизма в отношении отдельных народов и слоев населения, угрозами биотерроризма и тому подобными рисками, любая лжеинформация при умелой подаче и отсутствии внутренней опоры может быть воспринята как истинная. Все эти факторы и причины вакциноскептицизма ставят данную проблему в ранг наиболее значимых и требующих как можно скорейшего разрешения. Речь идет об обеспечении национальной безопасности. Да и глобальные эффекты вакцинации невозможно переоценить. С точки зрения этического подхода в современных условиях необходима ориентация прежде всего на прагматическую позицию, в которой не будет места насильственному принуждению, а будет работа, направленная на формирование общественного мнения в пользу вакцинации в соответствии с конкретным историческим, социальным и эмпидемиологическим контекстом. Баланс политических решений, здравый смысл и научный подход смогут обеспечить национальную безопасность, реализацию права на здоровье гражданина, иммунизацию населения против дезинформации. Это станет основой процветания нации, фундаментом ее физического и ментального здоровья, высокого качества жизни и благополучия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Автономова Н.С. Миф: хаос и логос // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М.: Политиздат, 1990. С. 30–57. [Avtonomova N.S. (1990) Myth: Chaos and Logos. In: A Deluded Mind? Diversity of Extrascientific Knowledge. Moscow: Politizdat: 30–57. (In Russ.)]
- Жданов В.М. Человек и вирусы // Наука и человечество. М.: Знание, 1984. С. 44–55. [Zhdanov V.M. (1984) Man and Viruses. In: Science and Humanity. Moscow: Znanie: 44–55. (In Russ.)]
- Зимин И. Врачи двора Его Императорского Величества, или Как лечили царскую семью. М.: Центр-полиграф, 2018. [Zimin I. (2018) Doctors of the Court of His Imperial Majesty, or How the Royal Family was Treated. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)]
- Острогорский В., Батюшков Ф. К столетию оспопрививания // Мир Божий. 1896. [Ostrogorsky V., Batyushkov F. (1896) On the Occasion of Centenary of Smallpox Vaccination. *Mir Bozhiy* [God's World]. (In Russ.)]
- Bardenheier B., Yusuf H., Schwartz B., Gust D., Barker L., Rodewald L. (2004) Are Parental Vaccine Safety Concerns Associated with Receipt of Measles-mumps-rubella, Diphtheria and Tetanus Toxoids with Acellular Pertussis, or Hepatitis B Vaccines by Children? *Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine*. Vol. 158. No. 6: 569–75. DOI: 10.1001/archpedi.158.6.569.
- Bingham A., Gaspar F., Lancaster K., Conjera J., Collymore Y., Ba-Nguz A. (2012) Community Perceptions of Malaria and Vaccines in Two Districts of Mozambique. *Malaria Journal*. Vol. 11. Article no. 394. DOI: 10.1186/1475-2875-11-394.
- Callender D. (2016) Vaccine Hesitancy: More than a Movement. *Human Vaccines & Immunotherapeutics*. Vol. 12. No. 9: 2464–2468. DOI: 10.1080/21645515.2016.1178434.
- D'Errico S., Turillazi E., Zanon M. (2021) The Model of "Informed Refusal" for Vaccination: How to Fight against Anti-Vaccinationist Misinformation without Disregarding the Principle of Self-Determination. *Vaccines*. Vol. 9. No. 2. Article no. 110. DOI: 10.3390/vaccines9020110.

- Doustmohammadi S., Cherry L.D. (2020) The Sociology of the Antivaccine Movement. *Emerging Topics in Life Sciences*. Vol. 4. No 2: 241–245. DOI: 10.1042/ETLS20190198.
- Gustafson A. (2021) Why Are Some Healthcare Workers Refusing COVID Vaccines? *Modern Healthcare*. May 21. URL: https://www.modernhealthcare.com/labor/why-are-some-healthcare-workers-refusing-covid-vaccines (accessed 12.06.2021).
- History of Anti-Vaccination Movements. (2018) *The History of Vaccines*. January 10. URL: https://www.historyofvaccines.org/content/articles/history-anti-vaccination-movements (accessed 12.06.2021).
- lannelli V. (2021) History of the Anti-Vaccine Movement: From the 18th Century to the COVID-19 Pandemic. *Verywell Health*. June 03. URL: https://www.verywellhealth.com/history-anti-vaccine-movement-4054321 (accessed 23.07.2021).
- Kołłątaj B.M., Kołłątaj W.P, Karwat I.D, Sobieszczański J., Panasiuk L. (2020) Anti-Vaccine Movements Health Care, Ignorance or a Diversion Aimed at Destabilizing the Health Situation? Part 2: Contemporary Conditions for the Functioning and Development of Anti-Vaccination Movements. *Annals of Agricultural and Environmental Medicine*. Vol. 27. No. 4: 553–561. DOI: 10.26444/aaem/126014.
- Luman E.T., McCauley M.M., Stokley S., Chu S.Y., Pickering L.K. (2002) Timeliness of Childhood Immunizations. *Pediatrics*. Vol. 110. No. 5: 935–939. DOI: 10.1542/peds.110.5.935.
- Swales J.D. (1992) The Leicester Anti-Vaccination Movement. *Lancet*. Vol. 340. No. 8826: 1019–1021. DOI: 10.1016/0140-6736(92)93021-e.
- Otter Ch. (2015) Top Ten Origins: Vaccination. (2021) *Origins*. March 5. URL: https://origins.osu.edu/connecting-history/352015-top-ten-origins-vaccination (accessed 19.06.2021).

Статья поступила: 24.09.21. Принята к публикации: 15.10.21.

VACCINATION AGAINST DISINFORMATION

WANG XIAO*, LI ZIHAN**

*Southwest Medical University, China; **Southwest Minzu University, China

WANG XIAO, PhD (Psychol.), Senior Lecturer, Southwest Medical University (wangxiao@mail.ru); LI ZIHAN, PhD (Psychol.), Senior Lecturer, Southwest Minzu University (li.tszihan@yandex.ru). Both – Sichuan, China.

Acknowlegements. The paper is prepared with support of the grant RQD2021013 "Psychic health of the bachelor students in the national Universities" (民族院校大学生心理健康教育对策研究). The authors are sincerely grateful to anonymous reviewers of the "Sociological Studies" journal for helpful productive criticism.

Abstract. The purpose of this article is to examine the socio-psychological story of vaccination prophylaxis as the means of preventing the spread of dangerous diseases, preserving public health, and analyzing elements of social response to it. The attitudes of society to vaccination measures are evident at various stages of the evolution of the health-care in various countries. The reasons for the formation of anti-vaccination movements and groups are examined: social, psychological, and cultural ones. The main anxieties and misconceptions of vaccination skeptics about the risks of vaccine prophylaxis are identified. Psychological and social determinants of the perception of vaccination as a threat to safety, as well as belief in myths and scientifically unfounded views, were found to be significant. Compulsory vaccination programs are discussed in terms of their legitimacy and effectiveness. To improve public understanding of the immunization and vaccine benefits, some methods are suggested as part of an integral policy and communication strategy. High-quality research data and a careful analysis of the socio-demographic and cultural features of vaccine skepticism should serve as the foundation to implement eventual initiatives.

Keywords: vaccine skepticism, vaccine prophylaxis, immunization, sociology of vaccination, psychology of vaccination, anti-vaccine movement, anti-vaccination, the right to health.

Received: 24.09.21. Accepted: 15.10.21.

© 2022 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ (О XXIII Харчевских чтениях)

В рамках VI Всероссийского социологического конгресса в Институте социологии ФНИСЦ РАН 25 октября 2021 г. состоялись XXIII Харчевские чтения «Теоретическая социология в России: состояние, проблемы, перспективы». Организаторами Чтений традиционно были: журнал «Социологические исследования», Научный совет ООН РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике», Институт социологии ФНИСЦ РАН, Российское общество социологов (РОС). Ежегодно Харчевские чтения вызывают большой интерес в социологическом сообществе, однако высокая тематическая планка, задаваемая социологической наукой и организаторами, ограничивает возможности участия для широкого круга исследователей. В нынешнем году в Чтениях приняли участие более 70 ученых из Праги, Еревана, Минска, Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону и других городов.

Во вступительном слове чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН, Москва) подчеркнул, что теоретическая проблематика – это своего рода ахиллесова пята развития российской социологии. В понимании состояния российского общества социологи недалеко ушли от позднесоветских времен с их формулой: «Мы не знаем общества, в котором живем». Экономизм и политический детерминизм теснят социологов даже в плане влияния на социальную политику. Остроты ситуации придает такое новое явление в развитии общества, как цифровизация. Среди факторов этого положения автор выделил отставание в области теории.

Показательно, что уже в первом докладе чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ, ИС ФНИСЦ РАН, Москва) внимание участников было привлечено к проблеме своего рода теоретической грамотности немалой части нынешнего корпуса российских социологов – к понятийному аппарату. К большому сожалению, подчеркнул докладчик, приходится обращать внимание многих коллег на необходимость четкого различения и наполнения конкретным содержанием таких основополагающих для социологического теоретизирования понятий науки, как концепция, парадигма и теория.

Раскрывая причины нынешнего состояния сферы современных социологических теорий, И.Ф. Девятко (НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН, Москва) подробно остановилась на внутренних и внешних факторах. К первым докладчик отнесла отсутствие навыка у исследователей четко, «жестко» формулировать теоретические основания и результаты, ориентироваться в проблемах теории, часто неясно формулируемых. Среди вторых были названы грантовые проблемы и процедуры, влияние коммерческой социологии, трудности с Big Data и др.

Д.В. Иванов (СПбГУ, СПб.) посвятил доклад двум разновидностям кризисного дискурса в социологии, одну из которых он связал с позициями «молодых», а другую – «стариков». Данная ситуация типична для всей российской социологии, но она, по мнению докладчика, характерна для Санкт-Петербурга и Москвы. «Старики», в глазах докладчика, сетуют на отсутствие роста теории, интегративных парадигм и т.д., в то же время первые погружены в поиск новых объектностей и методов, цифровизацию и виртуализацию, сетевую проблематику и т.п. Напрашивается заключение, что эти тенденции отражают нормальное состояние современной и всякой теоретической социологии, ее рост и попутные нашей ситуации поиски.

Н.А. Вялых (ЮФУ, Ростов-н/Д.) привлек внимание участников к проблеме «социология, социолог и общество». «Социум» России, по определению докладчика, отделен от социологии и сообщества российских социологов. И это в ситуации, когда социология должна влиять на развитие общества, что ставит перед всеми нами большую задачу социологического просвещения как метода социальной психотерапии, излечивания «социального аутизма». В этом контексте докладчик акцентировал проблематику метатеорий и метатеоретизирования как путь консолидации сообщества отечественных социологов.

К проблемам социологического теоретизирования в современной России В.И. Дудина (СПбГУ, СПб.) подошла со стороны освоения и студентами-социологами, и преподавательским корпусом цифровых данных, преодоления отставания в понимании последствий бурного развития науки о данных (Data Science). Овладение этими методами, их соединение с привычными опросными методами и глубинными интервью тесно связаны, как аргументировала выступающая свою позицию, с новой теоретической оптикой, выход на которую она видит, в частности, в наследии французского социолога конца XIX в. Г. Тарда.

Р.Г. Браславский (СИ ФНИСЦ РАН, СПб.) сосредоточился на анализе ситуации (и проблеме выхода из нее), когда социология не дает удовлетворительных ответов на вопросы об обществе, в котором она функционирует, и последствиях, о которых говорили другие участники Чтений. Докладчик склоняется к позиции, в основе которой представления о мир-системных изменениях; их постижение следует вести с трансдисциплинарной позиции.

В докладе «"Меньшинства" и "большинства" как социальные субъекты» А.Б. Гофман (ИС ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ, Москва) сформулировал резко негативную оценку современного состояния истории социологии у нас в стране и за рубежом. Отсюда, по его убеждению, проистекает сдвиг в интерпретации старого, ведущий к непониманию нового в социологии и обществе. Этот вывод был раскрыт им в докладе на материале современных подходов к таким проблемам, как справедливость, разрушение старого, проблематика агентности и субъектности в историческом процессе, в коренных социальных переменах, в способности диктовать обществу свою волю.

- **Н.В. Романовский** (ИС ФНИСЦ РАН, журнал «Социологические исследования», Москва) предложил участникам Чтений свое видение основ курса «Современные социологические теории», позволяющего донести до бакалавров, магистрантов и аспирантов пути решения проблем теоретической грамотности молодых (и не только) российских социологов, которыми озабочены многие исследователи.
- О.В. Аксенова (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) на примере разрабатываемых с ее коллегамисоциологами практических задач показала важность развития и применения теоретической социологии в решении задач социокультурного развития постсоветской России. Примеры предоставила экспедиция в регионы Дальнего Востока нашей страны, где масса социальных проблем не находит решения в силу теоретической новизны и необычности обнаруживаемых наукой процессов и явлений.
- П.А. Амбарова (УрФУ, Екатеринбург) остановилась на одном перекосе в отечественной теоретической социологии: повышенное внимание уделяется консолидации, сплочению обществ, но не изучаются факторы и источники динамики его фрагментации. Она изложила результаты своих усилий по выработке теоретических представлений по этой проблеме. Осмысливанию встающих перед отечественными социологами проблем, в первую очередь теоретических, посвятил доклад В.В. Козловский (СИ ФНИСЦ РАН, СПб.), построив его вокруг термина «фронтир». Суть этого термина докладчик толковал как «освоение», «место встречи», ведущие к созданию нового знания. Такой подход ставит перед социологией задачи проектирования новой конструкции социально-экономических основ российского общества середины текущего века, новой его стратификации, развития культурного пространства всей страны. «Фронтирный» подход объективно ориентирует на генерирование новых идей, отметил он.
- **С.Г. Кирдина-Чэндлер** (ИЭ РАН, Москва) привлекла внимание к глобальным контекстам решения задач развития российской социологии, к задачам адаптации к происходящим в

мировой социологии переменам. Ее мейнстрим по разным причинам склонен игнорировать наши выступления по теоретическим вопросам, будучи имманентно ориентирован на публикацию негатива. Такая позиция влияет на социологическую аудиторию внутри России. Путь преодоления эффекта этой позиции докладчик видит в активизации международных контактов нашей социологии за пределами западного мейнстрима. Исходя из аналогичных посылок, П.С. Сорокин (НИУ ВШЭ, Москва) акцентировал активно обсуждаемую мировой социологией проблему человеческой агентности (субъектности) как решающую предпосылку социальных изменений в прошлом, настоящем и будущем обществе. Отечественная социология, по его мнению, могла бы успешно выступить с разработкой темы «трансформирующей агентности» в данном контексте.

Л.Г. Титаренко (БГУ, Минск) высказала убеждение, что для тех задач, о которых говорили участники Чтений, важным является уверенность в плодотворности традиций отечественной социологии – на всех этапах ее истории. Их изучение важно для решения внутрироссийских задач, требующих вклада социологов, а также для преодоления нигилизма части молодых коллег, для которых нет теоретической социологии за пределами современной североатлантической социальной мысли. Не говоря уже о том, что многие черпаемые у коллективного Запада идеи решения наших задач иррелевантны российским реалиям. В этом направлении продолжил ее мысли **М.В. Масловский** (СИ ФНИСЦ РАН, СПб.), аргументировавший, что одним из сдерживающих развитие нашей теоретической социологии моментов является цивилизационный анализ. Докладчик подробно показал как достоинства этого теоретического подхода, так и факторы, мешавшие и мешающие (например, широкая известность идей С. Хантингтона на фоне забвения имен западных социальных мыслителей, работавших в рамках цивилизационного подхода) его более результативному восприятию нашей наукой.

И. Шубрт (Карлов ун-т, Прага) обозначил проблемы в социологии и в обществе, которые привели нынешнюю теоретическую социологию – в России и в мире – к неспособности дать ответы на новые вопросы, вставшие перед человечеством. Если не продвигаться в данном направлении, социология обречет себя на изоляцию и застой. Выбор зависит от нас; нужна критическая оценка, которая сможет показать, как наша теория может внести вклад в общенаучное знание о движении общества в будущее.

Представленные на Чтениях доклады вызвали активную дискуссию. Отметив глубину высказанных мыслей, участники сформулировали ряд положений, существенно дополнивших сделанные доклады: в мире новых коммуникационных технологий социология – поле идеологического давления, политиканства, фальсификаций, русофобии (Т.З. Адамьянц, ИС ФНИСЦ РАН); нужно взращивать социологов, посвящающих свою жизнь в нашей науке теоретической работе (Н.А. Головин, СПбГУ); социологам в университетах важно доводить теоретический потенциал до непрофильных категорий студенчества, чтобы переломить неверные представления интеллигенции о нашей науке (Н.Н. Зарубина, МГИМО (У)); следует последовательно расширять круг коллег в регионах России, кто посвящает себя теоретической работе (Г.Е. Зборовский, УрФУ); нужно преодолевать запущенность представлений о самой теории как форме научной работы, начиная с различения объекта и предмета исследования (В.И. Игнатьев, НГТУ); создавать аналитическую социологию, разрабатывающую проблематику структуры, оснований, языка нашей науки и другие составляющие теоретизирования в нашей области знания (Г.Г. Татарова, ИС ФНИСЦ РАН).

Подводя итоги Чтений, Ж.Т. Тощенко и Г.А. Ключарев выразили удовлетворение прошедшей дискуссией. Она заставляет нас мыслить, помогает молодым социологам участвовать в ключевой для нашей науки работе. Важно преодолевать ставшее кое-кому привычным состояние «примыкания» российской социологии к Западу. В этом смысле следует осторожнее ссылаться на факторы «кризиса». Социология находится в поиске. Опыт работы многих коллег показывает реальный потенциал социологии современной России.

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович, д. ист. н., проф., гл. науч. сотр.; зам. гл. ред. журнала «Социологические исследования» (socis@isras.ru); БИЙЖАНОВА Элиза Камчыбековна, науч. сотр. (biyzhanova@isras.ru). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250018241-8

THEORETICAL SOCIOLOGY IN RUSSIA: STATE, PROBLEMS, PROSPECTS (The 23th Kharchev Readings)

Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher; Deputy Chief Editor of the Journal "Sotsiologicheskie issledovaniya" (Sociological Studies) (socis@isras.ru); Eliza K. BIYZHANOVA, Research Fellow (biyzhanova@isras.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

© 2022 г.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАБОТЫ

В 2021 г. тридцатилетний юбилей в России отметила социальная работа, отсчитывающая свое начало от 1991 г. как профессия и специальность. Хотя первые социальные работники появились еще в СССР в конце 1980-х гг., именно три десятка лет назад были открыты программы высшего образования и внесена соответствующая позиция в реестр службы занятости России. Сегодня эта профессия отличается многообразием своих форм и методов, теоретических подходов и практических воплощений. Накоплен богатый и разнообразный багаж практик государственных и негосударственных учреждений, а нормативная база и комплекс знаний и умений неоднократно обновляются.

В последние годы понятийный аппарат, система компетенций и практик социальной работы существенно обогащаются благодаря развитию представлений о социальной заботе. Понятие *care* в мировой практике относится не только к социальной защите, социальному обслуживанию: в первую очередь оно входит в широчайшую область здравоохранения, *health care*. Социальная забота, в отличие от социальной работы, включает не только профессиональный уход и другие виды обслуживания, которые осуществляет специально нанятый персонал на дому или в стационарах. Это еще и огромный сегмент неформального труда, который входит в семейно-родственные отношения. Забота, как и социальная работа, — это гендерно маркированный труд, мало признаваемый в обществе 1. А в эпоху пандемии роль социальной работы и — шире — социальной заботы стала ощущаться особенно остро.

На международной конференции «Темпоральность социальной заботы: история, современность, перспективы», прошедшей 24–25 сентября 2021 г. в Саратовском государственном техническом университете имени Гагарина Ю.А. (СГТУ), обсуждались теоретико-методологические направления, результаты исследований и практики социальной заботы сквозь призму времени. То, что конференция прошла именно в СГТУ, не случайно, ведь

При поддержке РНФ, проект № 18-18-00321.

¹ *Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А.* Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом // Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства / Под ред. *Е. Бороздиной, Е. Здравомысловой, А. Темкиной.* СПб.: УСПб, 2019. С. 6–23.

именно здесь, тогда еще Политехническом институте, в 1991 г. была открыта новая специальность «Социальная работа», причем одновременно здесь начали свою работу курсы переподготовки специалистов по новой профессии. В техническом университете более трети студентов сегодня учатся по социально-экономическим и гуманитарным направлениям, таких здесь 32 из 108. В этом видятся неоспоримый плюс и условие передовой роли вуза в жизни региона, яркая особенность академической культуры, на базе которого выросло уже несколько поколений специалистов и ученых.

Организаторами конференции выступили социологи Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований (НОРЦМИ). Значимый юбилей университета был тепло встречен академическим сообществом, конференция объединила выпускников, учеников и последователей научной школы СГТУ, работающих во многих университетах, научных центрах, исследовательских лабораториях и сообществах разных городов России и за рубежом.

Президент Межрегиональной ассоциации работников социальных служб, член Совета по социальному развитию регионов при Совете Федерации **А. Панов** в приветственном слове напомнил, что научная школа СГТУ значительно обогатила теорию и методологию социальной науки и занимает особое место в системе социального образования.

В заглавном докладе проф. В. Ярской-Смирновой и проф. Е. Ярской-Смирновой речь шла о темпоральном повороте в исследованиях социальной работы. Представление о многоликости времени и сам язык темпоральности заимствованы из естественных наук, однако на этапе посттехногенной цивилизации открывается путь к пониманию времени в социальном, историческом форматах, с привлечением аксиологической, ценностной окраски. Диктат абсолютного ньютонианского времени отступил, и сегодня формируется новая теория времени – инклюзивный и реляционный социальный темпорализм – фундаментальная теория, объясняющая институциальные и микросоциальные проблемы сообществ как нелинейных миров. Темпоральный аспект артикулирован в ряде теоретических направлений социально-гуманитарных дисциплин. Анналы социологии, культурологии, философии, социальной и культурной антропологии, психологии богаты примерами исследовательских школ, теоретических моделей, проектов, которые фокусируются на времени. Тематические акценты на социальной политике, социальной работе, проблематике неравенства, контроля и заботы ставят особые задачи перед исследователями социального времени. Авторы остановились на социологической интерпретации времени, приобретающей смысл преобразования, заботы, влияния на жизнь людей не только как ресурса, но и в качестве социокультурного кода социального государства.

Тридцать лет назад социальную работу в России ввели одновременно и как вузовскую программу, и как должность в системе социальных служб. Закономерно, что первыми специалистами по социальной работе стали люди, имеющие совсем другое образование. И им крайне нужны были новые знания, за которыми они и приходили в СГТУ и другие вузы-пионеры. Среди них – Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Лидеры социального образования в Нижнем Новгороде – проф. 3. Саралиева и С. Судьин в своем докладе раскрыли целый ряд проблем и противоречий заботы о пожилых в эпоху стареющего общества. Они оперировали термином «сверхзабота», понимаемым как искусство создания живых пространств для людей с деменцией.

Возраст – одно из ключевых измерений темпоральности социальной заботы. Проф. **Н. Латыпова** (НУУ им. М. Улугбека, Узбекистан) представила богатую палитру социокультурной деятельности в работе с детьми с ограниченными возможностями, где традиции заботы переплетены с новейшими практиками реабилитации. Трудностям и барьерам, с которыми столкнулись в период пандемии люди с комплексной инвалидностью, а также способам их преодоления, в том числе благодаря социальной работе, посвящался доклад **Э. Сумскене** (ИССР Вильнюсск. ун-та, Литва).

Инвалидность занимает одно из центральных мест в концепциях и практиках социальной заботы, не случайно в литературе появилась метафора крип-темпоральности

(от *англ*. сгір – калека)². О том, как люди с инвалидностью принимают вызовы времени пандемии, о глубине страданий и ярких открытиях собственной ресурсности теми, кто привычно воспринимается как объект заботы или даже как тяжелый груз, рассказала Р. Орозова (УЦА, Кыргызстан). Запоминающейся метафорой в ее выступлении стали птицы. Человек с ограниченными возможностями неожиданно для всех и даже для себя открыл в себе предпринимательскую жилку, начал разводить канареек для тех, кто нуждался в звонкой и яркой компании во время самоизоляции. Символически и физически запертый в четырех стенах во время локдауна, он своим поступком проявил заботу о себе и других. Этот пример показывает, что периоды серьезных испытаний пробуждают в отдельных людях и окружающем обществе доселе спящие силы – творчество, одухотворенность, сплоченность, заботу о других, даже малознакомых.

Пандемия – это время изоляции и утрат, а также появления новых акторов, новых вызовов и дискурсов социальной заботы активизации негосударственных и неформальных сетей поддержки и заботы (И. Григорьева, СПбГУ). К осуществлению социальной заботы и социальной работы сегодня подключились и негосударственные организации, которые нередко выступают не только поставщиками услуг, но и драйверами ценностных перемен (Е. Ярская-Смирнова, Ф. Кьярвезио, НИУ ВШЭ; М. Миронова, УрФУ). Проф. Л. Кук (Ун-т Брауна, США; НИУ ВШЭ) представила широкую картину, как изменяется со временем роль негосударственных организаций в предоставлении социальных услуг в России. Не только темпоральный срез важен в этом анализе, но и пространственный: ведь регионы применяют различные стратегии диверсификации поля социальных услуг, по-разному выстраивая партнерство и конкуренцию различных поставщиков социальных сервисов, привлекая некоммерческие и бизнес-организации на роль партнеров или конкурентов. Потенциал общественных ассоциаций ощущается и в сфере социального образования – здесь симптомами новой темпоральности выступают меняющаяся роль профессиональных объединений, конфликтующие ожидания неолиберальной системы управления высшим образованием и гуманистические идеалы профессионализации социальной заботы (проф. В. Сизикова, РГСУ и О. Аникеева, ФУМО ВО по УГСН «Социология и социальная работа»).

Наиболее разработанным направлением темпорализма является, конечно, история. На карте истории социальной заботы и социальной работы остается много белых пятен. Концептуальные обобщения, выполненные на основе проработки обширного эмпирического материала, представила проф. Д. Завиржек (Ун-т Любляны, Словения), осветившая перипетии развития социального образования и профессионализации социальной заботы в Словении в эпохальные периоды XX в., об истории становления социальной работы как профессии в западных странах и на постсоветском пространстве и проблемах образования в этой области. Исследовательница поставила интригующий вопрос, почему Югославия стала первой социалистической страной, где возродилась профессия социальной работы после перерыва длиной в несколько послевоенных десятилетий. По одной из версий, появившейся на основе изучения архивных материалов, ключевую роль в этом сыграл более мягкий и открытый международным влияниям политический режим.

В докладах пленарной сессии и на секционных заседаниях обсуждались аспекты методологии темпорализма, которая не сводится к традиционно понимаемой истории с ее привычным фреймом разговора о прошлом. На секционных заседаниях обсуждались последствия процессов цифровизации жизни общества (Л. Константинова, ИО РАНХиГС), тенденции развития рынка труда в эпоху пандемии (Ю. Овинова), барьеры социальной мобильности горожан (проф. Д. Зайцев, СГТУ им. Гагарина Ю.А.; А. Ручин, независимый исследователь), сокращение пространства и времени жизненных шансов бездомных (Г. Виноградова, НГТУ), изменения условий и векторов развития практик социальной заботы (С. Григорьева и А. Чернецкая, СГТУ им. Гагарина Ю.А., Саратов), мультитемпоральность культурной реконструкции и забота о памяти прошлых поколений,

² Samuels E., Freeman E. Crip Temporalities. Durham: Duke University Press, 2021.

актуализируемые в социальной работе с молодежью (**H. Божок**, СГТУ им. Гагарина Ю.А.; **П. Красильников**, СГЮА; **А. Бодягин**, СГЮА).

В осмыслении неравенства и несправедливости в научном и общественном дискурсах обычно применяются пространственные метафоры: барьеры, ограничения, притеснения, дистанция. Если же сфокусироваться на тех видах исключения, которые производятся динамикой социальных преобразований, процессами взросления и старения, биографической ситуацией, темпом, скоростью и ритмами повседневной жизни, исследовательское внимание удастся переключить и сбалансировать. Темпоральность социальной заботы – не только ее история, но и субъектное взаимодействие сообществ и социальных групп, система мер и законов социальной поддержки, политика памяти, реконструкции культуры и переходы от одной научной картины мира к другой. Конференция показала, что в исследованиях социальных проблем, социальной политики и социальной заботы необходимо отрефлексировать темпоральный поворот.

В.Н. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА, Е.Р. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Валентина Николаевна, д. филос. н., проф., Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., Саратов, Россия (jarskaja@mail.ru); ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна, д. соц. н., PhD, ординар. проф., заведующая Международной лабораторией исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (elena.iarskaia@gmail.com).

DOI: 10.31857/S013216250017383-4

TIME LINKAGE IN SOCIAL CARE STUDIES

Valentina N. YARSKAYA-SMIRNOVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Director of the Scientific and Educational Regional Center for Monitoring Research, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia (jarskaja@mail.ru); Elena R. YARSKAYA-SMIRNOVA, Dr. Sci. (Sociol.), PhD, Full Prof., Director of the International Laboratory for Social Integration Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (elena.iarskaia@gmail.com).

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

30 сентября 2021 г. в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) состоялась XXII международная теоретико-методологическая конференция «Интеллигенция в новой реальности». В ее работе приняли участие около 100 исследователей из России и зарубежных стран.

С приветственным словом выступила проректор РГГУ по научной работе **О.В. Павленко**, отметив непрерывность работы серии конференций «Интеллигенция и современность» и ее вклад в развитие университета и научного сообщества.

Пленарное заседание докладом «Пандемия – экзамен для интеллигенции?» открыл член-корр. РАН Ж.Т. Тощенко (РГГУ). Он определил цель конференции как попытку осмысления ответов российской интеллигенции на три основных вызова пандемии COVID-19 – профессиональный, гражданский и духовно-нравственный. Свое выступление он посвятил рассмотрению предшествующего и настоящего опыта участия русской интеллигенции в борьбе с эпидемиями и другими социальными катастрофами. Пандемия стала профессиональным вызовом в первую очередь для врачей, медицинский персонал при выполнении профессионального долга понес немалые потери. При этом большую вспомогательную, инфраструктурную работу выполнили представители многих других профессий и служб. Анализируя духовно-нравственную позицию интеллигенции, Ж.Т. Тощенко выразил сожаление относительно проявившихся в этот период внутренних противоречий в ее среде: для части представителей этого сообщества важнее оказались групповые и/или политические интересы (например, кампания по вакцинации). Поведение интеллигенции связано и с социальным положением группы в этот период. О социальном самочувствии интеллигенции докладчик рассказал, опираясь на данные исследования работников здравоохранения и высшей школы. Отметив, что главные тревоги связаны с опасениями за сохранение своего уровня жизни. а также изменениями в привычной трудовой деятельности.

Центром доклада проф. **Н.М. Великой** (РГГУ) «Российские интеллектуалы в тисках национализма: общественное мнение и публичный дискурс» стали группы интеллектуалов, включенные во властно-политические структуры и ответственные за производство смыслов, определяющих направления политического и публичного дискурсов. По ее мнению, патриотизм сегодня рассматривается ими в качестве основной идеи для консолидации общества и государственной власти. Н.М. Великая отметила, что данные исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН и РГГУ подтверждают, что социальные основания для выбора этой темы, безусловно, есть, указав, что выстраивание механизмов консолидации, осуществляемое сегодня на патриотизме прошлого (идентификации с прошлыми победами) и «новом национализме» (концепции «особого пути»), имеет серьезные ограничения, особенно в исторической перспективе. Докладчик назвала несколько основных центров, конструирующих публичный дискурс, и соответствующие им типы дискурсов («патриотический», «реваншистско-ирредентистский», дискурс поиска врага в лице условного Запада, дискурс евразийства и дискурс войны). Обеспокоенность при этом вызывает характерная для многих из них смена языка и стиля в сторону агрессивности и политизированности.

Выступление проф. **Н.Е. Покровского** (НИУ ВШЭ) «Интеллигенция: археологические раскопки. Век XX» было посвящено интеллигенции как «великому проекту прошлого». В условиях современного общества интеллигенция утрачивает свою социальную функцию, ее духовно-нравственная устремленность противоречит идее капитализма. Как следствие, она частично превращается в класс интеллектуалов, переходит на службу системе и фактически растворяется как объект для социологического изучения. Вместе с тем он считает крайне важным архивацию наследия русской интеллигенции, рассматривая этот направление в том числе и как возможность для ее будущего ренессанса.

Ф.Э. Шереги (ЦСП и М) в своем докладе «Инструментальная эффективность и социальная дисфункция дистанционного образования» отметил неспособность массового дистанционного образования реализовать одну из основных функций образования как социального института – интегрирующую. Напротив, способствуя социальной деструкции, оно противоречит самой идее национального государства. И именно этот факт, а не техническая оснащенность, сдерживает всеобщий переход образования в такой формат в ближайшие 15–20 лет. Однако этот опыт дистанционного образования важен и должен быть учтен. По результатам исследования НИЯУ МИФИ он охарактеризовал основные проблемы дистанционного образования (отсутствие необходимой номенклатуры интерактивных учебных материалов, недостаточная техническая подготовленность организаций, вовлеченных в образовательный процесс, а также психологический стресс, перманентно ощущаемый как студентами, так и преподавателями).

Проф. А.В. Яковенко (ЛНУ им. В. Даля) в докладе «Социальные последствия пандемии и сложности самоопределения представителей интеллигенции» отметил беспрецедентность текущей пандемии, указав на ее медийность, что создало большие возможности для разных спекуляций и конфликтности, в которые были вовлечены и представители интеллигенции. Кроме того, пандемия стала профессиональным вызовом для интеллигенции сферы культуры и образования, потребовав от нее самоопределения в цифровом обществе. Нарушились привычные формы работы, утратилась профессиональная почва, потерян контакт с аудиторией. Новая реальность потребовала перехода в цифровой формат коммуникаций. Ответы на этот вызов и их успешность пока не ясны.

О результатах инициативного исследования предпринимателей малого бизнеса, реализованного межрегиональной группой независимых социологических центров в июне 2020 г., в своем выступлении «Специфика трудовой деятельности предпринимателей в период пандемии» рассказала проф. Н.А. Романович (Воронежский ф-л РАНХиГС). Запреты и ограничения, введенные государственными органами в период пандемии, обострили ранее существовавшие противоречия между государством и бизнесом. Отказ от соблюдения установленных ограничений был мотивирован не только экономическими причинами (неготовность терять свой доход и прибыль, сохранение спроса на услуги), но и неверием информационным источникам о коронавирусе, восприятием ограничений как покушения на личную свободу и достоинство, а сопротивление им как проявление доблести.

С докладом «Сплоченность и инклюзия в эпоху пандемии: новые вызовы и возможности» выступила проф. **Е.Р. Ярская-Смирнова** (НИУ ВШЭ). В ситуации пандемии фиксируются разнонаправленные процессы – растет разобщенность и растут новые сплоченности, мобилизуются акторы и ресурсы инклюзии. На примере двух кейсов она рассказала о позитивном опыте гражданского участия. В частности, флешмоб «А мы всегда дома» способствовал выходу в публичную сферу темы дезинвалидизации, информированию о проблемах людей с инвалидностью и призвал к взаимному обмену и взаимопомощи. Другой интересный вывод – о возможностях операционализации понятий интеллигент и интеллигентность. Докладчик отметила, что новая интеллигентность формируется в сопротивлении, будь то бюрократия, рынок или тотальность пандемии. Поэтому интеллигент не обязательно тот, кто имеет высшее образование или занимается умственным трудом, возможно, его ключевое отличие в гражданском участии, готовности действовать, защищать интересы других.

Работа конференции продолжилась в рамках двух секций «Специфика деятельности интеллигенции в сферах экономики и политики» и «Особенности жизненного мира интеллигенции в социальной и духовной сферах общества», на которых были представлены доклады об особенностях участия интеллигенции в различных сферах жизни общества, реализации ее профессиональной и гражданской роли в период пандемии.

Работу секции «Специфика деятельности интеллигенции в сферах экономики и политики» открыл Б.Г. Нагорный (ЛНУ им. В. Даля), который подчеркнул важность интеграции естественных и гуманитарных наук, в том числе для обогащения понятийного аппарата

социологии для объяснения трансформации общества. И.П. Попова (ИС ФНИСЦ РАН) продемонстрировала результаты авторского исследования, направленного на выявление мотивов получения работниками дополнительного образования в сети Интернет, а также выявила отсутствие интереса работодателя к созданию и распространению мотивации своих работников к получению дополнительного образования. Э.Р. Нуруллина (КГЭУ) представила результаты собственного пилотажного исследования «Представление жителей Республики Татарстан о современной интеллигенции», особое внимание уделив мнению молодежи об интеллигенции и ее роли в современном обществе. А.М. Ляшко (РХТУ им. Д.И. Менделеева) показал основные сценарии жизни общества после глобальных эпидемий, созданные писателями-фантастами. А.А. Хохлов (РГГУ) отметил, что «условные представители интеллигенции» (люди с высшим образованием) демонстрируют большую гибкость и устойчивость к условиям ковидной реальности в сравнении с членами других групп. Выступающий также указал на усиление консервативной волны в общественных настроениях и ее негативные последствия. Г.К. Уразалиева (РГГУ) поделилась результатами авторского исследования студенческой молодежи, направленного на выявление отношения студенчества к пандемии COVID-19 в целом и ограничительным мерам, связанным с эпидемией, в частности. И.В. Воробьева (РГГУ) раскрыла отдельные черты прекаризации научных работников, при этом отмечая, что по сравнению с другими отраслями российской экономики прекаризация трудовых отношений научных работников находится на низком уровне.

Заседание секции «Особенности жизненного мира интеллигенции в социальной и духовной сферах общества» открыл **А.В. Пацула** (СГТИ), отметивший, что в период пандемии российская интеллигенция разделилась на две группы: те, кто непосредственно сражался с вирусом (медики) или выполнял свой долг в тяжелейших условиях (учителя, преподаватели), и те, кто поставил себя «над» всем народом, отстраненно наблюдая за поведением разных групп общества, их страхами, сомнениями и т.д.

Т.В. Смирнова (РГГУ) посвятила доклад особенностям социально-психологического восприятия пандемии интеллигенцией, которые проявились в том числе в отношении вакцинации. Были выделены две группы: противники и сторонники вакцинирования. Р.Г. Смирнов (АЦ НАФИ) продолжил тему отношения интеллигенции к пандемии. Он считает, что произошла поляризации восприятия в период пандемии и разделение на противников и сторонников жестких мер в борьбе с коронавирусом. Л.Н. Вдовиченко (РГГУ) рассказывала о спортивных практиках в условиях пандемии, акцентировав внимание на потерях и приобретениях мирового и российского спорта: отменились многие соревнования, но повседневные спортивные практики расширились, переместившись в цифровую среду. М.В. Рубцова и Г.А. Меньшикова (СПбГУ) говорили о науке и научной интеллигенция в современной России в контексте новых требований и старых проблем: недофинансирование науки, особенно в сравнении развитыми странами, «утечка мозгов» и т.п. И.О. Шевченко (РГГУ) анализировала научных работников, их восприятие работы, семьи, практики проведения свободного времени, сделав следующие выводы. Работники сферы науки – социальная профессиональная группа, обладающая разнообразными духовными («нематериальными») интересами. По многим качественным характеристикам они относятся к интеллигенции: это высокий уровень образования, интеллектуальная профессиональная деятельность, связанная с производством нового и экспертного знания, стремление к профессиональному росту и культурному развитию. Научная сфера и научные работники пострадали от реформирований в последнее десятилетие, а вот в период пандемии продолжали активно работать. Изменилась форма работы, многие коммуникации перешли в онлайн, но в целом они сохранили свои профессиональные позиции. Е.А. Колосова (РГГУ, РГДБ) говорила о переходе в онлайн специалистов библиотек РФ и о необходимости пересмотра трудовых функций в период пандемии. Проблема компетенций и утверждения нового профстандарта для этой группы интеллигенции стоит как никогда остро. М.С. Цапко (РГГУ, Правительство Московской обл.) представила анализ данных исследований, полученных в рамках работы по проекту «Прекариат: новые явления в социально-экономической структуре общества». Докладчик выявил повсеместный характер проявления прекарности в жизни интеллигенции в эпоху эпидемии, а также подчернул, что даже те представители этой группы, которые прежде были далеки от подобных проблем, во время эпидемии стали частью прекариата в новом его осмыслении.

Заключительным мероприятием конференции стал круглый стол «Новые явления в российском образовании». Наибольшее внимание в его работе было обращено на проблемы дистанционного образования в средней школе и вузах России. Основными докладчиками по данной теме были: А.В. Стрельникова (НИУ ВШЭ) «Учитель на дистанте: особенности и последствия цифрового стресса» и С.А. Судьин (ННГУ им. Н.И. Лобачевского) «Пандемия COVID-19 и дистанционное обучение как факторы формирования новой реальности в российских вузах». Ими были представлены авторские исследования с использованием качественных и количественных социологических методов.

Большой интерес участников круглого стола вызвал доклад **А.В. Ридигера** и **Д.П. Короткова** (ФГБНУ «Интерфизика») «Тенденции прогресса и регресса в развитии научного потенциала высшей школы», в рамках которого были раскрыты проблемы многочисленных реформ и их последствий для отечественной высшей школы на основе динамики статистических данных в этой области за последние десять лет. Речь шла о тенденции сокращения вузов и соответственно об уменьшении в них численности работников, включая докторов и кандидатов наук, наблюдаемой уже многие годы.

В процессе диалога участники круглого стола поделились не только своей болью о наличии современных проблем, но и успешной практикой внедрения инноваций в учебный и научный процесс вузов.

Е.А. КОЛОСОВА, М.С. ЦАПКО, Д.Г. ЦЫБИКОВА

КОЛОСОВА Елена Андреевна, к. социол. н., доц., кафедра теории и истории социологии (the_shmiga@mail.ru); ЦАПКО Мирослава Сергеевна, к. культ., доц., рук. учебно-научного центра социологических исследований (ucprresearch@gmail.com); ЦЫБИКОВА Дарима Гомбожаповна, к. социол. н., доц., кафедра прикладной социологии (t-darima@yandex.ru). Все – Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250017354-2

INTELLIGENCE IN A NEW REALITY

Elena A. KOLOSOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Theory and History of Sociology (the_shmiga@mail.ru); Miroslava S. TSAPKO, Cand. Sci. (Cultural Studies), Assoc. Prof., Head of the Educational and Scientific Center for Sociological Research (ucprresearch@gmail.com); Darima G. TSYBIKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Applied Sociology (t-darima@yandex.ru). All – Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

О МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В СТРАНАХ АТР

2–3 ноября 2021 г. прошла II Международная научная конференция «Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: глобальные вызовы и новые возможности», организованная ИДИ ФНИСЦ РАН в партнерстве с Университетом МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Китай), Вьетнамской академией общественных наук (ВАОН), Национальным экономическим университетом (НЭУ, Вьетнам), Финансово-экономическим университетом (ФЭУ, Монголия), МГИМО МИД России и НИИСА.

Открывая конференцию, чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев** (ИДИ ФНИСЦ РАН, МГИМО) подчеркнул, что исследование миграционных процессов в АТР представляет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку помогает государствам лучше понимать новые миграционные тренды и выстраивать миграционную политику в соответствии с целями устойчивого развития.

Пленарную сессию открыл доклад проф. **Данг Нгуен Аня** (вице-президент ВАОН, Вьетнам), посвященный международной миграционной политике Вьетнама. За 40 лет реформ значительно выросли как масштабы эмиграции из страны, так и приток иностранцев. Пандемия COVID-19 замедлила миграционные процессы, но не изменила миграционных намерений людей. Вьетнам гибко корректирует свою политику, чтобы открыть международные границы, поддерживать новую «нормальность» и стимулировать рост экономики. Сравнительные данные о динамике денежных переводов вьетнамцев из-за рубежа на родину, приведенные в докладе проф. **Нгуен Дак Хунга** (Ун-т технологий и образования провинции Хунг Йен, Вьетнам), убедительно доказывают позитивную роль вьетнамской эмиграции в социально-экономическом развитии страны. Проблемы и перспективы демографического развития Вьетнама проанализировал чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев** (ИДИ ФНИСЦ РАН, МГИМО, Москва): несмотря на значительные успехи в обеспечении роста продолжительности и качества жизни населения, современный Вьетнам стоит перед лицом серьезных демографических вызовов, детерминированных климатическими изменениями, а в будущем – старением населения.

Проф. Мунхбаяр Бямбадаш и И.В. Имидеева (ФЭУ, Монголия) представили в совместном докладе детальный анализ миграционного профиля современной Монголии. Проф. Хоу Ли (Колледж исследований СВА Цзилиньского ун-та, Китай) охарактеризовала особенности внутренней миграции населения КНР и противоречивые последствия роста городских агломераций. О новой для КНР проблеме «мигрантов Гаокао» и возможных путях ее решения рассказал Чжан Чжань (Ун-т МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай). Речь идет о китайских студентах, поступивших в зарубежные вузы, но не имеющих возможности учиться ни за рубежом (из-за ограничений пандемии), ни в КНР (из-за коллизий законодательства).

В докладе, посвященном анализу различных подходов стран АТР в борьбе с пандемией COVID-19 и возможностям использования этого опыта в российской практике, В.Ю. Леденева (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) подчеркнула: для эффективного решения взаимозависимых проблем необходимо гармонизовать разрозненные действия. Говоря о проблемах миграции и перспективах демографического развития Дальнего Востока России, Ю.А. Авдеев (ТИГ ДВО РАН, Владивосток) отметил, что в условиях депопуляции и миграционного оттока трудоспособного населения дальневосточных регионов в европейскую часть страны особую роль приобретают «поворот России на Восток» и развитие всестороннего сотрудничества со странами АТР.

Второй день работы конференции был представлен тремя секциями. Первая (модератор – С.Н. Мищук, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) была посвящена анализу процессов трудовой миграции в АТР во взаимосвязи с влиянием на экономику стран региона. Обсуждались проблемы и ограничения, возникшие в связи с закрытием границ; сравнительные оценки центров притяжения для трудовой миграции граждан Монголии; результаты кооперации Вьетнама и России в миграционной сфере; влияние европейских миграционных

процессов на страны АТР; особенности мобильности различных категорий китайской молодежи в крупных городах КНР и т.д. (докладчики: **E.B. Гамерман** (ИКАРП ДВО РАН, Биробиджан), **А. Тувшинтугс, П. Пуревзул, И.В. Имидеева** (ФЭУ, Монголия), **Нгуен Ань Ха**, проф. **Данг Минь Дюк, Чан Динь Хунг** (ИЕИ ВАОН, Вьетнам), **Пхунг Чи Кьен, Нгуен Лан Нгуен** (УСГН, Вьетнам), **Ле Минь Куанг** (Ун-т Палермо, Италия), **Ле Дюк Ань** (Дипломатическая академия Вьетнама), **Фэнь Чэнцай** (Шанхайский ун-т полит. наук и права, Китай), **С.Б. Макеева** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва)).

Вторая секция (модератор – Р.В. Маньшин, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) была посвящена многообразным аспектам взаимодействия миграционной сферы с политической, социально-экономической и культурной реальностью стран АТР. Дискуссия сосредоточилась на таких вопросах, как: экономическое влияние международной миграции на примере вьетнамских мигрантов, вернувшихся из Японии; перспективы формирования русскоговорящей диаспоры на Филиппинах; анализ факторов, влияющих на привлекательность регионов Дальнего Востока России для мигрантов из Вьетнама; недооцененность потенциала вьетнамской миграции для России (в частности, в сфере образования и туризма); противоречивость китайского миграционного регулирования 2019–2021 гг.; формирование российско-китайской системы миграционного регулирования; особенности процессов образовательной миграции и академической мобильности в азиатской части России (докладчики: проф. Хоанг Ань Туан и проф. Фан Тхе Конг (Университет Тхуонгмай, Вьетнам), Д.С. Панарина (Институт востоковедения РАН, Москва), Р.В. Маньшин и Е.М. Моисеева (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва), М.Н. Храмова (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва), А.А. Яник и С.М. Попова (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва), В.А. Медведь (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва), В.С. Бойко (АлГПУ, Барнаул)).

В рамках третьей секции (модератор – А.С. Лукьянец, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) участники обсудили различные прикладные аспекты международной миграции: необходимость формирования активной государственной политики в отношении граждан, которые переселяются из затапливаемых территорий (на примере Вьетнама); дисбаланс в намерениях постоянного населения и потребностях развития регионального рынка труда и неравномерное распределение мигрантов по российским дальневосточным регионам; потенциал туристических связей и гуманитарных контактов между РФ и странами Центральной Азии; изменения в репродуктивных установках населения (докладчики: проф. **Нгуен Тхи Минь Хоа** (УТСД, Вьетнам) и магистр **Ха Туан Ань** (НЭУ, Вьетнам), **С.Н. Мищук** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва)).

М.Н. ХРАМОВА, С.М. ПОПОВА

ХРАМОВА Марина Николаевна, к. физ.-мат. н., зам. директора по международной и образовательной деятельности; доц., МГИМО МИД России (kh-mari08@yandex.ru); ПОПОВА Светлана Михайловна, к. полит. н., вед. науч. сотр. (sv-2002-1@yandex.ru). Обе – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250018242-9

ABOUT MIGRATION PROCESSES IN APR COUNTRIES

Marina N. KHRAMOVA, Cand. Sci. (Phys. and Math.), Deputy Director; Assoc. Prof., MGIMO University (kh-mari08@yandex.ru); Svetlana M. POPOVA, Cand. Sci. (Polit.), Leading Researcher (sv-2002-1@yandex.ru). Both – Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Размышления над новой книгой

© 2022 г.

Б.3. ДОКТОРОВ

ОБСУЖДАЯ ОТКРЫТЫЙ (В)ОПРОС

 $\mathcal{L}OKTOPOB$ Борис Зусманович – доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (bdoktorov@inbox.ru).

Аннотация. В книге рассматриваются предистория и первые годы становления Всесоюзного/Всероссийского центра изучения общественного мнения, приводятся краткие биографии тех, кто стоял у истоков этой организации, кто создавал сеть по сбору данных. Ценной представляется богатая статистика мнений населения страны по многим важнейшим событиям перестроечного и постперестроечного времени, она не потеряла своей цены. Но если раньше эти данные были интересны полстерам, журналистам, политикам и политически активной части населения, то теперь – социологам и историкам, всем, кто интересуется динамикой общественного сознания и долгосрочными эффектами социально-экономических реформ. В целом книга раскрывает нам многие страницы современной истории страны и настраивает на размышления о будущем.

Ключевые слова: Всесоюзный/Всероссийской центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) • общественное мнение • население России • журнализм • биографический анализ

DOI: 10.31857/S013216250016970-0

Мое мнение о рецензируемой книге [Братерский, Кулешова, 2020] — однозначно: содержательная и полезная, однако это не означает, что я во всем согласен с ее авторами. Вместе с тем я не думаю, что в ближайшее время кто-либо рискнет дать свою версию ранней истории ВЦИОМ, столь же спокойную, детальную и документированную. Проблема в том, что рассмотрение места, роли общественного мнения (ОМ) в современной истории России весьма непростая и не имеющая единственного решения задача. Аналогичное можно сказать и применительно к более частной задаче — 30-летней истории ВЦИОМ. Тем не менее обе задачи актуальны и требуют специального анализа.

Ряд обстоятельств побудили меня прочесть книгу и попытаться рассказать о ней. Первое – именно интерес к истории изучения ОМ в СССР/России и желание узнать взгляд размышляющих людей на прошлое и настоящее (судя по всему, этому будет посвящен том 2 данной книги¹) ВЦИОМ – ведущего аналитического центра страны. Второе – моя многолетняя включенность в процесс познания отечественного ОМ, в частности недолгая работа во ВЦИОМ в годы его рождения и знакомство со многими героями этой книги. Третье – собственный опыт изучения ранней истории ВЦИОМ и биографий его создателей и сотрудников.

Прежде всего назову книгу [Докторов и др., 2002], охватившую весь период руководства страной Б.Н. Ельциным от 1991 до конца 1999 г. и характеризующую мнения россиян

¹Он только что увидел свет: *Братерский А.В., Кулешова А.В.* Открытый (в)опрос: общественное мнение в современной истории России. Т. 2. М.: ЭКСМО, 2021.

по всем кульминационным точкам этого периода. Она писалась буквально по «горячим событиям» того непростого времени, у нас не было возможности для углубленного анализа отношения населения к политике, но мы стремились по возможности широко представить разные точки зрения на окружавший мир людей. Информационной базой книги были результаты опросов ВЦИОМ и Фонда «Общественное мнение», и предложенный нами подход к отбору материалов, думаю, мог бы быть использован и в рецензируемой работе.

Рассмотрение ОМ в современной истории России – одна из задач исследования, осуществленного авторами книги – журналистом Александром Братерским, социологом и журналистом Анной Кулешовой. Отчасти подходы к ее решению намечены ветераном изучения ОМ в СССР Б.М. Фирсовым в предисловии и авторами в разделе «Пролегомены».

В предисловии обнаруживаются два важных функциональных момента. Первый, возможно, был задуман авторами и реализован – это явная связь темы книги с создателями ВЦИОМ: Б.А. Грушиным (1929–2007), Т.И. Заславской (1927–2013) и Ю.А. Левадой (1930–2006). Б.М. Фирсов – один из немногих живых ровесников этих социологов и их единомышленник по принципиальным вопросам роли ОМ в обществе и путях исследования этого сложного феномена. Второй момент – не априорный – в Москве в серии «Жизнь замечательных людей. Биография продолжается» вышла книга «Борис Фирсов» [Выжутович, 2021]. Его биография протекает на моих глазах уже 50 лет. Теперь нам, коллегам и друзьям Фирсова, надо привыкать к существованию еще одного Фирсова, которого годами, десятилетиями будут узнавать все новые и новые поколения. Благодаря Выжутовичу социология и социолог впервые в отечественной социологической историографии покинули профессиональную среду и пришли к общенациональной аудитории. Книга написана не на «социологическом» языке, она сделана вне многих традиций историко-научного подхода, и то, что нам (социологам) представляется в ней недостаточным, могло бы оказаться лишним и непонятным широкой аудитории.

Подобные соображения относительно книги Выжутовича стали для меня отправными для определения жанра рецензируемой книги, позиции ее авторов, ее анализа содержания и в целом ее оценки. Жанр работы можно назвать журналистским взглядом на историю ВЦИОМ, более широко – на историю изучения ОМ в современной России. Здесь имеет смысл заметить, что в США и в СССР опросы как прием выявления установок возникли именно в журналистике для укрепления связи прессы с читателями. В Америке это был журнал «Fortune», стимулировавший появление опросов Э. Роупера, и консорциум независимых изданий, созданный для финансирования опросов Дж. Гэллапа. В СССР вспомним грушинские зондажи ОМ для «Комсомольской правды».

Одна из особенностей книги – авторы предоставляют слово самим участникам, акторам истории – исследователям общественного мнения, в книге приводится немалое число их биографий. В этом отношении выделяется раздел «Они были первыми». Он построен так, что складывается впечатление о вечере, чаепитии давних друзей, добрых знакомых, которые делятся воспоминаниями о давних днях в московской гостинице «Центральный дом туристов» (теперь – «Аструс») на Ленинском проспекте – первом доме ВЦИОМ. Все были молодыми, романтичными, уверенными в том, что занимаются нужным для общества делом. Конечно, по ходу чтения книги возникает желание ознакомиться с авторскими комментариями, особенно в тех случаях, когда прошлое напрямую связано с актуальным настоящим, но авторы и здесь воздерживаются от этого.

Наличие в книге биографического материала, пусть фрагментарного, обосновано и в литературном отношении, и с точки зрения изложения истории ВЦИОМ. Конечно, в первую очередь я имею в виду создателей Центра – Б.А. Грушина, Т.И. Заславскую и Ю.А. Леваду. Думаю, было бы целесообразно дать их портреты более развернуто и четче указать роль каждого в организации ВЦИОМ.

Татьяна Ивановна в начале перестройки, в том числе в первые годы существования Центра, была для интеллигенции, для граждански активной части населения одним из самых известных в стране ученых и политиков. Для многих она была «лицом» ВЦИОМ, ее имя придавало весомость публикуемой статистике мнений и выводам о его состоянии.

Борис Андреевич Грушин был мотором всей деятельности по созданию региональных отделений ВЦИОМ, формированию всесоюзной выборки и конструированию опросных документов. За полтора десятилетия до рождения ВЦИОМ Грушиным было сделано очень много, скажу определеннее – больше всех советских социологов, для создания в стране общенациональной службы изучения ОМ. В этом он видел свой научный и гражданский долг, свое назначение.

Для Юрия Александровича Левады приглашение возглавить научный отдел ВЦИОМ, полученное от его давнего друга Грушина и Заславской, было вторым рождением. Изучением ОМ до этого он не занимался, но был одним из сильнейших в стране теоретиков и методологов социологии. Его заслуга в том, что после ухода из ВЦИОМ Заславской и Грушина, а также превращения нескольких сильных структурных подразделений Центра в независимые аналитические организации, он смог продолжить проведение общероссийских опросов и долго оставаться лидером в этой исследовательской нише.

Приведу здесь воспоминания о них В.А. Ядова, дружившего с ними несколько десятилетий [Докторов, Ядов, 2011–2020]. «Стиль Бориса Грушина – прямо противоположный [стилю И.С. Кона. – Прим. Б.Д.]. Борис предпочитал командную работу, поскольку это были массовые обследования и программу проекта сочиняли коллективно. Подобный стиль деятельности идеально отвечал его характеру и темпераменту крайнего экстраверта, в отличие от явного интроверта Кона. <...> Стиль деятельности Юрия Левады, я бы сказал, – нечто среднее между двумя описанными. Он был книжник, но не «книжный червь», как Игорь Кон. И вместе с тем он являлся великолепным лидером в коллективной работе. <...> Интересно, что по характеру Юрий был интровертом, что сказывалось и на его отношении к другим исследователям. Одних он полагал интересными для себя и был готов часами обсуждать интересующую его или собеседника проблему, быстро вникал в нее и мобилизовал свои знания по предмету. Неинтересных для себя он сторонился, экономил время ради дела, которым был занят в данное время». «Татьяну Ивановну отличало обостренное, даже мучительное восприятие социальной несправедливости. Это находило свое проявление и в тематике ее исследований как социального экономиста, и в гражданской позиции. Почему она инициировала экономсоциологию? Да по той причине, что следовало понять, как экономические процессы воздействуют на повседневную жизнь людей и структурные изменения в обществе с тем, чтобы ослабить многообразные детерминанты социальной несправедливости. Не экономика сельского хозяйства, но условия жизни людей в деревнях были в фокусе исследований школы Заславской. <...> Общеизвестна ее роль в создании ВЦИОМ вместе с Грушиным и Левадой. Трудно перечислить заслуги Татьяны Ивановны как ученого и гражданина. Ко всему прочему Татьяна фантастически скрупулезно вычитывала тексты коллег, испещряя их замечаниями и советами. Была предельно внимательна к собеседнику, вживалась в его заботы. Общаться с нею было удовольствием, а дружить - истинной жизненной наградой».

Безлюдной истории не бывает, это относится и к истории ВЦИОМ, и большая заслуга авторов в том, что в разделе «Они были первыми» приведено много биографической информации о сотрудниках ВЦИОМ «первой волны». Но этот заголовок в полной мере можно распространить и на первые опросы, проведенные ими. Несмотря на многие трудности становления организации, первые данные о состоянии ОМ населения СССР были получены уже в 1988 г.

Книга и в рассматриваемом разделе, и в следующем – «Время Левады» – обильно представляет статистику мнений населения, но мне не кажется, что это сделано оптимально: у читателей может возникнуть множество вопросов. Дело в том, что, приводя данные опросов, авторы выходят из одной области риторики в другую, из сферы биографического анализа, во многом близкого к литературному, в социолого-статистическую, и здесь, в моем понимании, не может быть единого языка, одного стиля подачи материалов. Дизайн

рецензируемой работы богаче и интереснее, чем структура указанной выше книги «Эпоха Ельцина», два десятилетия назад мы ограничились лишь рассмотрением мнений россиян, но не предусмотрели включение биографического материала. Авторы рецензируемой книги пошли дальше нас в раскрытии истории ВЦИОМ, однако читателю было бы значительно легче освоить содержание книги, если бы биографические и статистические материалы были бы структурно четче разъединены.

Очевидно, статистика мнений приводится, чтобы показать, какие события переживало население, чем оно было озабочено, как приспосабливалось к меняющейся социально-политической обстановке и экономическим преобразованиям в стране. И еще одно принципиальное обстоятельство. Сегодня, глядя в 1980–1990-е, в начало века, читатель может понять, какова историческая, политическая, познавательная значимость тех уже далеких замеров мнений. Имели ли они лишь сиюминутное значение, были моментными фотографиями настроений, мнений населения или позволяют старшим читателям увидеть, какими они были в относительно недалеком прошлом, а молодым – узнать, о чем думали их родители. Другими словами, насколько эффективными были (и есть) опросы ОМ.

К сожалению, авторы не раскрыли правила, критерии, которыми они руководствовались при отборе той или иной статистики, не указали на ее процессуальность, не приоткрыли структуру выборки. А это все предусмотрено современными правилами публикации данных опросов.

В разделе «Время Левады» я предполагал подчерпнуть многое о деятельности ВЦИОМ под руководством Ю.А. Левады, об основных исследовательских направлениях, получить картину мнений россиян. Не могу сказать, что сложилось исчерпывающее представление, но ответы на ряд вопросов нашел. Неожиданно многое узнал о социальном видении Левады, о его политических представлениях, взглядах на политику и власть. Сегодня его книги и статьи – история, и для меня чтение этого раздела книги стало началом рассмотрения творчества Юрия Александровича как части его биографии. В первые годы его работы он лишь осваивал, отчасти восстанавливал умение работать со статистикой, да и много в ткани социально-экономической, политической жизни было для всех новым, малопонятным. Левада конца 1990 – начала 2000-х гг. – совсем иной исследователь, интерпретатор происходящего, с огромным опытом и высоким статусом в науке, журналистике, политике. Пожалуй, Левада как никто другой в СССР, России смог привнести в анализ ОМ и текущей политики достижения социологической теории.

Авторы не решились воспользоваться привилегией завершить книгу емким послесловием, по-видимому, это будет сделано во втором томе работы. Жаль, в книге много линий продолжения повествования, и авторы могли бы обозначить важнейшие из них. Будем ждать, каким же будет ответ на «открытый (в)опрос». Но познакомиться с содержанием книги интересно, уверен, что буду заглядывать в нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Братерский А.В., Кулешова А.В. Открытый (в)опрос: Общественное мнение в современной истории России. Т. 1. М.: ВЦИОМ, 2021.

Выжутович В. Борис Фирсов: Путь от Варшавского вокзала. М.: Молодая гвардия, 2021.

Докторов Б. Ядов В.А. «Все зависит от нас самих». Интервью Б.З. Докторову. 2013–2014 // Биографические интервью с коллегами-социологами. Научное сетевое пополняемое издание. М., 2011–2020. URL: https://www.isras.ru/files/File/doctorov/2014/yadov2.pdf (дата обращения: 23.11.2021).

Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002.

DISCUSSING AN OPEN QUESTION

DOKTOROV B.Z.

Boris Z. DOKTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Independent Researcher (bdoktorov@inbox.ru).

Abstract. The book considers the prehistory and the first years of the formation of the All-Union/ All-Russian Center for the Study of Public Opinion, provides brief biographies of those who stood at the origins of this organization, and created a data collection network. The rich statistics of the views of the country's population on many of the most important events of the perestroika and post-perestroika times seem valuable; it has not lost high importance. But if earlier these data were of interest to pollsters, journalists, politicians as well as politically active part of the population, now it is important for sociologists and historians, for everyone who is interested in the dynamics of public consciousness and effects of socio-economic reforms. In general, the book reveals to us many pages of the country's modern history and sets us up for thinking about the future.

Keywords: All-Union/All-Russian Center for the Study of Public Opinion (WCIOM), public opinion, the population of Russia, a journalistic view of the history of WCIOM, biographical analysis.

REFERENCES

- Bratersky A.V., Kuleshova A.V. (2021) Open Question: Public Opinion in the Modern History of Russia. Vol. 1. Moscow: WCIOM. (In Russ.)
- Doktorov B. Yadov V.A. "It all Depends on Ourselves". Interview with B.Z. Doktorov. 2013–2014. In: *Biographical Interviews with Fellow Sociologists*. Scientific Network Replenished Edition. Moscow, 2011–2020. URL: https://www.isras.ru/files/File/doctorov/2014/yadov2.pdf (accessed 23.11.2021). (In Russ.)
- Doktorov B.Z., Oslon A.A., Petrenko E.S. (2002) *The Era of Yeltsin: Opinions of Russians*. Sociological Essays. Moscow: Fond "Obshchestvennoye mneniye". (In Russ.)
- Vyzhutovich V. (2021) Boris Firsov: The Way from the Varshavsky Railway Station. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)

ОБРАЗЦОВУ ИГОРЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ – 60 ЛЕТ!

28 января отмечает свой юбилей ведущий российский специалист в области военной социологии, профессор кафедры социологии Московского государственного лингвистического университета, многолетний активный член редакционной коллегии нашего журнала Игорь Владимирович Образцов.

Он пришел в социологическое научное сообщество нестандартным образом. Его профессиональная жизнь изначально была связана именно с той сферой, которую он изучает как социолог, а ее широкий географический размах типичен для советской эпохи.

Родившись в Иркутской области (г. Железногорск-Илимский), Игорь Владимирович в 1983 г. окончил Донецкое высшее военно-политическое училище инженерных войск и затем до 1990 г. служил в Вооруженных силах СССР на должностях политсостава от Дальнего Востока до ГДР. Именно в эти годы он наблюдал социальную жизнь в армии во всех ее проявлениях. Как известно, военная социология в последние советские десятилетия развивалась очень

трудно: с одной стороны, сама социология как самостоятельная наука еще не вполне институционализировалась, а с другой стороны, Советская армия находилась среди тем, закрытых для объективного изучения. Однако на рубеже 1980–1990-х гг. Игорь Владимирович воспользовался приоткрывшимся окном возможностей в интересах российской социологической науки. Возрождение современной российской военной социологии можно связать и с первыми публикациями И.В. Образцова в нашем журнале по истории военной социологии (в 1992 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Концепция "социологии войны" в трудах Н.Н. Головина»), и по объективному «исследованию войны как специфического социального процесса».

После окончания в 1993 г. военно-педагогического факультета (отделение социологии) Гуманитарной академии Вооруженных сил РФ Игорь Владимирович еще несколько лет прослужил старшим офицером Центра военно-социологических, психологических и правовых исследований Вооруженных сил РФ, после чего ушел в отставку в звании полковника. В 1996–2004 гг. он преподавал и занимался научной деятельностью в Военной академии Генерального штаба ВС РФ. В 1990-е гг. вышла серия его монографий (Неуставные отношения: сущность, формы проявления и профилактика. М., 1994; Российская армия от Афганистана до Чечни: социологический анализ. М., 1997 (соавт.); Век российской военной социологии. М., 1997 (соавт.); Методы социологических исследований в управлении войсками (силами). М., 1998; и др.), которые закрепили его научное лидерство среди российских специалистов по военной социологии. В 2000 г. он защищает докторскую диссертацию «Социологическое обеспечение деятельности высших органов государственного и военного управления».

С 2005 г. профессиональная деятельность И.В. Образцова связана с кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета, заведующим которой он был до 2017 г. О высокой оценке его научно-преподавательской деятельности свидетельствует присуждение ему в ноябре 2021 г. звания заслуженного работника высшего профессионального образования РФ.

В последнее десятилетие в журнале ежегодно выходят его статьи, которые при обсуждении номеров часто признаются лучшими. В настоящее время Игорем Владимировичем опубликовано уже около 90 научных работ – не только по военной социологии, но и по военной истории, по проблемам этноконфессиональных отношений в контексте национальной безопасности и т.д. Он является членом международной научной организации по военной социологии – Межуниверситетского семинара «Вооруженные силы и общество» (IUSAFS).

Редколлегия, редакция журнала и его коллеги желают Игорю Владимировичу Образцову новых творческих успехов и долголетия во всех сферах его научной и преподавательской жизни! Пусть исполнятся все Ваши творческие научные планы!

ЩЕРБИНЕ ВЯЧЕСЛАВУ ВЯЧЕСЛАВОВИЧУ – 75 ЛЕТ!

26 января 2022 г. исполняется 75 лет со дня рождения Вячеслава Вячеславовича Щербины – большого ученого и большого друга журнала «Социологические исследования».

Вячеслав Вячеславович родился в семье крупного руководителя советской тяжелой промышленности, металлургии в ныне Пермском крае, в г. Губаха, – название, от которого веет духом первых пятилеток. Неудивительно, что он пошел учиться в Липецкий металлургический техникум по специальности технология коксохимического производства, который закончил в 1967 г. Но семейный «бэкграунд» сказался не только в выборе профессии, но и в рано выразившемся у юбиляра стремлении к пониманию загадок и парадоксов функционирования предприятий и отраслей народного хозяйства страны тех лет. В 1973 г. он оканчивает исторический факультет Воронежского университета (там в эти годы работали

профессора эвакуированного в начале Великой Отечественной войны из Эстонии Тартуского – Дерптского – университета). Проработав положенное молодому специалисту время по полученной специальности, Щербина с 1976 г. обращается к магистральной для его карьеры социолога проблематике – социологии труда, социологии управления, социологии организаций.

Он погружается в проблемы развивавшейся со второй половины 1960-х гг. заводской социологии, в практику работы социологов по управленческой тематике, в создание и работу заводских служб социального развития, в разработку планов социального развития предприятий. В этой сфере социального знания в те годы работали такие видные социологи того времени, как В.Г. Подмарков, Л.Н. Коган, Н.И. Лапин, Ж.Т. Тощенко, А.И. Пригожин, группа эстонских ученых и др. Юбиляр занял в этом ряду достойное место. Много лет поработал Щербина непосредственно на предприятиях народного хозяйства СССР – так, 8 лет были отданы огромным коллективам Главмосавтотранса.

Итогом этой полосы в жизни и трудах юбиляра стало доскональное освоение таких сфер функционирования социологии на производственных предприятиях страны, как управленческие технологии и управленческое консультирование, управление человеческими ресурсами производства и работа с персоналом, диагностика в управлении, создание моделей организационных изменений и развития организаций и др. Фигура В.В. Щербины, в том числе благодаря непрекращавшемуся потоку научных публикаций, становится заметной в советской, потом – российской социологии управления и социологии организаций. Вслед за защищенной в 1987 г. кандидатской диссертацией в 1994 г. следует докторская, в 1995-м звание профессора. Он преподавал, возглавлял кафедры в ведущих университетах страны – МГУ, МГСУ, Государственном университете управления, РГГУ, ВШЭ. С 2001 г. В.В. Щербина работает в Институте социологии РАН.

С самого начала функционирования журнала «Социологические исследования» В.В. Щербина печатается на его страницах. С 2001 г. он член его редакционной коллегии, регулярно выступающий на страницах журнала со статьями по тематике социологии управления, социологии организаций, в последние годы сдвигая фокус своего научного интереса к проблематике теории социологии в целом.

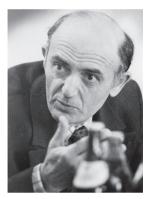
Надо сказать, что талант нашего юбиляра не замкнут на социальное знание: он еще и блестящий художник-график. В последнее время стали замечать, что ему все труднее совмещать эти грани творческой жизни. И его решение уйти целиком в изобразительное искусство не стало полной неожиданностью: успехов ему в этом деле! Вместе с тем верится, что Вячеслав Вячеславович еще вернется к недосказанному, недоисследованному, ненаписанному за годы работы в социологии.

Благодарим за долговременное плодотворное сотрудничество. Искренне желаем Вячеславу Вячеславовичу здоровья и вдохновения!

Редсовет, редколлегия и редакция журнала

Письмо в редакцию

К 100-летию со дня рождения ЗАХАРА ИЛЬИЧА ФАЙНБУРГА (1922–1990)

Известный ученый-обществовед, доктор философских наук и кандидат экономических наук, профессор Захар Ильич Файнбург родился 24 января 1922 г. в г. Орше Белорусской ССР в семье ответственных советских работников. Арест и гибель репрессированных в марте 1938 г. родителей обусловили его интерес к социальным процессам, происходящим в обществе, в котором он жил.

Окончив с отличием среднюю школу в детском доме, он поступает в выдающееся учебное заведение своего времени – «Красный лицей» – МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории имени Н.Г. Чернышевского (1931–1941)). В июле 1941 г. уходит добровольцем на фронт, участвует в боях на территории Украины, Белоруссии, Польши, Восточной Прус-

сии. В 1945 г. возвращается на учебу в МГУ, куда влился МИФЛИ. За склонность к теории, глубину и оригинальность мыслей получил в студенческой среде своеобразное прозвище «Карл Маркс».

Окончив в 1949 г. отделение политэкономии экономического факультета МГУ, работает в Поволжском лесотехническом институте (г. Йошкар-Ола), а с 1 сентября 1960 г. и до самой смерти (10 сентября 1990 г.) – в Пермском политехническом институте, пройдя путь от старшего преподавателя до профессора, зав. кафедрой основ научного коммунизма (ныне социологии и политологии) и научного руководителя двух лабораторий социологии (хоздоговорной лаборатории социологии и лаборатории социологии проблем высшего образования), создателем которых он являлся (1966).

В 1958 г., в связи с реабилитацией родителей, получил возможность полноценно заниматься наукой и одним из первых в СССР вместе с другом, соратником, соавтором и женой – Г.П. Козловой – начал на предприятиях проводить социологические исследования, которые вел на протяжении всей последующей жизни, сочетая их с преподавательской работой в вузе, и не только. По личному приглашению читал различные спецкурсы в вузах СССР и Польши. Подготовил 22 кандидата и восемь докторов наук.

С начала 1960-х гг. активно участвовал в возрождении социологии в СССР, входил в Научный совет АН СССР по конкретным социальным исследованиям, одним из первых стал членом Советской социологической ассоциации (ССА), был избран в ее Правление, создал Пермское отделение ССА. Заслуженно считается основателем Пермской научной школы социологии. За разработку одной из первых в стране методик социального планирования развития коллектива предприятия в 1969 г. награжден медалью ВДНХ СССР. Лауреат научной премии стран СЭВ.

Прочитанный им в мае 1987 г. в стенах Пермского политехнического института цикл публичных лекций о культе личности буквально потряс общественность Перми и научные круги Москвы. В этих лекциях и в написанной по их стопам книге Файнбург на примере советского социализма подвел итоги своего научного поиска и изложил созданную им целостную концепцию развития современного общества и перехода обществ индивидуалистического типа к обществам коллективистского типа.

Захар Ильич уделял огромное внимание методологии научного поиска, развив Марксову методологию диалектической логики применительно к формационному анализу структуры и механизмов развития коллективистского общества, ввел фундаментальные

взаимодополняющие термины «историческое место социализма» и «социология будущего». Он много и плодотворно занимался проблемами диалектики противоречий как движущих сил развития общества, диалектической логики политической экономии, формационных переходов, культурологии, футурологии, утопии и утопического сознания.

Работая в условиях жесткой идеологической цензуры, 3.И. Файнбург первым из ученых обратился к жанру социально-философской фантастики как средству образного целостного моделирования основных противоречий будущего. С ним дружили, ценя его мнение, такие писатели, как Станислав Лем и братья Стругацкие.

Начиная с середины 1950-х гг. в многочисленных рукописях, оставшихся не изданными по идеологическим причинам, предвосхитил постановку и ряд направлений возможного решения актуальных проблем развития современного общества, связанных с тотальной информатизацией всех сторон жизни личности и общества, с усилением социального регулирования и контроля, с неуклонным вытеснением трудовой деятельности человека из непосредственного процесса производства.

На основе теории деятельности развил функциональный подход к пониманию культуры как специфической функции регуляции жизни общества. Им проведено множество авторских комплексных исследований по методологии социальной философии, экономике труда, политической экономии, теоретической и прикладной социологии, социального развития предприятий и городов, теории спорта, проблемам семьи, любви, морали, счастья.

Современники помнят Захара Ильича как человека честного, принципиального и оптимистичного. Его научное наследие ждет своих последователей и исследований, ибо с годами становится все более актуальным.

Г.З. ФАЙНБУРГ, д. тех. н., проф., В.В. ЛЕВЧЕНКО, д. псих. н., проф.

Коротко о книгах

НОВОЕ ВРЕМЯ, НОВОЕ ПОЛЕ. МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ / Под ред. О.И. Звонаревой, А.Ю. Контаревой, Е.В. Поповой. СПб.: Алетейя, 2021. 474 с.

Книга посвящена вопросам качественной методологии и планированию исследовательских проектов. Авторы стремятся раскрыть важную роль исследовательской рефлексии и показать, с какими методологическими выборами сталкиваются социальные ученые в процессе качественного исследования. В отличие от классических учебников, где дискуссии об изменчивости объектов исследования и методов их изучения остаются за рамками рассмотрения, авторы коллективного труда проблематизируют такие базовые понятия, как «исследование», «качество», «границы объекта».

В работу включены двенадцать кейсов из области исследования науки, технологий и инноваций, в которых авторы подробно описывают поиск аналитических инструментов. На материалах исследований Интернета, альтернативных мобильностей, стволовых клеток и других инноваций авторы показывают сложность технологий, которые могут выступать не только как объект, но и как инструмент исследования. Отдельная часть книги посвящена переосмыслению ролей участников исследовательского процесса.

Таким образом, книга выходит за границы узкотематической области исследований технологий и инноваций и отражает новейшие дискуссии об изменениях в качественной методологии.

Мануильская К.М. и др. ЖИЗНЬ ВНЕ ИЗОЛЯЦИИ. КОНЦЕПЦИЯ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ДОМА. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 328 с.

Дом – базовая человеческая потребность. В книге рассматриваются особенности жилищных потребностей старшего поколения. На основе эмпирических исследований, проведенных Центром полевых исследований РАНХиГС, и анализа мирового опыта развития и проектирования жилья, комфортного для всех возрастов, предлагается концепция нового социального дома. По мнению авторов, книга может стать первым шагом на пути осознания реальности воплощения в жизнь идеи о комфортной старости в окружении близких людей и соседей, о создании благоприятной среды для старения вне изоляции.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, в том числе социологов, демографов, урбанистов, архитекторов, планировщиков городских пространств, геронтологов, представителей некоммерческих организаций и государственных служащих, сотрудников сферы социального обслуживания и жилищно-коммунального хозяйства, аспирантов, студентов – всех, кто проявляет интерес к теме старения, планирования старости и обустройства жизни старшего поколения.

Вайс Х. МЫ НИКОГДА НЕ БЫЛИ СРЕДНИМ КЛАССОМ. КАК СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ВВОДИТ НАС В ЗАБЛУЖДЕНИЕ / Пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 200 с.

Хотя происходящее сокращение среднего класса в одной части планеты и его расширение в другой приковывает к себе внимание, исследователи редко ставят под сомнение саму категорию «средний класс». В своей книге антрополог Хадас Вайс утверждает, что средний класс представляет собой своего рода идеологию. Прослеживая ее от истоков и вплоть до эпохи финансиализации, автор демонстрирует ошибочность веры в то, что положение в обществе может улучшаться или ухудшаться только благодаря амбициозным и предусмотрительным инвестициям в собственность и образование. Этнографические данные из Германии, Израиля, США и других стран показывают, как в частной жизни и в политике эта вера заставляет людей стремиться к достижению целей, которые способствуют накоплению, но при этом оказываются саморазрушительными.

Книга адресована социологам, политологам, экономистам.

ПРЕКАРНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: ИСТОКИ, КРИТЕРИИ, ОСОБЕННОСТИ / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021. 400 с.

В монографии анализируется прекарная форма занятости, которая в условиях Четвертой промышленной революции становится характерной для противоречивого состояния рабочей силы. Исследование опирается на результаты масштабных опросов 2014–2015 и 2018–2020 годов, показавшие, что прекарная занятость характерна не только для производства, но для всех без исключения сфер общества, при этом прекарное состояние работников распространяется на весь уклад и образ жизни.

Специалистам, исследователям, аспирантам и студентам, а также всем интересующимся состоянием, тенденциями и проблемами труда и образа жизни людей в современном обществе.

Травин Д.Я. ПОЧЕМУ РОССИЯ ОТСТАЛА? СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2021. 368 с.

Отвечая на вопрос об успехе или отсталости разных стран, экономисты описывают хозяйственные реформы, политологи исследуют авторитарные и демократические режимы, а культурологи сопоставляют менталитеты народов. В данной книге автор выбирает для анализа этой проблемы подход исторической социологии. Он погружает читателя в историю, выявляет как яркие, так и мрачные моменты становления европейского общества и показывает, какое место в нем занимала наша страна с самых ранних времен. При этом большая часть книги посвящена рассказу о других европейских странах, поскольку причины «отставания» России, по мнению автора, необходимо искать не в проблемах нашей страны, а в успехах других стран, которые смогли осуществить важные для своего развития преобразования.

ИЗ РОССИИ С КОДОМ: МИГРАЦИИ ПРОГРАММИСТОВ В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ / Под ред. М. Биаджоли, В. Лепинэ. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2022. 608 с.

В книге отслеживаются пересекающиеся траектории глобальной миграции кода и его программистов, чья мобильность и независимость от контекста оказываются связанными с их советской и постсоветской генеалогией. Тематически разнородные главы опираются на традицию качественной методологии и теоретические подходы, разработанные в исследованиях науки и технологий. На основании более чем 300 интервью, проведенных в 2013–2015 гг., авторы изучают практики, образовательные и карьерные траектории, профессиональные сети, миграционные и жизненные маршруты постсоветских ІТ-специалистов. Также анализируются образование форм социальности, опосредованных компьютерным кодом и навыками программирования; использование российским государством масштабных программ финансовой поддержки ІТ-инноваций с целью контроля за политически нестабильными регионами; «утечка мозгов» и проблемы интеграции программистов с постсоветского пространства; трудности формирования новой предпринимательской культуры в постсоветской России.

Штейнберг И. МЕТОД «ДЛИННОГО СТОЛА» В КАЧЕСТВЕННЫХ ПОЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. М.: ВЦИОМ, 2021. 300 с.

В книге известного полевого исследователя и методолога предпринята попытка обобщить многолетний опыт обучения практическим навыкам проведения полевых социологических исследований методом «длинного стола». Работая за этим «столом», участники разрабатывают и корректируют стратегию исследования, обсуждают и интерпретируют выявленные факты. В книге показано, как происходит поиск общего языка между участниками рабочей группы, взаимодействие с заказчиком, формулирование и тестирование ключевого исследовательского вопроса, формирование выборки в соответствии с восьмиоконной моделью, представление результатов исследования и многое другое.

Журавлева И.В. и др. ЗДОРОВЬЕ ПОДРОСТКОВ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА: ИЗМЕНЕНИЯ ЗА 20 ЛЕТ. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 309 с.

В основе книги лежат исследования, проведенные по единой методике в семи регионах России в 1996 и 2017 годах. В работе представлен анализ различных аспектов жизни подростков, связанных со здоровьем. Рассмотрены факторы, влияющие на самосохранительное поведение подростков: социально-демографические параметры, ценность здоровья, установка на его поддержание, стресс, роль семьи, употребление подростками психоактивных веществ. Особое внимание уделено экологическим проблемам.

Для специалистов, занимающихся охраной здоровья детей и подростков в сфере здравоохранения и образования, а также всех интересующихся проблемами социологии здоровья.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Социологические исследования» принимает к рассмотрению статьи, включая переводы и оригинальные материалы из социологического наследия, обзоры научных конференций, рецензии и другие материалы. Редакция рассматривает только рукописи, ранее не опубликованные ни в печатном, ни в электронном виде. Все рукописи проходят проверку на плагиат, рецензирование и редактуру. На всех этапах подготовки рукописи к печати научный редактор взаимодействует с автором.

Редакция оставляет за собой право отклонять, сокращать и редактировать статьи. Редакционная правка подлежит согласованию по заранее оговоренному желанию автора.

Все **статьи публикуются на бесплатной основе** независимо от научного статуса авторов. Для аспирантских и студенческих работ требуется рецензия на них от научного руководителя. Гонорары не выплачиваются.

Публикуемые материалы **могут не отражать** точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме в других изданиях без письменного разрешения редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на сайте журнала (http://socis.isras.ru/) через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128–84–39, или по электронной почте: socis@isras.ru.

Требования к рукописи

Каждая рукопись подается в двух форматах: 1) текст, доступный для редактирования, присылается по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc (Word for Windows, с форматированием текста по ширине, 14 кеглем через 1,5 интервала), 2) после подтверждения редакции о принятии рукописи к регистрации загружается на портал https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html согласно посылаемой авторам инструкции.

Также рукописи в печатном экземпляре можно приносить в редакцию: Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, каб. 309.

Объем рукописи, представленной в редакцию, ограничен по рубрикам:

```
статьи – не более 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами);

«Факты. Комментарии. Заметки», «Первые шаги», «Размышления над новой книгой» –

не более 0,5 а.л. (20 тыс. знаков);

«Книжное обозрение» – не более 0,4 а.л. (10–15 тыс. знаков);

«Научная жизнь» – до 0,3 а.л. (10–12 тыс. знаков).
```

Превышение объема может служить основанием для отклонения статьи. Обязательным требованием является нумерация страниц рукописи.

Обзоры конференций и иных научных мероприятий можно присылать не позднее трех месяцев с момента их проведения. В тексте должны быть приведены данные об организаторах конференции, месте и дате ее проведения. Для всех упоминаемых участников указываются их имена и фамилии, а в скобках – место работы и город, для участников международных конференций – также страна. Основное внимание уделять содержанию докладов, выступлений, которые развивают и обогащают социологию. Журнальный обзор не может сводиться к простому перечислению прозвучавших докладов.

В *рецензии* необходимо указать полные данные обсуждаемой книги, включая издательство и объем страниц. Желательно предоставлять саму рецензируемую книгу (или ее электронный вариант). Рецензия не должна содержать реферат книги; необходимо дать анализ тех идей (положений, рассуждений), которые претендуют на новое (или уточнение нового) знание, а также полемику с аргументированным изложением дискуссионных

моментов. Основные причины отказов в публикации рецензий – пересказ содержания без анализа, несоответствие темы рецензируемой книги тематике журнала, а также выбор для рецензии давно вышедшей книги. В 2022 г. могут быть опубликованы рецензии на издания 2020–2021 гг.

По традиции журнал принимает эссе или полемические заметки, написанные в свободном стиле, которые могут быть опубликованы в рубриках «Социологическая публицистика», «Дискуссия. Полемика», «Письмо в редакцию».

Журнал публикует переводы и материалы для рубрики «Социологическое наследие». Мы рекомендуем выбирать для публикации статьи и источники объемом до 40 000 знаков. Из источника большего объема следует сделать выборку для журнальной публикации. Права на публикацию переводчик должен согласовать с издателем оригинала. Желательно сопровождать перевод или архивный материал предисловием. Комментарий публикатора или переводчика дается в формате концевых или постраничных сносок.

Текст рукописи должен быть приведен автором в соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими нормами.

Договор

При принятии статьи к публикации (об этом уведомляет Редакция) автору(ам) необходимо прислать скан-копию подписанного Договора в формате PDF (см. сайт журнала). Если статья написана в соавторстве, то Договор должен быть подписан всеми авторами с указанием необходимых данных. Либо автор, указанный первым в статье, выступает от имени всех соавторов, при этом имея доверенности от них, заверенные по основному месту работы, в противном случае в Договоре указываются и подписывают все соавторы. Скан-копия подписанного Договора высылается по электронной почте в Редакцию.

Рецензирование и редактирование

Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и Редакции журнала. На основе рецензирования Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей. Имена рецензентов не разглашаются. Редакционные рецензии предназначены только для внутреннего пользования. В случае отказа в публикации Редакция не вступает с авторами в дискуссию. Решение о приеме к публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в Редакции. Отбор материалов для текущего номера определяется редакционными планами.

При рецензировании поступивших рукописей редколлегия, внешние рецензенты и редакция руководствуются следующими критериями.

- 1. Постановка научной проблемы, ее актуальность с точки зрения решения научных задач, которые относятся к проблематике и профилю журнала.
- 2. Оригинальность, самостоятельность, новизна, интересные и/или дискуссионные подходы.
 - 3. Теоретическое обоснование избранной темы.
- 4. Соблюдение методологической и методической культуры (описание объекта и предмета, целей и задач исследования, гипотез, выборки, время проведения, инициаторов исследования и т.п.).
 - 5. Достоверность и убедительность данных.
- 6. Использование материалов предшественников, наличие полемики с ранее опубликованными материалами, в том числе и в «СоцИсе», исходя из того, что журнал это площадка для дискуссий.

К сведению авторов 169

7. Уровень литературной редакции текста, точность выражения, лаконичность, стройность и логичность аргументации, а также соответствие редакционным требованиям (см. требования к оформлению).

Основные причины отказа в публикации для статей

- 1. Несоответствие тематике журнала. «Социологические исследования» не являются обществоведческим журналом, поэтому материалы публикуются по социологии. Применение методов и инструментария еще не делают статью социологической, так как она может решать педагогические, правовые, психологические и другие проблемы, которые не входят в компетенцию социологии.
- 2. Отсутствие или слабость научного аппарата. Статья должна содержать отсылки не только к истории проблемы, но и к современным исследованиям по обсуждаемой теме.
- 3. Превышение объема в 40 000 знаков и несоблюдение требований к оформлению рукописи.
 - 4. Обширные повторы текста из ранее опубликованных работ автора.

Обязанности авторов

Передавая в редакцию рукопись, авторы обязуются не публиковать ее ни в каком ином издании без письменного согласия редакции.

Авторы гарантируют, что результаты исследования, изложенные в предоставляемой рукописи, получены в ходе личной исследовательской работы, не заимствованы, не являются плагиатом, перефразированием, присвоением результатов чужих исследований.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

В качестве соавторов статьи следует указывать лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Указание в числе авторов лиц, не внесших интеллектуальный вклад в исследование, является нарушением авторских прав и норм этики.

Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Избыточное самоцитирование и дружественное (корпоративное) цитирование, нерелевантные ссылки интерпретируются как нарушение публикационной этики.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Рекомендации по описанию методики исследования

В рукописи, содержащей описание результатов эмпирических социологических исследований, должна быть представлена методика исследований (в том числе при использовании данных других исследовательских центров и организаций).

Сведения о методике исследования следует изложить в одном из вариантов:

- специальном разделе (параграфе) статьи (но не в аннотации);
- непосредственно в тексте;
- в сноске;
- в примечании к статье.

Эти сведения должны включать следующую информацию.

- 1. Название организации, проводившей исследование.
- 2. Даты проведения исследования (полевых работ).
- 3. Используемые источники информации, эмпирическая база исследования.
- 4. Структура генеральной совокупности.

- 5. Описание методов сбора данных (анкетирование, интервьюирование, наблюдение, эксперимент, контент-анализ).
- Тип (вид) выборки, ее объем (численность опрошенных, интервьюируемых, участвующих в фокус-группах и т.д.), сведения о ремонте выборки. Ошибка выборки.
- 7. Описание методов анализа данных. При использовании коэффициентов корреляции указывать их статистическую погрешность, при использовании факторного анализа процент объясненной дисперсии.
- 8. Авторство методического инструментария (полностью или частично авторский, использование наработок коллег).
- 9. Указание точной формулировки анализируемых вопросов, а также их формы (открытый, закрытый, полузакрытый и проч.).
- Краткое изложение позитивного и негативного методического опыта: апробация методического инструментария, сложности в реализации исходных замыслов, обнаруженные несовершенства инструментария, нештатные ситуации организационного и методического характера.

При оформлении таблиц следует указывать, считаются ли проценты от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных; наряду с указанием процентов важно указывать общую численность единиц наблюдения.

Технические требования к рукописи

Редакция принимает рукописи до 40 тыс. знаков с пробелами (включая аннотацию, ключевые слова на русском языке, а также блок на английском языке).

В начале рукописи после названия статьи следует указать курсивом: **сведения об авторе** (авторах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень и ученое звание, наименование места работы, должности, контактный телефон, адрес электронной почты, город; **аннотация** и **список ключевых слов** (не более 10) на русском языке. Для коротких рецензий и материалов в рубриках «Книжное обозрение», «Научная жизнь» аннотация и ключевые слова не требуются. После основного текста статьи даются список литературы, блок на английском языке (см. структуру статьи), рисунки.

Аннотация – резюме об основных идеях и результатах – должна отражать содержание статьи и результаты исследований; быть структурированной (следовать логике описания результатов в статье); объем – 100–200 слов. Не следует дословно повторять в статье то, что уже сказано в аннотации.

Примечания в статье даются в постраничных сносках. В отдельных случаях можно использовать затекстовые примечания (при их большом количестве и самом объеме текста, перед списком литературы). Информация об источниках финансирования указывается в сноске на первой странице без нумерации. Публикуется только сокращенное название фонда (или программы) и номер гранта. Название гранта не публикуем. Благодарности при необходимости выносим в сноску либо на первую стр. в ссылку о гранте, либо в заключительной части статьи.

Не допускаются «слепые» (неструктурированные) статьи, их нужно разделить на смысловые части. Текст должен содержать постановку задачи, описание методологии и методики (если это результаты эмпирического исследования), основные результаты и выводы. Структура выделяется следующим образом: главы – п/ж строчные – отдельной строкой (без точки в конце заголовка); параграфы – п/ж строчные (в начале абзаца с точкой, текст далее в подбор к заголовку), подпараграфы – п/ж строчные курсив.

Англоязычная часть статьи обязательна при сдаче рукописи, располагается в конце статьи и содержит в себе следующие структурные элементы:

- название статьи; ФИО автора/ов;
- аффилиация (организация, страна);

- авторская справка Имя О. ФАМИЛИЯ (на латинице именно в таком порядке), звание, должность, место работы (если несколько мест, то указывать все), академия, город, страна, e-mail в скобках;
 - информация об источниках финансирования (Acknowledgements);
- abstract аннотация должна быть расширенной (недопустим дословный перевод русскоязычной аннотации), отражать основное содержание статьи и результаты исследований; написанной грамотным английским языком с использованием специальной научной терминологии; компактной, но не короткой (в пределах 200–250 слов);
 - keywords (через запятую не более 10 слов);
- references список литературы на английском языке. Выстраивается в алфавитном порядке (будет отличаться от русскоязычного).

Авторы обязаны указывать **источники приведенных в статье цитат**, статистических данных и иной информации; аббревиатуры следует пояснять. При ссылке на источник необходимо в **квадратных скобках** указывать фамилию автора, год издания и страницу при цитировании.

Список использованной литературы дается в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Первыми располагаются публикации на русском языке, далее – на иностранном.

Таблицы вставляются в текст статьи после ссылки на нее (при оформлении ориентироваться на используемый в журнале образец).

Графические материалы (рисунки) следует давать в конце статьи (после англоязычного блока). К рассмотрению принимаются статьи только с монохромными (чернобело-серыми) рисунками. Цветные рисунки не принимаются. После принятия рукописи к публикации по запросу редактора рисунки высылаются отдельными файлами в формате:

- Excel, если это графики, гистограммы и т.п. (файл должен содержать исходные данные, вбитые в электронную таблицу, и построенную по ним диаграмму; если диаграмм в статье несколько, то можно выслать их одним общим файлом, но при этом каждая диаграмма и данные для нее должны размещаться на отдельном листе);
- *.tiff, *.png (предпочтительно) или *.jpg (нежелательно, но допустимо), если рисунки выполнены не в Excel. В этом случае разрешение изображения должно быть не менее 300 dpi; размер не менее 12–15 см по ширине (длинной стороне).

Оформление библиографического раздела статьи

Список использованных источников оформляется в виде библиографического списка в алфавитном порядке (вначале русскоязычная литература). Обязательно указывается диапазон страниц статьи в журнале, в сборнике. При цитировании обязательно должна быть указана стр. из источника. При наличии у статьи DOI нужно указывать присвоенный номер. Когда в списке литературы присутствуют работы одного автора, выпущенные в одном и том же году, необходимо после года выпуска присваивать буквенное обозначение. Общее количество страниц в монографии и пр. не указываем.

В список литературы следует относить только научные публикации. Ссылки на нормативные документы, газетные статьи, интернет-страницы давать в постраничных сносках с указанием даты обращения. При использовании архивных данных описание давать либо в сносках, либо в приложении.

В тексте статьи при ссылке на источник **не использовать нумерацию**. Необходимо указывать в квадратных скобках фамилию автора (**без инициалов**) и год издания через запятую. Когда автор дает ссылку на конкретную(ые) страницу(ы) текста в статье или приводит цитату, необходимо указывать страницу(ы) через двоеточие. Если у источника два автора – фамилии указывать без инициалов через запятую, если авторов больше двух, то указать первого и ставить «др.». В случае ссылки на литературу на иностранном

языке фамилия или название пишется на языке источника. Если авторов (или редакторов) несколько – указывать первую фамилию и ставить «et al.».

Авторам необходимо знать, что нет необходимости ссылаться на электронный документ в случае существования его печатного аналога. В трудах академического характера более приемлемым является приведение ссылок на печатные издания. При оформлении электронной ссылки в списке литературы желательно указывать авторство (если оно есть), название документа (статьи и т.п.), перед самой ссылкой ставить значок «URL». Электронный адрес и дату обращения к документу приводят всегда.

Оформление библиографического раздела статьи в английском блоке (**References**) несколько отличается от русскоязычного.

- 1. Год издания выносится после фамилии в круглых скобках.
- 2. Знак «//» не используется, а название журнала или монографии дается курсивом. Авторы и редактор прямо, а не курсивом, как в русскоязычном списке.
 - 3. Если статья в сборнике или в монографии, указывается «ln:» вместо «//».
- 4. При переводе названия русскоязычной статьи используйте тот перевод, который дан в самом журнале, где она была напечатана. Транслитерация названий не нужна:
- Gofman A.B. (2015) Conceptual Approaches to Analysis of Social Unity. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 11: 29–36. (In Russ.)
- 5. Обязательно отмечайте в круглых скобках, на каком языке дается источник (In Russ.), если он на английском языке, то указывать не нужно.
- 6. Дата обращения к источнику в электронных публикациях пишется в круглых скобках по-англ. (accessed 12.12.16).
- (!) Если в статье количество русскоязычных источников не превышает пяти, то список литературы объединяется под названием: СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES].

Пример объединенного оформления:

- Дубин Б., Зоркая Н. Чтение и общество в России 2000-х годов // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 61–77. [Dubin B., Zorkaya N. (2009) Reading and Society in Russia in 2000s. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 7: 61–77. (In Russ.)]
- Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. [Girenok F.I. (2016) Clip Consciousness. Moscow: Prospekt. (In Russ.)]
- Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Потенциал и пути развития филантропии в России. М.: ВШЭ, 2010. [Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. (2010) The Potential and the Development of Philanthropy in Russia. Moscow: VShE. (In Russ.)]
- Enders J., Kaulisch M. (2006) The Binding and Unbinding of Academic Careers. In: Teichler U. (ed.) *The Formative Years of Scholars.* London: Portland Press.
- Smith J. (2010) Forging Identities: the Experiences of Probationary Lecturers in the UK. Studies in Higher Education. Vol. 35. No. 5: 577–591.

Подробнее о библиографическом описании см. на сайте журнала: http://socis.isras.ru/index.php?page_id=539.

In memoriam

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ЛАПИНА

25 декабря 2021 г. ушел из жизни доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Государственной премии СССР Николай Иванович Лапин. Он был выдающимся социологом, стоявшим у истоков нескольких научных направлений в российском обществоведении: теории социальной организации, системных исследований, теории инноваций, социокультурной компаративистики, модернизации России и ее регионов, динамики ценностных ориентаций российского населения. Теоретические труды Николая Ивановича Лапина не утрачивают своей оригинальности и актуальности и для современного научного дискурса, а результаты эмпирических исследований, проведенных под его руководством в советский и постсоветский периоды, получают особо злободневное звучание сегодня. Особую известность приобрели три глобальных по масштабу проекта.

Всего полгода назад мы отмечали 90-летний юбилей Николая Ивановича, провели посвященный этому событию круглый стол, на который собрались специалисты из многих уголков России, объединенные юбиляром в проекте по исследованию социокультурных проблем развития регионов. Этот проект продолжался беспрецедентно долго – почти 20 лет и может служить образцом творческого содружества, добровольного объединения социологов, экономистов, психологов, других специалистов в организационно не оформленный, но сплоченный коллектив из 25 регионов России, во главе которого стоял Н.И. Лапин. Николай Иванович разработал вместе с Л.А. Беляевой методику и инструментарий для региональных исследований; он не только вносил в его обоснование и развитие новые плодотворные идеи, но и давал импульсы для творческого самовыражения каждого регионального коллектива и каждого участника проекта. Особую ценность этих исследований представляют социально-культурные портреты регионов, которые были выполнены по единой методике и ранжированы по уровню модернизации. Это позволяло сравнивать регионы между собой и искать ответы на вопрос – что мешает превращению каждого из них в современное сообщество с высоким качеством жизни всего населения. Результаты этой работы отражены в нескольких коллективных монографиях 1.

Этот проект находится в ряду других крупных исследований, возглавлявшихся Николаем Ивановичем. Особое место занимает первый крупный проект «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов» (1968–1973), руководителями которого были Г.В. Осипова и позднее Н.И. Лапин. Этот проект положил начало изучению предприятия как социальной организации. Над ним работала большая группа соратников Николая Ивановича: Л.С. Бляхман, В.В. Колбановский, Н.Ф. Наумова, А.И. Пригожин, А.В. Тихонов, О.И. Шкаратан и многие другие известные исследователи. Под руководством Лапина осуществлена теоретическая проработка проблемы соотношения планируемых и спонтанных процессов на предприятиях, системно структурирована их социальная организация и систематизирован комплекс ее проблем. Одновременно проведено 29 эмпирических исследований на отечественных предприятиях, в ходе которых опрошено почти 25 тысяч человек. Необходимо учитывать, что эти исследования проводились в 1970-е годы, в условиях бескомпромиссной борьбы молодых социологов (им было в то время по 25–40 лет), стремившихся получить правдивую информацию о положении дел в промышленности и в управлении предприятиями в поддержку прогрессивных реформ под руководством А.Н. Косыгина, с

¹Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред. *Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой*. М., 2009; Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост. и общ. ред.: *Н.И. Лапин, Л.А. Беляева*. М.: Academia, 2013; Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Коллективный научный труд / *Н.И. Лапин* (отв. ред., сост.), *Л.А. Беляева, Н.А. Касавина* (ред.). М.: Весь Мир, 2016.

идеологическим и организационным давлением со стороны консервативных групп в ЦК КПСС и Академии наук. Социологи показали в докладной записке в Правительство СССР, что, вопреки официальным утверждениям, в промышленности еще несколько десятилетий сохранит свое место тяжелый физический труд, при этом его престиж будет неуклонно снижаться, так же как и удовлетворенность рабочих своим положением на предприятиях. Делался вывод, что это может вести к социальной дестабилизации общества. К сожалению, социологи тогда не были услышаны, а опубликовать материал этого исследования, со всем богатством разработанного инструментария, стало возможным только спустя треть века². Но и в наше время обращение к исследованию проблематики социального развития предприятий, квалификационной структуры занятых, качества труда, тяжелых и социально непривлекательных видов деятельности обнаруживает множество белых пятен. Исторический опыт исследования подобных проблем может сослужить добрую службу и для современных социологов.

Большим многолетним проектом стал проводившийся Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН, которым Н.И. Лапин руководил более 30 лет, всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России». Первая волна состоялась в 1990 г., затем каждые 4–5 лет было проведено семь волн мониторинга, последняя в 2015 г. Качественной особенностью мониторинга был его фундаментальный характер, в нем фиксировались устойчивые тенденции трансформации российского общества – структурные сдвиги и изменения ценностей населения в переходный период, охвативший 25 лет. Под руководством Николая Ивановича и с участием ведущих российских специалистов, среди которых были Г.М. Денисовский, А.Г. Здравомыслов, П.М. Козырева, В.В. Колбановский, Н.Ф. Наумова, В.А. Ядов, разработан инструментарий для первой волны. Следующие волны готовились Л.А. Беляевой и Н.И. Лапиным – руководителем проекта. Собранный материал позволил выделить несколько этапов трансформации российского общества, проанализировать глубинные процессы качественных преобразований в общественных отношениях, в настроениях и ценностных ориентациях населения³.

Николай Иванович был прирожденным организатором, всегда доводил начатое дело до конца, добивался научного успеха даже в сложных обстоятельствах, умел предвидеть те общественные проблемы, которые требуют изучения здесь и сейчас. Он вдохновлял своим примером на научный поиск и оставил нам свои труды – статьи и монографии, в которых, мы уверены, будут черпать идеи будущие исследователи. За несколько месяцев до ухода вышла в свет последняя монография Николая Ивановича.

Николаем Ивановичем были написаны классические труды по истории философии и социологии, учебники, по которым учились и будут учиться молодые философы и социологи. В течение многих лет он преподавал в МГУ им. М.В. Ломоносова, Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», других московских вузах, подготовил десятки докторов и кандидатов наук. С неиссякаемым оптимизмом и опытом зрелого ученого Николай Иванович разрабатывал в последние годы проблемы цивилизационного развития России, внося неоценимый вклад в работу коллектива Института философии РАН⁴.

Коллеги и сотрудники Института философии РАН, все российские социологи сохранят в своем сердце теплые воспоминания и благодарность Николаю Ивановичу Лапину за беззаветную преданность науке, широту научных взглядов, за тот энтузиазм, с которым он работал над изучением самых злободневных проблем развития советского и российского общества.

Коллеги, друзья, ученики

 $^{^{2}}$ Социальная организация промышленного предприятия / Отв. ред. Н.И. Лапин. М., 2005.

³ Кризисный социум: Наше общество в трех измерениях / Отв. ред. *Н.И. Лапин*. М., 1994; Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. *Н.И. Лапин*. М., 1996; *Лапин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.

 $^{^4}$ Лапин Н.И. Сложность становления новой России: Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly 2022 No. 1

CONTENTS

3 EDITORIAL: TO OUR READERS

NEW IDEAS AND PHENOMENA IN SOCIOLOGY AND SOCIAL PRACTICE

- 5 KLIUCHAREV G.A. Ontological Problematics in Sociological Interpretation: To the Question Statement
- 17 BESSONOVA O.E. Ideology in Social Development of Russia: New View

THEORY, METHODOLOGY

- 30 NIKOLAEV V.G. Sociological Theory in Russia: At the Crossroads of Fragmentation and Pluralism
- 41 AMBAROVA P.A. Social Fragmentation of Communities in Modern Russia: In Search of a Sociological Theory

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

52 BABICH N.S., YURYEVA V.I. Technique for Cognitive Dissonance Measurement in Surveys

DEMOGRAPHY. MIGRATION

- 63 MUKOMEL V.I. Central Asian Migrants at the Russian Labor Market: Before the Pandemic
- 76 AVDASHKIN A.A. Migrants' Clusters in Russian City (the Case of Chelyabinsk)

SOCIOLOGICAL HERITAGE

- 84 GOLOVIN N.A. Between Minnesota and Harvard: Comments on Three German Journal Articles by P.A. Sorokin in 1928 and 1930
- 93 SOROKIN P.A. Experiments in Sociology. On the Degree of Expression of Some Features of Solidarity (Altruism) in Deed and in Word in Relation to Social Distance
- 99 SOROKIN P.A. Productivity and Work Incedentives (Experimental Research on 3–4 and 13–14 Year Old Children)
- 108 SOROKIN P.A. Sociology as a Special Science

DISCUSSION. POLEMICS

114 TRUBITSYN D.V. Capitalism and the Weberiana in Russia: Revisiting the Possibilities of Understanding Sociology. Part 1. A Critique of the Weberiana

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 125 DEMYANENKO A.N., KLITSENKO M.V. Khabarovsk Protest: A Sociological Analysis
- 134 WANG XIAO, LI ZIHAN. Vaccination Against Disinformation

ACADEMIC EVENTS

- 143 ROMANOVSKIY N.V., BIYZHANOVA E.K. Theoretical Sociology in Russia: State, Problems, Prospects (The 23th Kharchev Readings)
- 146 YARSKAYA-SMIRNOVA V.N., YARSKAYA-SMIRNOVA E.R. Time Linkage in Social Care Studies
- 150 KOLOSOVA E.A., TSAPKO M.S., TSYBIKOVA D.G. Intelligence in a New Reality
- 154 KHRAMOVA M.N., POPOVA S.M. About Migration Processes in APR Countries

REFLECTING ON A NEW BOOK

156 DOKTOROV B.Z. Discussing an Open Question

ANNIVERSARY

- 161 OBRAZTSOV I.V. is 60
- 162 SHCHERBINA V.V. is 75

LETTER TO THE EDITORS

- 163 FAYNBURG G.Z., LEVCHENKO V.V. To the 100th Anniversary of Z.I. Faynburg's Birth (1922–1990)
- 165 BOOKS IN BRIEF
- 167 INFORMATION FOR AUTHORS

IN MEMORIAM

- 173 Lapin N.I.
- 175 **CONTENTS**

BEST PUBLICATIONS 2021 (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)